

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тверской государственный университет»
Юридический факультет

ПРОБЛЕМЫ ПУБЛИЧНОГО И ЧАСТНОГО ПРАВА

Сборник студенческих научных работ

Выпуск 9

Часть 1

Тверь 2026

УДК 34.02(0.034)
ББК Х022.155я04
П78

Ответственный за сборник:

доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой
конституционного, административного и таможенного права
Тверского государственного университета Н.А. Антонова

П78 Проблемы публичного и частного права: сборник студенческих научных работ. Выпуск 9. Часть 1. – Тверь: Издательство Тверского государственного университета, 2026. – 167 с.

Настоящий сборник содержит научные статьи участников V Международного научного студенческого форума 2026, проводимого на юридическом факультете.

Научные работы обучающихся посвящены актуальным проблемам публичного и частного права.

Статьи представлены в авторской редакции.

Сборник рекомендован к опубликованию решением ученого совета юридического факультета (протокол № 10 от 19 мая 2026 г.).

УДК 34.02(0.034)
ББК Х022.155я04

© Авторы статей, 2026
©Тверской государственной
университет, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Гражданское право и процесс

Богатов Д. Ю. Система критериев определения размера компенсации морального вреда.....	5
Буторина С.Н. Правовая оценка использования субъектами гражданско-правовых отношений нецензурной брани и иных ненормативных выражений.....	12
Волкова А.Р. Трансформация роли суда в доказывании в условиях цифровизации: от «Шевченко содействия сторонам» к активному использованию открытых данных.....	20
Галанцев Г.С. Компенсация морального вреда при оказании ненадлежащих медицинских услуг: вопросы теории и практики	24
Гридина А.Е. Зимнева Н.А., Проблема применения и фальсификации электронных доказательств в судебном процессе	31
Жердева Е.О. Актуальные проблемы стадии подготовки дела к судебному разбирательству и пути их решения	36
Иорданян Р.А. Особенности правового регулирования смарт-контрактов	40
Керимова С.Г. Скриншот как вид доказательства в гражданском процессе	47
Клинова А.П. Правовой режим использования аудио- и видеозаписей в гражданском процессе	51
Костомаха В.Б. Анализ проблем и предложения по совершенствованию отдельных дистанционных технологий в судебной системе Российской Федерации	55
Майорова К.А. Аудиовизуальные произведения как объекты авторских прав	59
Михайлова В. Д. Использование нецензурной брани как проявление противоправности в делах о защите чести, достоинстве и деловой репутации	65
Морозова М.Д. Эмодзи и символы как способ волеизъявления при заключении сделки	71
Налбандян М.М. Использование в сети «интернет» нецензурной брани и выражений, противоречащих общепринятым нормам морали и нравственности	76
Никитина И.Ю. Должен ли суд устанавливать истину?	84
Попов Д.А. Некоторые аспекты и критерии добросовестности приобретателя имущества	92
Сукиасян А.А. Фидуциарные обязанности членов органа управления и ответственность за их нарушение	99
Шахова М.В. Спорные вопросы обеспечения доказательств в гражданском процессе.....	105
Шевлякова П.Ю. Судебное поручение: забытый инструмент или насущная необходимость	111
Н.И. К вопросу о пределах государственного регулирования предпринимательской деятельности	115

Конституционное, административное и муниципальное право

Арутюнова А.Р. Местный референдум в Российской Федерации в условиях современной демократии	121
Димидова М.А. Значение и гарантии прав граждан на осуществление местного самоуправления в Российской Федерации	124
Журавлева Д.А. Совершенствование механизма реализации форм непосредственного осуществления населением местного самоуправления	127
Мотайлов И. В. Новиков Д. С. Конституционно-правовые гарантии и реализация права детей-сирот на жилище в муниципальных образованиях Тверской области	132

Новикова Т.В. Неисполнение родителями обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних как основание для применения мер административной ответственности	140
Остиловский И. А. Опыт оценки конституционной идентичности политики СССР по восстановлению государственности по окончании второй мировой войны	146
Пермякова Э.В. Влияние конституционного нормоконтроля на институт мер предварительной защиты в административном судопроизводстве	150
Пилипенко И.С. Принципы взаимодействия органов местного самоуправления с органами государственной власти	154
Хлыщенко Г.И. Регистрация (учет) избирателей: анализ функций органов публичной власти	163

Гражданское право и процесс

СИСТЕМА КРИТЕРИЕВ ОПРЕДЕЛЕНИЯ РАЗМЕРА КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА

Д. Ю. Богатов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Научный руководитель доцент кафедры гражданского права, к.ю.н.,
доцент Е. В. Козырева

В статье автор анализирует действующее законодательство и судебную практику и формулирует критерии определения размера компенсации морального вреда применительно к каждому специальному деликту, предусмотренному главой 59 ГК РФ («Внедоговорные обязательства»).

Ключевые слова: моральный вред, критерии определения размера компенсации морального вреда, специальные деликты.

В XXI веке мир становится все более динамичным: развиваются новые технологии, происходят социальные изменения. Всесторонняя глобализация и необходимость взаимодействия людей между собой, а также разнообразие форм таких взаимодействий приводят к ситуациям, при которых человеку причиняется моральный вред. Компенсация морального вреда, одновременно являясь способом защиты гражданских прав [1, абз. 11 ст. 12] и мерой ответственности [3, п. 12], выступает институтом гражданского права, применяемым в таких случаях.

Актуальность темы исследования вызвана тем, что данный вопрос недостаточно изучен в науке, а имеющиеся труды ученых в основном опираются на утратившее силу Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» [4] (далее – Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 г. № 10).

Обратимся к ст. 151 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), где сформулировано легальное определение понятия морального вреда. Под моральным вредом понимаются «физические или нравственные страдания, причиненные действиями, нарушающими личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину нематериальные блага» [1, абз. 1 ст. 151]. Данное определение понятия морального вреда расширено в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» (далее – Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 г. № 33). Моральный вред – это «нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага или нарушающими его личные неимущественные права <...> либо нарушающими имущественные права гражданина» [3, абз. 3 п. 1]. Отметим, что нравственные страдания

сформулированы более полно. Под нравственными страданиями следует понимать «страдания, относящиеся к душевному неблагополучию (нарушению душевного спокойствия) человека (чувства страха, унижения, беспомощности, стыда, разочарования, осознание своей неполноценности из-за наличия ограничений, обусловленных причинением увечья, переживания в связи с утратой родственников, потерей работы, невозможностью продолжать активную общественную жизнь, раскрытием семейной или врачебной тайны, распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию, временным ограничением или лишением каких-либо прав и другие негативные эмоции)» [3, п. 14].

Важность разъяснений Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 г. № 33 трудно переоценить поскольку помимо уточнения понятия морального вреда [3, абз. 3 п. 1], в нем предусматривается компенсация не только в денежной, но и иной форме [3, абз. 2 п. 24], а также расширены границы применения компенсации морального вреда с учетом положений Постановления Конституционного Суда РФ от 26.10.2021 г. № 45-П «По делу о проверке конституционности статьи 151 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. Ф. Шиловского».

Для реализации права на компенсацию морального вреда необходимо соблюдение ряда условий:

1. наличие физических и (или) нравственных страданий;
2. противоправность действий (бездействий) причинителя вреда;
3. наличие причинной связи между неправомерными действиями (бездействиями) и моральным вредом;
4. наличие вины причинителя вреда [3, абз. 1 п. 12].

Чтобы определить размер компенсации морального вреда необходимо его «измерить», то есть оценить глубину физических и (или) нравственных страданий.

В ст.ст. 151, 1101 ГК РФ перечислены легальные критерии определения размера компенсации морального вреда:

1. степень и характер физических и (или) нравственных страданий;
2. степень и форма вины нарушителя;
3. разумность, справедливость, соразмерность компенсации последствиям нарушения;
4. фактические обстоятельства, при которых был причинен моральный вред;
5. индивидуальные особенности (в частности: возраст потерпевшего, состояние здоровья потерпевшего, наличие отношений между причинителем вреда и потерпевшим, профессия и род занятий потерпевшего [3, п. 28]);
6. иные заслуживающие внимания обстоятельства (тяжелое имущественное положение ответчика-гражданина (например, отсутствие у ответчика заработка вследствие длительной нетрудоспособности или инвалидности, отсутствие у него возможности трудоустроиться, нахождение на его иждивении малолетних детей, детей-инвалидов, нетрудоспособных супруга (супруги) или родителя (родителей), уплата им алиментов на несовершеннолетних или

нетрудоспособных совершеннолетних детей либо на иных лиц, которых он обязан по закону содержать [3, п. 29]).

Перечисленные критерии определения размера компенсации морального вреда являются общими для всех специальных деликтов, предусмотренных в главе 59 ГК РФ («Внедоговорные обязательства») и являются легальными.

Система критериев определения размера компенсации морального вреда исследована М. Н. Малеиной, которая представила следующие группы критериев:

1. общие критерии [6, с. 61-63];
2. частные (дополнительные к общим) критерии [6, с. 63-70];
3. общие основания повышения и снижения взыскиваемой компенсации неимущественного вреда [6, с. 70-72].

Принятие Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 г. № 33, а также анализ судебной практики позволили разработать авторскую систему критериев определения размера компенсации морального вреда применительно к каждому специальному деликту.

При причинении вреда деятельностью, создающую повышенную опасность для окружающих, а также когда вред причиняется несовершеннолетними, недееспособными и лицами, ограниченными в дееспособности следует учитывать:

- степень тяжести причинения повреждения здоровья;
- длительность неблагоприятного воздействия на здоровье;
- степень стойкости утраты трудоспособности;
- длительность расстройства здоровья;
- необходимость амбулаторного или стационарного лечения;
- утрата возможности ведения прежнего образа жизни;
- возникновение заболеваний и ухудшение состояния здоровья;
- личность потерпевшего (в частности, образ жизни, род занятий, ранее привлечение или непривлечение к уголовной ответственности).

Когда причиняется вред публичной властью подойдут такие критерии:

- лишение возможности сохранять жизненный уровень, необходимый для поддержания жизнедеятельности и здоровья, обеспечения достоинства личности;
- продолжительность и условия незаконного применения принудительных мер;
- утрата возможности ведения прежнего образа жизни;
- возникновение заболеваний и ухудшение состояния здоровья;
- испытываемые унижения достоинства;
- дискомфортное состояние;
- ограничение прав на свободу передвижения, выбор места пребывания;
- изменение привычного образа жизни;
- лишение возможности общаться с родственниками и оказывать им помощь;
- нарушение поддерживаемых близких семейных отношений с родственниками и другими членами семьи;

- лишение возможности оказания необходимой заботы и помощи родственникам и другим членам семьи;
- распространение и обсуждение в обществе информации о привлечении лица к уголовной или административной ответственности;
- потеря работы;
- затруднения в трудоустройстве;
- ограничение участия в общественно-политической жизни;
- длительность и обстоятельства уголовного преследования;
- тяжесть инкриминируемого преступления;
- избранная мера пресечения и причины избрания определенной меры пресечения;
- длительность, условия, количество (однократность и неоднократность) применения принудительных мер (например, содержание под стражей);
- вид и продолжительность назначенного уголовного наказания;
- вид исправительного учреждения;
- личность потерпевшего (в частности, образ жизни, род занятий, ранее привлечение или непривлечение к уголовной ответственности).

Если вред причиняется жизни и здоровью:

- причинение увечья;
- возникновение профессионального заболевания;
- степень вины работодателя в причинении вреда здоровью работника в произошедшем несчастном случае;
- а также применимы и другие критерии, с учетом конкретных обстоятельств дела, которые характерны при причинении вреда деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих.

Когда вред причиняется вследствие недостатков товаров, работ или услуг необходимо учитывать следующее:

- отказ продавца в удовлетворении требований потребителя о замене товара;
- непринятие всех мер в полном объеме при оказании медицинской помощи пациенту для его своевременного и квалифицированного обследования в целях установления правильного диагноза;
- несоответствие организации обследования и лечебного процесса установленным порядкам оказания медицинской помощи, стандартам оказания медицинской помощи, клиническим рекомендациям (протоколам лечения);
- дефекты оказания медицинской помощи;
- влияние нарушений услуги на течение заболевания пациента (способствовали ухудшению состояния здоровья, повлекли неблагоприятный исход) и, как следствие, нарушение его прав в сфере охраны здоровья;
- возникновение заболевания, перенесенного в результате нравственных страданий в связи с утратой родственника вследствие некачественного оказания медицинской помощи;
- переживания по поводу недооценки со стороны медицинских работников тяжести состояния, неправильного установления диагноза заболевания, непринятия всех возможных мер для оказания необходимой и своевременной

помощи, которая могла бы позволить избежать неблагоприятного исхода как для потерпевшего, так и для его близких;

Подробнее хотелось бы остановиться на фактических обстоятельствах. К ним можно отнести:

- значимость конкретных прав и нематериальных благ (например, характер родственных связей между потерпевшим и истцом);

- характер и степень умаления прав и благ (например, интенсивность, масштаб и длительность неблагоприятного воздействия);

- способ причинения вреда (например, причинение вреда здоровью способом, носящим характер истязания, унижение чести и достоинства родителей в присутствии их детей);

- поведение потерпевшего при причинении вреда (например, причинение вреда вследствие провокации потерпевшего в отношении причинителя вреда);

- последствие причинения потерпевшему страданий;

- вид и степень тяжести повреждения здоровья;

- длительность (продолжительность) расстройства здоровья;

- степень стойкости утраты трудоспособности;

- необходимость амбулаторного или стационарного лечения потерпевшего;

- утрата возможности ведения прежнего образа жизни;

- единичное или множественное нарушение.

Приведем примеры из судебной практики.

Так, истец обратилась в суд с исковым заявлением, в котором просит взыскать компенсацию морального вреда, причиненного публичной властью. По заявлениям истца – со стороны Прокуратуры Тверской области имеет место бездействие, выразившееся в уклонении от проведения проверки по заявлению истца о признаках преступлений в отношении АО «Атомэнергосбыт», председателя СНТ «Лазурное», а также действия по сокрытию этих преступлений, выразившихся в ответах, содержащих необоснованные и немотивированные отказы в возбуждении уголовного дела [7]. Не принято во внимание отсутствие электроэнергии на земельном участке истца на протяжении 702 дней. Истец указал, что моральный вред выражается в нравственных страданиях в связи с ненадлежащим исполнением должностными лицами прокуратуры своих обязанностей, наступлении негативных последствий в виде резкого ухудшения здоровья мужа истца (ишемический инсульт головного мозга) [7]. Однако, суд отказал в удовлетворении требований истца в связи с тем, что не были представлены доказательства причинения ей физических и нравственных страданий непосредственными действиями сотрудников прокуратуры, а «потерпевший <...> должен доказать факт нарушения его личных неимущественных прав либо посягательства на принадлежащие ему нематериальные блага, а также то, что ответчик является лицом, действия (бездействие) которого повлекли эти нарушения, или лицом, в силу закона обязанным возместить вред» [3, абз. 2 п. 12]. Таким образом, наличие физических и (или) нравственных страданий не гарантирует компенсацию – моральный вред подлежит доказыванию.

Приведем другой пример из судебной практики. Истец обратился с иском заявлением, в частности, к старшему следователю СО ОМВД России «Конаковский» Тверской области. Фактические обстоятельства выражаются в том, что постановлением Конаковского городского суда от 15.06.2022 г. удовлетворено ходатайство следователя СО ОМВД России «Конаковский» о госпитализации истца в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь (ОКПНД) Бурашево. Моральный вред, по заявлениям истца, выразился в том, что его принуждали принимать лечение сильнодействующими препаратами против его воли, что привело к сильным душевным страданиям, снижению самооценки, физическом ущербе нервной системе. Кроме того, вплоть до даты, когда в судебном заседании истцу объявили, в чем его обвиняют, истец полагал, что ему грозит наказание до пожизненного лишения свободы, что вызывало у него сильные физические и нравственные страдания: страх и тревогу, чувство собственной неполноценности, стойкую утрату сна и аппетита, что может быть оценено как бесчеловечное отношение [8].

Несмотря на отмену постановления Конаковского городского суда Тверской области от 15.06.2022 г. об удовлетворении ходатайства следователя и помещении обвиняемого в психиатрический стационар – в удовлетворении требований истца было отказано, поскольку постановление суда о помещении обвиняемого в психиатрический стационар было отменено ввиду нарушений процессуального характера, допущенных при его рассмотрении, что «не свидетельствует о незаконности действий следователя» [8]. Кроме того, отмененное решение суда было принято с учетом заключения судебно-психиатрической комиссии экспертов, согласно которому истец страдает хроническим психическим расстройством в форме хронического бредового расстройства (шифр по МКБ-10 F 22.08), лишаящим его на тот период времени возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и руководить ими, а также правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела и давать о них показания, осуществлять свои процессуальные права и участвовать в следственных действиях и судебном заседании.

Заслуживает внимания и другой пример из судебной практики. Так, истец обратился к ПАО «Группа Ренессанс Страхование», среди прочих, с требованием о компенсации морального вреда за вред, причиненный недостатком услуги страхования, выразившийся в неполной оплате страхового возмещения в результате произошедшего ДТП [9]. Применительно к данному специальному деликту следует сказать, что законодатель распространил действие Закона РФ от 07.02.1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» на отношения, возникающие из договоров страхования. В силу п. 45 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей»: «при решении судом вопроса о компенсации потребителю морального вреда достаточным условием для удовлетворения иска является установленный факт нарушения прав

потребителя». То есть наличие морального вреда презюмируется. Таким образом, суд, исходя из характера нарушения прав истца как потребителя, степени страданий, требований разумности и справедливости, руководствуясь внутренним убеждением, удовлетворил требование о компенсации морального вреда.

С учетом изложенного представляется, что как для науки, так и для практики неопределимую роль сыграло принятие Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 г. № 33 и у судов до сих пор возникают трудности при определении размера компенсации морального вреда. Представляется, что в разрешении данного вопроса помогут разработанные критерии определения размера компенсации морального вреда. Сегодня, мы можем наблюдать, что размеры компенсации морального вреда увеличились, а этот институт гражданского права заметно преобразился в своем развитии.

Список литературы

1. Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025 г.) // СЗ РФ от 05.12.1994 г., № 32, ст. 3301.
2. Часть третья Гражданского кодекса Российской Федерации от 26.11.2001 г. № 146-ФЗ (от 08.08.2024 г.) // СЗ РФ от 03.12.2001 г., № 49, ст. 4552.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 г. № 33 (ред. от 15.11.2022 г.) «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» // РГ, № 267, 25.11.2022 г.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 г. № 10 (ред. 06.02.2007 г.) «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» // РГ, № 29, 08.02.1995 г. [Утратило юридическую силу].
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 26.10.2021 г. № 45-П «По делу о проверке конституционности статьи 151 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. Ф. Шиловского» // СЗ РФ от 08.11.2021 г., № 45, ст. 7615.
6. Малеина М. Н. Система критериев определения компенсации неимущественного вреда как способа защиты гражданских, семейных и трудовых прав граждан // Журнал российского права. 2015. № 5 (221). С. 59-73.
7. Решение Центрального районного суда г. Твери (Тверская область) по делу № 2-200/2025 от 15.01.2025 // Официальный сайт Центрального районного суда г. Твери (Тверская область). URL: <https://centralny.twr.sudrf.ru> (дата обращения: 01.04.2026);
8. Решение Конаковского городского суда (Тверская область) по делу № 2-117/2025 от 30.01.2025 // Официальный сайт Конаковского городского суда (Тверская область). URL: <https://konakovsky.twr.sudrf.ru/> (дата обращения: 01.04.2026).
9. Решение Железнодорожного районного суда г. Новосибирска (Новосибирская область) от 19.08.2025 г. по делу № 2-1731/2025 // Официальный сайт Железнодорожного районного суда г. Новосибирска (Новосибирская область). URL: <https://zheleznodorozhny.nsk.sudrf.ru/> (дата обращения: 01.04.2026).

Об авторе:

БОГАТОВ Даниил Юрьевич – студент 4 курса юридического факультета направления подготовки 40.03.01 Юриспруденция.

Принято в редакцию 11.06.2026.

Подписано в печать 17.06.2026.

ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СУБЪЕКТАМИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ НЕЦЕНЗУРНОЙ БРАНИ И ИНЫХ НЕНОРМАТИВНЫХ ВЫРАЖЕНИЙ

С.Н. Буторина

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Научный руководитель к.ю.н., доцент О.Г. Барткова

Актуальность темы обусловлена распространенностью нецензурной лексики в общественном пространстве, интернет-коммуникациях, межличностных отношениях при одновременном отсутствии единообразного подхода к правовой оценке таких действий. В статье исследуется проблема использования нецензурной брани как юридически значимого обстоятельства. Обосновывается, что оно может выступать одним из условий гражданско-правовой ответственности в форме компенсации морального вреда, характеризуя противоправность поведения нарушителя. В работе систематизированы отраслевые особенности правового регулирования использования нецензурной брани и оснований запрета на такое использование, исследована судебная практика по делам об оскорблении и защите чести и достоинства и деловой репутации. Теоретическая значимость статьи заключается в развитии научных представлений о нецензурной брани как многофункциональном обстоятельстве, имеющим юридическое значение. Практическая значимость состоит в выявлении проблем правоприменения и формулировании рекомендаций по единообразному толкованию законодательства.

Ключевые слова: нормы русского литературного языка, нецензурная брань, оскорбление, юридическая ответственность, защита чести и достоинства, компенсация морального вреда, свобода слова.

Нецензурная брань представляет собой социокультурный и правовой феномен. С одной стороны, она является частью языковой реальности, с другой – выступает объектом правового регулирования и оценки. Ненормативная лексика имеет этическую и правовую составляющую, причем их соотношение далеко не всегда очевидно для правоприменителя. В российском законодательстве отсутствует единый подход к определению нецензурной брани, однако она фигурирует в качестве значимого обстоятельства в правовых нормах. М.А. Ветошкин подчеркивает, что оскорбления личности посягают на честь и достоинство граждан, однако квалификация таких действий осложняется необходимостью разграничения субъективного мнения и утверждения о фактах, публичного и приватного общения, допустимой и недопустимой критики [7].

Понятие нецензурной брани в российском праве носит сложный, многоаспектный характер. Правовая природа нецензурной брани определяется ее способностью выступать в различных юридических качествах – от конструктивного признака состава правонарушения до основания для гражданско-правовой ответственности. Значение для правовой оценки имеют контекст использования, направленность высказываний, публичность, наличие умысла на оскорбление и причиненные последствия.

Как отмечает Д.В. Бондаренко, ранее языковое законодательство Российской Федерации характеризовалось отсутствием системного подхода к

регулированию использования нецензурной лексики [6]. Используются различные термины: «нецензурная брань», «неприличная форма», «ненормативная лексика» (в подзаконных актах), однако содержание этих понятий не раскрывается. В Федеральном законе от 01.06.2005 № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» используется термин «нецензурная брань». В других федеральных законах могут встречаться формулировки «нецензурные и оскорбительные выражения». Однако ситуация изменилась в 2025 году с принятием Распоряжения Правительства РФ от 30.04.2025 № 1102-р «Об утверждении списка нормативных словарей, справочников и грамматик, фиксирующих нормы современного русского литературного языка Российской Федерации» [2]. Этот акт реализовал положение ч.3 ст.1 Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации» [1], где закреплено, что нормы современного русского литературного языка – это правила использования языковых средств, зафиксированные в нормативных словарях, справочниках и грамматиках. Теперь толкование того, какие слова относятся к нецензурной лексике, может опираться на нормативные словари из утвержденного перечня. Суды и иные правоприменительные органы при квалификации высказываний как содержащих нецензурную брань должны ориентироваться на Толковый словарь государственного языка Российской Федерации (разработчик – федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»), Часть 1, А-Н, где содержится толкование слова «нецензурный» и перечень соответствующих лексических единиц. Под нецензурной бранью принято понимать наиболее грубые, табуированные в обществе лексические единицы, употребление которых осуждается общественной моралью и ограничивается в публичном пространстве. К их числу относятся матерные слова и выражения, обозначающие физиологические процессы и части тела, а также производные от них. В Большом толковом словаре русского языка под редакцией С.А. Кузнецова [14] слово «нецензурный» имеет значение неприличный, непристойный, оскорбительный, матерный. Имеющееся толкование в данном словаре позволяет определить, какое слово относится к нецензурному. Для юридической квалификации важно установить факт использования тех или иных слов, определить их значение, направленность на определенное лицо, публичность высказывания и иные обстоятельства.

А.В. Матвеев и О.А. Шендрик отмечают, что ненормативная лексика имеет две неразрывно связанные составляющие – этическую и правовую [9]. Этическая составляющая определяется сложившимися в обществе представлениями о допустимом и недопустимом, о приличиях и нормах речевого поведения. Правовая составляющая выражается в закрепленных в законодательстве запретах на использование такой лексики в определенных ситуациях и в установлении санкций за нарушение этих запретов. Ранее границы между этической и правовой оценкой могли быть размыты и создавать проблемы для правоприменителя. Однако с утверждением нормативных словарей, справочников и грамматик правоприменительные органы получили

формализованный критерий для квалификации лексики как нецензурной. Тем не менее отдельные аспекты, такие как контекст высказывания, его направленность, публичность и иные обстоятельства по-прежнему требуют индивидуальной оценки в каждом конкретном случае.

Особенностью понятия нецензурной брани является ее разграничение с оценочными суждениями и выражениями эмоций. Как разъясняется в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 года № 3 [3], оценочные суждения, мнения, убеждения являются выражением субъективного мнения и взглядов ответчика и, как таковые, не могут быть проверены на соответствие действительности. Соответственно, они не подлежат опровержению по правилам статьи 152 ГК РФ. Вместе с тем, если субъективное мнение было высказано в оскорбительной форме, унижающей честь и достоинство истца, на ответчика может быть возложена обязанность компенсации морального вреда. Согласно абз.6 п.9 этого постановления, именно форма выражения мнения, в том числе использование грубой, нецензурной лексики, становится юридически значимой: если она носит оскорбительный характер, то может повлечь гражданско-правовую ответственность. Таким образом, нецензурная брань в данном контексте выступает не как самостоятельный предмет опровержения, а как признак оскорбительной формы высказывания, который может повлечь гражданско-правовую ответственность. При этом для удовлетворения иска о защите чести, достоинства или деловой репутации, в силу статьи 152 ГК РФ, суду необходимо установить ряд обстоятельств: факт распространения сведений, их порочащий характер и несоответствие действительности. При отсутствии хотя бы одного из указанных обстоятельств иск не может быть удовлетворен судом.

Одним из основных вопросов является разграничение публичного и частного использования нецензурной брани. Административная и уголовная ответственность наступает за публичные действия. Так публичное произнесение нецензурной брани в общественных местах квалифицируется как мелкое хулиганство и влечет ответственность по ст.20.1 КоАП РФ. Кроме того, ст.5.61 КоАП РФ предусматривает административный штраф за оскорбление – унижение чести и достоинства другого лица в неприличной форме, причем публичное оскорбление в СМИ, интернете или в публичном выступлении влечет более строгое наказание. Уголовная ответственность за оскорбление сохраняется лишь в специальных случаях, например, по ст.319 УК РФ (оскорбление представителя власти) или ст.336 УК РФ (оскорбление военнослужащего). Гражданско-правовая ответственность может наступать и за частные оскорбления (например, в личной переписке), если они причиняют моральный вред. Она предусмотрена ст.151 ГК РФ: если гражданину причинены физические или нравственные страдания действиями, нарушающими его личные нематериальные права либо посягающими на принадлежащие ему нематериальные блага, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации вреда.

В ходе рассмотрения дела №2-239/2020 Фроловский городской суд в своем решении от 13 мая 2020 г. указал, что между истцом и ответчиком произошел словесный конфликт на бытовой почве. Ответчик ФИОЗ неоднократно звонила ей на телефон, однако она, не желая выяснять отношения, трубку телефона не брала. После чего, ответчик со своего номера телефона (+79616787639) прислала ей на ее номер телефона (+79608716079) SMS сообщение с текстом: «Нецензурное слово....., возьми трубку». Данный пример иллюстрирует частное использование нецензурной брани: сообщение было направлено конкретному лицу в рамках личной переписки, не предназначалось для широкого круга лиц, и не было размещено в публичном пространстве. Данное высказывание, выраженное в неприличной форме, унижает её честь и достоинство. С учетом изложенного, суд приходит к выводу о том, что высказанные в sms-сообщении ответчиком выражение, неприличное по форме, носящее оскорбительный характер, было направлено на унижение личного достоинства истца, посягают на принадлежащие ей нематериальные блага, и повлекли причинение ей морального вреда [5].

Ответственность может наступать за прямое оскорбление нецензурной бранью и распространение порочащих сведений в иной форме. Так в Решении Фроловского городского суда от 13 мая 2020 г. [5] истцу стало известно, что ответчик ФИОЗ на информационном ресурсе «Одноклассники» телекоммуникационной сети «Интернет» разместила на своей странице на всеобщее обозрение в разделе «статус» текст следующего содержания: «Счастливые люди, те у которых соседи не «нецензурное слово, характеризующее женщин» и не бывшие менты. А у меня они есть». Данное высказывание она восприняла как адресованное в свой адрес, поскольку она проживает по соседству с ответчиком, с которой на протяжении более 5 месяцев сложилась конфликтная ситуация. Кроме того, ее муж является пенсионером МВД, который ранее работал в МО МВД России «Фроловский», о чем ФИОЗ известно. Факт размещения данного «статуса» на своей странице ответчиком ФИОЗ не оспаривается. Однако, последняя настаивала в судебном заседании на том, что данное выражение не имеет какого-либо отношения к истцу. При этом позиция стороны истца о том, что указанное выражение адресовано именно ФИО1 и ее супругу основано на предположении, поскольку стороны проживают в многоквартирном и многоподъездном жилом доме, то есть истец не является единственной соседкой ответчика, а размещенные сведения кроме указания на соседей не содержат каких-либо конкретных сведений об истце и ее супруге либо иной информации, позволяющей прийти к выводу, что в данном случае речь идет именно о ФИО1. Факт оскорбления, причиненного истцу ФИО1 ответчиком путем размещения информации на информационном ресурсе «Одноклассники» телекоммуникационной сети «Интернет», не нашел свое подтверждение в судебном заседании, в связи с чем на ответчика не может быть возложена обязанность компенсации морального вреда, о которой просил истец, по данному факту.

Н.П. Поливаева и Н.А. Романович отмечают, что в современном обществе границы между публичным и частным размываются, особенно в интернет-пространстве. То, что создавалось как частное сообщение, может стать публичным в результате скриншотов и пересылки [12].

Нравственные границы свободы слова должны учитывать контекст коммуникации, аудиторию и возможные последствия высказываний. Это в полной мере относится и к нецензурной брани, использование которой может быть по-разному оценено в зависимости от того, где, когда, кем и в присутствии кого она была допущена. При этом отсутствие публичности само по себе не исключает противоправности. Как разъяснено в Постановлении Пленума ВС РФ от 24 февраля 2005 года № 3, оценочные суждения не подлежат опровержению по ст. 152 ГК РФ, но если они выражены в неприличной, оскорбительной форме (в том числе с нецензурной бранью) и унижают честь и достоинство, то могут повлечь гражданско-правовую ответственность (абз. 6 п. 9 Постановления).

В качестве самостоятельного объекта защиты выступает деловая репутация гражданина, когда порочащие сведения распространены в профессиональной среде.

Можно сделать ряд выводов о правовых последствиях использования нецензурной брани в российском праве: использование нецензурной брани в российском праве может повлечь гражданско-правовую ответственность при распространении порочащих сведений, не соответствующих действительности (ст. 152 ГК РФ), и причинение нравственных страданий действиями, нарушающими личные неимущественные права (ст. 151 ГК РФ). В гражданском процессуальном праве использование нецензурной брани квалифицируется как неуважение к суду и влечет самостоятельные процессуальные последствия. Размер компенсации морального вреда определяется судом с учетом характера оскорблений, степени нравственных страданий и требований разумности и справедливости.

Обобщение теоретических подходов и судебной практики позволяет выделить следующие критерии правовой оценки использования нецензурной брани:

1. Публичность/частность. Публичное использование нецензурной брани (в общественном месте, в СМИ, в интернете) имеет более серьезные правовые последствия, чем частное (в личном разговоре, переписке). Однако и частное использование может быть достаточным условием для гражданско-правовой ответственности в рассматриваемой категории споров.

2. Направленность умысла. Следует установить, была ли нецензурная брань направлена на конкретное лицо (оскорбление) или являлась неадресным выражением эмоций. Если высказывание адресовано конкретному лицу и унижают его честь и достоинство, они могут быть квалифицированы как оскорбления, в силу ст.5.61 КоАП РФ, и повлечь административную ответственность. Если же брань не имеет конкретного адресата, ответственность за оскорбление исключается, однако при публичном употреблении такое поведение может быть расценено как мелкое хулиганство, в силу ст.20.1 КоАП

РФ, в случае если оно сопровождается нарушением общественного порядка и выражает явное неуважение к обществу.

3. Контекст. Оценка нецензурной брани должна производиться с учетом конкретной ситуации, включая взаимоотношения сторон, повод для высказываний, обстановку.

4. Соответствие действительности/оценочный характер. Если нецензурная брань используется для выражения оценочного суждения, она может быть признана оскорблением, но не подлежит опровержению как сведение, не соответствующее действительности.

5. Причиненные последствия. Для гражданско-правовой ответственности необходимо установление факта причинения морального вреда и его степень.

В ходе проведенного анализа, можно сделать вывод, что использование нецензурной брани является юридически значимым обстоятельством в различных отраслях российского права – в гражданском (защита чести и достоинства, компенсация морального вреда), гражданском процессуальном (неуважение к суду). Такое поведение рассматривается как противоправное. Толкование нецензурной брани базируется на нормативных словарях из перечня, утвержденного Распоряжением Правительства РФ от 30.04.2025 № 1102-р [2]; судебное толкование и лингвистические экспертизы дополняют этот подход при рассмотрении конкретных дел. В гражданском праве нецензурная брань рассматривается как основание для защиты чести и достоинства и компенсации морального вреда. При этом отсутствие основания привлечения к административной ответственности за оскорбление не препятствует гражданско-правовой защите. Размер компенсации определяется судом с учетом характера оскорблений, степени нравственных страданий, требований разумности и справедливости. Так в Решении Фроловского городского суда по делу №2-239/2020 от 13 мая 2020 [5] иллюстрирует практику взыскания компенсации морального вреда за распространение оскорбительных взысканий, содержащих ненормативную лексику. Истец обратился в суд с требованием о взыскании компенсации морального вреда в размере 80 000 рублей. Основанием для иска послужило распространение ответчиком в публичном чате мессенджера сообщений, содержащих нецензурную брань и порочащие сведения в адрес истца. Суд признал, что распространение нецензурной брани и порочащих сведений в публичном пространстве нарушает личные неимущественные права истца. Требование истца удовлетворены частично, взыскана компенсация морального вреда в размере 8000 рублей, вместо заявленных 80 000 рублей. Суд указал, что заявленная сумма несоразмерна характеру и степени причиненных страданий с учетом смягчающих обстоятельств. Факторами, влияющими на исход спора, являются: возможность идентификации истца в оспариваемой информации (указание фамилии, фотографии), характер сведений (утверждение о факте или оценочное суждение), а также круг лиц, которым такие сведения стали известны.

В целях единообразного применения норм о юридической ответственности за использование нецензурной брани, в том числе в делах о защите чести и

достоинства, целесообразно было бы обобщение Верховным Судом РФ судебной практики и утверждение им обзора такой практики. В нем могли бы быть отражены разъяснения, содержащие типовые примеры квалификации высказываний с разграничением: нецензурной брани (подпадающей под ст. 5.61 КоАП РФ); грубой лексики; оскорбительных высказываний без использования нецензурной брани. В качестве значимых обстоятельств Верховный Суд РФ мог бы обратить внимание на такие, как: контекст распространения информации, формат распространения (публичное выступление, социальные сети, личная переписка); способы фиксации факта использования нецензурной брани и доказательства (скриншоты, аудио-и видеозаписи, лингвистическая экспертиза). Кроме того необходимо проведение профилактической работы по формированию культуры общения.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 01.06.2005 № 53 – ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» (в редакции от 28.02.2023 № 52-ФЗ) // СПС «Консультант Плюс».
2. Распоряжение Правительства РФ от 30.04.2025 № 1102-р «Об утверждении перечня нормативных словарей, справочников и грамматик, фиксирующих нормы современного русского литературного языка» // СПС «Консультант Плюс».
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 (ред. от 09.12.2025) «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц». // СПС «Консультант Плюс».
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2010 № 16 (ред. от 09.12.2025) «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации». // СПС «Консультант Плюс».
5. Решение № 2-239/2020 2-239/2020~М-162/2020 М-162/2020 от 13 мая 2020 г. по делу №2-239/2020 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/sJPxng4Wl8y/?ysclid=mo1y0dfc1h250517464> (дата использования: 10.04.2026).
6. Бондаренко Д.В. Языковое законодательство Российской Федерации: актуальные проблемы // Гражданин и право. 2022. № 4.// URL: (дата использования: 19.03.2026).
7. Ветошкин М.А. Оскорбления личности // Реформа контрольно-надзорной деятельности в России: актуальные проблемы теории и практики. Пермь, 2024 // URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=79695439> (дата использования: 02.04.2026).
8. Габов А.В. Нецензурная брань: правила использования в судебных актах // URL: <https://base.garant.ru/77157870/> (дата использования: 02.04.2026)
9. Матвеев А.В., Шендрик О.А. Ненормативная лексика: этическая и правовая составляющая // Актуальные проблемы социально-экономического развития общества. 2024 // URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=68496268&ysclid=mo5z5wvj34892539277> (дата использования: 10.04.2026).
10. Никитенко А.Г. Нецензурная брань и ее социально-правовые последствия// Актуальные проблемы развития науки в современной России //URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38941335&ysclid=mo5z7eljpw562923616> (дата использования: 10.04.2026).
11. Петрова И.Л. Защита чести, достоинства и деловой репутации: юрлингвистический аспект // URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_BIBL_A_011814449/?ysclid=mo5z8zi0hv761404671 (дата использования: 10.04.2026).
12. Поливаева Н.П., Романович Н.А. Проблема ненормативной лексики в контексте публичности и традиционных ценностей // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema->

nenormativnoy-leksiki-v-kontekste-publichnosti-i-traditsionnyh-tsennostey?ysclid=mo5z9ymdlv89831311 (дата использования: 10.04.2026).

13. Потапенко С.В., Даниелян А.С. Защита чести, достоинства и деловой репутации: гражданско-правовой и процессуально-правовой аспекты // URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_010812593/?ysclid=mo5zbad1wb194136398 (дата использования: 10.04.2026).

14. Большой толковый словарь русского языка под редакцией С.А. Кузнецова // URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004147706/?ysclid=mo7iqkt6be981202614.

Об авторе:

БУТОРИНА Софья Николаевна – студентка 2 курса юридического направления подготовки 40.03.01 Юриспруденция.

Принято в редакцию 11.06.2026.

Подписано в печать 17.06.2026.

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОЛИ СУДА В ДОКАЗЫВАНИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ОТ «СОДЕЙСТВИЯ СТОРОНАМ» К АКТИВНОМУ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ОТКРЫТЫХ ДАННЫХ

А.Р. Волкова

ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»

Научный руководитель к.ю.н., доцент Н.Н. Болдырева

В статье рассматривается влияние цифровизации на процесс доказывания в гражданском судопроизводстве. Особое внимание уделяется изменению роли суда при использовании электронных доказательств, сведений из государственных реестров, официальных сайтов, информационных систем, электронной переписки, аудио- и видеозаписей. Отмечается, что цифровизация расширяет возможности участников процесса по представлению доказательств, однако не отменяет принцип состязательности и обязанность сторон доказывать обстоятельства, на которые они ссылаются. Анализируются пределы активности суда при истребовании и оценке цифровых доказательств, а также необходимость их процессуального оформления, раскрытия сторонам и проверки достоверности. Делается вывод о том, что цифровые технологии повышают доступность и оперативность гражданского процесса, но требуют соблюдения баланса между активной ролью суда и равноправием участников процесса.

Ключевые слова: гражданский процесс, доказывание, цифровизация, электронные доказательства, открытые данные, состязательность сторон, роль суда, оценка доказательств, цифровая информация, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации.

Цифровизация изменила саму природу доказывания в гражданском процессе. Ранее основное значение имели бумажные документы. Сегодня юридически значимая информация все чаще существует в электронной форме: в государственных реестрах, информационных системах, на официальных сайтах органов власти и судов, в электронных документах, переписке, аудио- и видеозаписях [1], [6].

Гражданский процесс сохраняет состязательный характер. В соответствии со статьей 56 ГПК РФ каждая сторона должна доказать обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений. Основная обязанность по доказыванию возлагается на участников процесса. Суд не вправе подменять стороны и самостоятельно формировать доказательственную базу в интересах истца или ответчика [1].

Одновременно суд не является пассивным наблюдателем. Согласно статье 12 ГПК РФ суд руководит процессом, разъясняет лицам, участвующим в деле, их права и обязанности, предупреждает о последствиях совершения или несовершения процессуальных действий, оказывает содействие в реализации прав и создает условия для полного и всестороннего исследования доказательств [1]. Задача суда состоит не только в оценке уже представленных материалов, но и в правильной организации процесса доказывания [2, с. 214].

Статья 57 ГПК РФ закрепляет, что доказательства представляются сторонами и другими лицами, участвующими в деле. При затруднительном получении доказательств суд по ходатайству стороны оказывает содействие в их

собрании и истребовании [1]. Закрепленное правило особенно важно в цифровую эпоху, поскольку необходимые сведения могут находиться не у стороны, а в государственном реестре, информационной системе, у оператора связи, банка, органа власти или иной организации [4, с. 117].

В условиях цифровизации роль суда в доказывании становится более активной, однако принцип состязательности сохраняет свое значение. По общему правилу именно стороны представляют доказательства и выбирают их процессуальную форму: документы, скриншоты, переписку, аудио- и видеозаписи, нотариальный протокол осмотра сайта и другие материалы [1], [8]. Суд не собирает доказательства вместо сторон, а оказывает содействие в их получении, если сторона не может сделать это самостоятельно [5].

Например, суд может по ходатайству стороны запросить сведения у государственной организации, банка, оператора связи, из официального реестра или иной информационной системы. Требования суда обязательны для исполнения [1]. При риске удаления или изменения доказательств, например переписки, страницы сайта или сведений в личном кабинете, сторона может заранее обратиться к нотариусу для их удостоверения [8].

Суд также может учитывать сведения из открытых и общеизвестных источников при условии их надлежащего процессуального оформления и раскрытия сторонам. Самостоятельное обнаружение судом сведений в сети Интернет и использование их в качестве основания решения без предоставления сторонам возможности высказать возражения недопустимо. В результате цифровизация усиливает роль суда как организатора доказывания, но не освобождает стороны от обязанности доказывать свои требования и возражения [1], [5].

Электронные доказательства прямо признаются гражданским процессуальным законодательством. Статья 35 ГПК РФ предусматривает возможность представления документов в электронном виде. Статья 71 ГПК РФ относит к письменным доказательствам документы и материалы, выполненные в цифровой или графической форме, полученные посредством электронной или иной связи, с использованием сети Интернет, а также документы, подписанные электронной подписью [1], [6].

Сведения из цифровой среды могут выступать доказательствами по гражданскому делу. К числу таких доказательств относятся электронные договоры, скриншоты страниц сайтов, электронная переписка, сведения из Единого государственного реестра юридических лиц (ЕГРЮЛ), Единого государственного реестра индивидуальных предпринимателей (ЕГРИП), Единого государственного реестра недвижимости (ЕГРН), банка данных исполнительных производств, официальных сайтов судов и иных государственных информационных ресурсов [1], [6], [7].

Открытость данных, однако, не означает возможность их произвольного использования судом. Любая информация, влияющая на выводы суда, должна быть процессуально оформлена. Источник сведений необходимо указать, данные — приобщить к материалам дела, а сторонам — предоставить

возможность ознакомиться с ними, представить возражения и дать объяснения [1], [5].

При отсутствии надлежащего процессуального оформления возникает риск нарушения принципа состязательности. Самостоятельное обнаружение судом информации в сети Интернет, использование ее в качестве основания решения и нераскрытие сторонам фактически лишают участников процесса возможности оспаривать соответствующее доказательство. Подобная практика противоречит природе гражданского процесса, поскольку каждая сторона должна иметь равную возможность участвовать в исследовании доказательств [1], [3, с. 286].

Оценка цифровых доказательств осуществляется по общим правилам статьи 67 ГПК РФ. Суд оценивает относимость, допустимость и достоверность каждого доказательства, а также достаточность и взаимную связь доказательств в совокупности. Никакие доказательства не имеют для суда заранее установленной силы [1]. Сведения из официального электронного ресурса также должны проверяться с точки зрения актуальности, источника, даты получения и связи с предметом доказывания [4, с. 146].

Особой осторожности требуют сведения из неофициальных цифровых источников: социальных сетей, мессенджеров, форумов, блогов, маркетплейсов и иных интернет-площадок. Информация из указанных источников может быть изменена, удалена, размещена неизвестным лицом либо вырвана из контекста. Дополнительное подтверждение в подобных случаях приобретает особое значение. Более высокий уровень доверия могут иметь сведения из государственных реестров, официальных сайтов судов, органов власти и иных публичных информационных систем [4, с. 151], [7].

Статья 77 ГПК РФ устанавливает специальное правило для аудио- и видеозаписей: лицо, представляющее такую запись или ходатайствующее о ее истребовании, обязано указать, когда, кем и в каких условиях она была сделана [1]. Закрепленное правило отражает общий подход к цифровым доказательствам: для суда важно не только содержание информации, но и ее происхождение.

Использование открытых данных судом возможно в трех основных формах. Первая форма заключается в признании обстоятельств общеизвестными по статье 61 ГПК РФ. При этом не вся информация из сети Интернет является общеизвестной. Общеизвестность предполагает очевидность факта и его известность широкому кругу лиц [1].

Вторая форма предполагает представление открытых цифровых данных стороной и их приобщение к материалам дела. Подобный порядок наиболее полно соответствует принципу состязательности, поскольку сторона самостоятельно ссылается на доказательство, а другая сторона вправе его оспаривать [1], [3, с. 291].

Третья форма связана с истребованием судом сведений из официальных источников по ходатайству стороны. Официальное истребование является наиболее надежным способом с процессуальной точки зрения, поскольку информация поступает в дело официально, ее источник ясен, а стороны могут дать по ней объяснения [1], [5].

Пределы активности суда в цифровом доказывании определяются тремя условиями: нейтральностью суда, открытостью доказательственной информации для сторон и процессуальным оформлением каждого доказательства. Суд вправе использовать цифровые инструменты для уточнения обстоятельств дела и содействия сторонам, но не вправе самостоятельно собирать доказательства в интересах одной из сторон [1], [5].

Трансформация роли суда не означает отказа от состязательности. Речь идет о новой модели — цифровом процессуальном содействии. В рамках указанной модели суд становится более активным организатором доказывания: помогает истребовать сведения из официальных источников, обеспечивает исследование электронных доказательств, проверяет достоверность цифровой информации и предоставляет сторонам возможность высказать позицию по каждому доказательству [2, с. 219], [4, с. 163].

Таким образом, цифровизация делает гражданский процесс более быстрым и доступным. Использование цифровых инструментов позволяет оперативно получать сведения из реестров, проверять статус участников, устанавливать юридически значимые факты и применять электронные документы вместо бумажных. Одновременно цифровизация создает риски, связанные с использованием недостоверной информации, нарушением равноправия сторон и выходом суда за пределы нейтральной роли. Соблюдение принципов состязательности, равноправия сторон, допустимости, достоверности и процессуального оформления доказательственной информации является необходимым условием использования электронных доказательств [1], [3, с. 294], [4, с. 170].

Список литературы

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
2. Власов А. А. Гражданский процесс. М.: Юрайт, 2020. 470 с.
3. Гражданский процесс / М. К. Треушников [и др.]. М.: Городец, 2022. 832 с.
4. Решетникова И. В. Доказывание в гражданском процессе. М.: Юрайт, 2023. 381 с.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2008 г. № 13 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении и разрешении дел в суде первой инстанции» // БВС РФ. 2008. № 10.
6. Федеральный закон от 06.04.2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» // СЗ РФ. 2011. № 15. Ст. 2036.
7. Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31. Ст. 3448.
8. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11.02.1993 г. № 4462-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 10. Ст. 357.

Об авторе:

ВОЛКОВА Александра Романовна - студентка 2 курса юридического факультета направления подготовки 40.03.01 Юриспруденция.

Принято в редакцию 11.06.2026.

Подписано в печать 17.06.2026.

КОМПЕНСАЦИЯ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА ПРИ ОКАЗАНИИ НЕНАДЛЕЖАЩИХ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Г.С. Галанцев

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Научный руководитель к.ю.н., доцент Е.В. Козырева

В статье анализируются нормы действующего законодательства, посвящённые компенсации морального вреда при оказании ненадлежащих медицинских услуг. Выявлены проблемы как в науке, так и практике и сформулированы предложения по совершенствованию действующего законодательства.

Ключевые слова: компенсация морального вреда; медицинская помощь; медицинские услуги; источник повышенной опасности.

Актуальность избранной темы вызвана тем, что в настоящее время наметилась тенденция по увеличению количества предъявляемых исков, связанных с ненадлежащим оказанием медицинских услуг. Наличие проблем как в теории, так и практике обусловили необходимость в исследовании указанных вопросов. К числу проблем можно отнести несовершенство действующего законодательства применительно к оказанию медицинских услуг, а также отсутствие единых критериев определения размера компенсации морального вреда и др.

Легальное определение понятия морального вреда даётся в ст. 151 ГК РФ. Под моральным вредом следует понимать нравственные и (или) физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага или нарушающими его личные неимущественные права либо нарушающими имущественные права гражданина [2].

По сравнению с предыдущим Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» (утр. силу) в п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» уточнено, что нужно понимать под физическими и нравственными страданиями.

Так, физические страдания – физическая боль, связанная с причинением увечья, иным повреждением здоровья, либо заболевание, в том числе перенесенное в результате нравственных страданий, ограничение возможности передвижения вследствие повреждения здоровья, неблагоприятные ощущения или болезненные симптомы.

Нравственные страдания – страдания, относящиеся к душевному неблагополучию (нарушению душевного спокойствия) человека. Таковыми являются чувства страха, унижения, беспомощности, стыда, разочарования, осознание своей неполноценности из-за наличия ограничений, обусловленных причинением увечья, переживания в связи с утратой родственников, потерей

работы, невозможностью продолжать активную общественную жизнь, раскрытием семейной или врачебной тайны, распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию, временным ограничением или лишением каких-либо прав и другие негативные эмоции (п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 г. № 33).

Для компенсации морального вреда при ненадлежащем оказании медицинских услуг требуются следующие условия: наличие физических и (или) нравственных страданий потерпевшего в результате оказания ненадлежащих медицинских услуг, неправомерные действия (бездействия) медицинской организации, причинная связь между неправомерными действиями (бездействием) медицинской организации и моральным вредом, вина медицинской организации [см. также: 10, с. 112].

Следует иметь в виду, что причинение физических и (или) нравственных страданий зависит от конкретных условий и обстоятельств спора, что подтверждается следующим примером из судебной практики.

Мужчина с хроническим заболеванием поджелудочной железы лечился в клинике. Лишь через год после обращения был поставлен диагноз — «аденокарцинома желудка». Лечение было начато, но пациент умер. Его дочь потребовала 1 млн руб. в качестве компенсации морального вреда.

Ошибки медработников не повлияли на прогноз заболевания и не стали причиной смерти. Поскольку прямой причинно-следственной связи не было выявлено, то суды всех инстанций отказали в удовлетворении исковых требований.

Но Верховный Суд РФ отметил: «Судебными инстанциями не учтено, что в данном случае юридическое значение может иметь и косвенная (опосредованная) причинная связь, если дефекты (недостатки) оказания медицинским персоналом Губкинской центральной районной больницы медицинской помощи... могли способствовать ухудшению состояния его здоровья и ограничить его право на получение своевременного и отвечающего установленным стандартам лечения. При этом ухудшение состояния здоровья человека вследствие ненадлежащего (несвоевременного) оказания ему медицинской помощи, в том числе по причине таких дефектов ее оказания как несвоевременная диагностика заболевания и непроведение пациенту всех необходимых лечебных мероприятий, направленных на устранение патологического состояния здоровья, причиняет страдания, то есть причиняет вред, как самому пациенту, так и его родственникам, что является достаточным основанием для компенсации такого вреда» [17].

В ст. ст. 151 и 1101 ГК РФ установлены легальные критерии компенсации морального вреда:

- характер причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий;
- степень вины причинителя вреда (в случаях, когда вина является основанием возмещения вреда);

- индивидуальные особенности потерпевшего;
- разумность и справедливость;
- заслуживающие внимание обстоятельства.

Следует отметить, что впервые в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 г. № 33 сформулированы критерии компенсации морального вреда при оказании ненадлежащих медицинских услуг, которые следует применять, помимо легальных:

- значимость нарушенных прав и нематериальных благ потерпевшего, которым причинен вред (например, характер родственных связей между потерпевшим и истцом);

- характер и степень умаления таких прав и благ (интенсивность, масштаб и длительность неблагоприятного воздействия);

- вид и степень тяжести повреждения здоровья, длительностью (продолжительностью) расстройства здоровья, степень стойкости утраты трудоспособности, необходимость амбулаторного или стационарного лечения потерпевшего, сохранение либо утрата возможности ведения прежнего образа жизни (п. 27 указанного Постановления Пленума Верховного Суда РФ);

- тяжелое имущественное положение ответчика (п. 29 указанного Постановления Пленума Верховного Суда РФ);

- факт оказания или неоказания пациенту всех необходимых и возможных мер для его своевременного и квалифицированного обследования в целях установления правильного диагноза;

- соответствие организации обследования и лечебного процесса установленным порядкам и стандартам оказания медицинской помощи, клиническим рекомендациям (протоколам лечения);

- влияние выявленных дефектов на правильность проведения диагностики и назначения соответствующего лечения и течение заболевания пациента (п. 48 указанного Постановления Пленума Верховного Суда РФ).

Вместе с тем в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 г. № 33 отсутствует положение о том, что медицинская помощь и медицинские услуги должны быть оказаны в соответствии с утверждёнными медицинскими стандартами.

Так, в одном из своих определений Верховный Суд РФ указал, что нарушение установленных в соответствии с законом порядка и стандарта оказания медицинской помощи, проведения диагностики, лечения, выполнения послеоперационных процедур является нарушением требований к качеству медицинской услуги, нарушением прав в сфере охраны здоровья, что может рассматриваться как основание для компенсации потребителю морального вреда и возмещения убытков [13], что заслуживает внимание.

Обращение к анализу понятий «медицинская помощь» и «медицинская услуга» является важным шагом для понимания и выявления их соотношения.

Под медицинской помощью понимается «...комплекс мероприятий, направленных на поддержание и (или) восстановление здоровья и включающих в себя предоставление медицинских услуг...», а под медицинской услугой

«медицинское вмешательство или комплекс медицинских вмешательств, направленных на профилактику, диагностику и лечение заболеваний, медицинскую реабилитацию и имеющих самостоятельное законченное значение...» (ст. 2 Федерального закона от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации») [4].

Д.Ф. Кириченко определяет медицинскую услугу как «...профессиональную деятельность исполнителя - лица обладающего специальной правоспособностью, осуществляемую таким лицом (его работником) во взаимодействии с потребителем данной услуги и направленную на удовлетворение личных нематериальных потребностей последнего в диагностическом или лечебно-профилактическом содействии на возмездной основе, в отличие от медицинской помощи, оказание которой осуществляется на безвозмездной основе» [7, с. 8].

А.А. Мохов под медицинской помощью понимает «...комплекс взаимосвязанных и взаимообусловленных мероприятий, направленных на диагностику, профилактику, лечение заболеваний человека, предотвращение нежелательной беременности и др., осуществляемых специально подготовленным для этих целей лицом (врач, фельдшер, медицинская сестра и т.д.)» [8, с. 61], [см. также: 9].

При этом оказание медицинских услуг, так и медицинской помощи должно быть основано на договоре об оказании услуг [6, с. 9]. Такие отношения возникают в сфере потребительских услуг. В такой ситуации медицинский работник, оказывающий указанные услуги, будет считаться продавцом (исполнителем), а пациент – потребителем [1]. Важным критерием разграничения является платность таких услуг, иначе пациент не будет считаться потребителем медицинской услуги. Так, пациента, которому была предоставлена бесплатная помощь по ОМС, Верховный Суд РФ не признал потребителем [15].

С учётом изложенного можно отметить, что медицинская помощь является комплексом мероприятий (широкое понятие), а медицинская услуга — видом конкретного медицинского вмешательства (более узкое понятие).

Как поясняет Пленум Верховного Суда РФ, на ответчика возлагается обязанность доказать наличие оснований для освобождения от ответственности за ненадлежащее оказание медицинской помощи, в частности отсутствие вины в оказании медицинской помощи, не отвечающей установленным требованиям, отсутствие вины в дефектах такой помощи, способствовавших наступлению неблагоприятного исхода, а также отсутствие возможности при надлежащей квалификации врачей, правильной организации лечебного процесса оказать пациенту необходимую и своевременную помощь, избежать неблагоприятного исхода (п. 48 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 г. № 33).

Проанализировав судебную практику, посвящённую данной категории дел, необходимо привести следующие примеры.

Так, Верховный Суд РФ указал, что дефектами медицинской помощи являются «постановка неправильного диагноза и, как следствие, неправильное

лечение пациента, непроведение пациенту всех необходимых диагностических и лечебных мероприятий, ненадлежащий уход за пациентом и т.п.» [18].

Кроме того, дефектом медицинской помощи, в частности, является ненадлежащее наблюдение за состоянием здоровья несовершеннолетнего, не получавшим длительное время адекватного лечения. Указанное нарушение повлекло за собой неисполнение работниками ФГБОУ «Всероссийский детский центр «Орленок» требований законодательства об основах охраны здоровья граждан в РФ, связанных с ненадлежащим оказанием медицинских услуг при организации летнего отдыха несовершеннолетних [12].

По другому делу Верховный Суд РФ определил, что в случае невыполнения медицинской организацией обязанности по предоставлению пациенту информации о состоянии своего здоровья нарушается основополагающее право пациента на охрану здоровья, гарантированное каждому Конституцией РФ. Верховный Суд РФ сформировал и то, что «...одним из критериев оценки качества медицинской помощи в стационарных условиях является наличие информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство» [19].

При этом на медицинскую организацию возлагается не только бремя доказывания отсутствия своей вины, но и бремя доказывания правомерности тех или иных действий (бездействия), которые повлекли возникновение морального вреда [11]. Необходимо иметь в виду, что непредставление доказательств отсутствия вины медицинской организацией является основанием для компенсации морального вреда [см.: 20], а потерпевший должен доказать лишь факт наличия своих страданий [14].

Так, Верховный Суд РФ, разрешая спор, установил, что применительно к спорным отношениям в соответствии с действующим правовым регулированием Мончегорская центральная районная больница должна доказать отсутствие своей вины в причинении морального вреда истцу в связи со смертью её матери, медицинская помощь которой была оказана ненадлежащим образом.

Однако суды первой и апелляционной инстанций неправильно истолковали и применили к спорным отношениям нормы материального права, регулирующие отношения по компенсации морального вреда, причинённого гражданину, в системной взаимосвязи с нормативными положениями, регламентирующими обеспечение прав граждан в сфере охраны здоровья, включая государственные гарантии обеспечения качества оказания медицинской помощи.

В нарушение подлежащих применению норм материального права и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ судебные инстанции возложили на истца бремя доказывания обстоятельств, касающихся некачественного оказания медицинской помощи, и причинно-следственной связи между ненадлежащим оказанием сотрудниками Мончегорской центральной районной больницы медицинской помощи и наступившей смертью пациента, в то время как ответчиком не было представлено доказательств, подтверждающих отсутствие его вины в неустановлении правильного диагноза, в том числе бригадами скорой

медицинской помощи неоднократно вызываемыми истцом для оказания медицинской помощи и госпитализации, в которой было отказано сотрудниками скорой медицинской помощи и участковым терапевтом, врачом-неврологом, то есть не представлено доказательств соблюдения установленных порядка и стандартов оказания медицинской помощи.

Указанные судебные решения были отменены, признаны вынесенными с существенными нарушениями норм материального права, повлиявшими на исход дела, без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав и законных интересов заявителя [16].

Исследовав вопросы, представляется необходимым принятие Постановления Пленума Верховного Суда РФ, посвящённого ненадлежащему оказанию медицинских услуг, хотя бы потому, что судебная практика сложилась и готова разъяснить вопросы, возникающие при разрешении конкретного дела. Кроме того, требуется закрепить в нём положение о понятии дефекта оказания медицинской помощи – любого нарушения со стороны медицинской организации законодательства в сфере охраны здоровья с тем, чтобы разграничить с ненадлежащим оказанием медицинских услуг.

С развитием инновационных технологий медицинское оборудование может быть отнесено к источникам повышенной опасности (ст. 1079 ГК РФ). При этом при дефекте оказания медицинской помощи следует учитывать тот факт, что физические страдания не всегда связаны исключительно с функционированием или неисправностью медицинского оборудования, возможны и иные причины. С учётом изложенного данные вопросы нуждаются в дополнительном исследовании.

Список литературы

1. Закон РФ от 07.02.1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» // «Российская газета». 07.04.1992.
2. Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Гражданский кодекс РФ (часть вторая) от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
4. Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.
5. Постановление Правительства РФ от 11.05.2023 г. № 736 «Об утверждении Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг, внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 4 октября 2012 г. N 1006» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 20. Ст. 3565.
6. Егизарова С.В. Компенсация морального вреда, причиненного при оказании медицинских услуг: теоретический и практический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: Москва., 2007. 30 с.
7. Кириченко Д.Ф. Правовое регулирование защиты прав потребителей медицинских услуг: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: Москва., 2010. 28 с.
8. Мохов А.А. Сочетание частных и публичных интересов при правовом регулировании медицинской деятельности. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 206 с.

9. Мохов А.А. Медицинское вмешательство как правовая категория // Арбитражный и гражданский процесс. 2004. № 8. С. 16–20.
10. Стеценко С.Г. Актуальные проблемы правового регулирования медицинской деятельности. М., 2004. 374 с.
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2023. № 2.
12. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 12.09.2017 г. № 18-КГ17-104 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=513587#2C6Wg4V64WB4NAGK> (дата обращения: 12.25.2025).
13. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 05.12.2017 г. № 5-КГ17-176 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=524289#ARUXg4VWwKvW9xE01> (дата обращения: 12.25.2025).
14. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 24.06.2019 г. № 74-КГ19-5 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=590652#zMUg4VMVd4SugcJ1> (дата обращения: 12.25.2025).
15. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 20.08.2019 г. № 127-КГ19-12 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=596202#ecwWg4VzrgYuJZS> (дата обращения: 01.10.2026).
16. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 13.04.2020 г. № 34-КГ20-2 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=630132#WckUg4VgB8J2QPWo> (дата обращения: 01.10.2026).
17. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 02.08.2021 г. № 57-КГ21-11-К1 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=679773#U1mXg4VHJN7TMWa9> (дата обращения: 01.10.2026).
18. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 14.03.2022 г. № 18-КГ21-165-К4 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=707388#zMQWg4Vxhk1GUt39> (дата обращения: 02.05.2026).
19. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 16.05.2022 г. № 18-КГПР22-28-К4 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=718577#kdaVg4VZ4oT53h6F> (дата обращения: 02.05.2026).
20. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 19.09.2022 г. № 14-КГ22-3-К1 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=732311#5LEVg4VSMi9Tb gBf2> (дата обращения: 02.05.2026).

Об авторе:

ГАЛАНЦЕВ Глеб Станиславович – студент 4 курса юридического факультета направления подготовки 40.03.01 Юриспруденция.

Принято в редакцию 11.06.2026.

Подписано в печать 17.06.2026.

ПРОБЛЕМА ПРИМЕНЕНИЯ И ФАЛЬСИФИКАЦИИ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

А.Е. Гридина, Н.А. Зимнева

ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»

Научный руководитель к.ю.н., доцент кафедры
гражданского права и процесса Н.Н. Болдырева

Статья посвящена актуальной проблеме использования электронных доказательств в гражданском судопроизводстве в условиях цифровой трансформации общественных отношений. Авторы анализируют правовую природу электронных доказательств, рассматривая существующие в доктрине подходы. Обосновывается необходимость законодательного закрепления отдельной статьи 71.1 в ГПК РФ, регламентирующей порядок представления, критерии допустимости и достоверности электронных доказательств. Особое внимание уделяется способам фальсификации цифровой информации: имитация переписки в мессенджерах, редактирование метаданных, монтаж аудио- и видеозаписей, включая технологии *deepfake*, незаконное использование электронной подписи. В качестве ключевых механизмов выявления подделок рассматриваются судебная компьютерно-техническая экспертиза (с обязательной фиксацией хэш-суммы) и нотариальное обеспечение доказательств. Делается вывод о необходимости принципиально новых подходов к обеспечению достоверности электронных доказательств для реализации принципов законности и справедливости правосудия.

Ключевые слова: электронные доказательства, фальсификация доказательств, гражданское судопроизводство, компьютерно-техническая экспертиза, нотариальное обеспечение доказательств, метаданные, электронная подпись, *deepfake*, достоверность доказательств.

Стремительное развитие информационно-телекоммуникационных технологий и переход экономики в «цифровую» фазу кардинально изменили способы взаимодействия субъектов правоотношений. В современных условиях фиксируемая и передаваемая в цифровой форме информация выступает основным источником сведений о имеющих юридическое значение фактах. Вследствие этого электронные доказательства — такие как переписка в мессенджерах, скриншоты, электронные договоры, записи видеоконференций и сообщения электронной почты — стали неотъемлемой составляющей гражданского судопроизводства. Однако параллельно с цифровизацией процесса обостряется проблема фальсификации подобных доказательств. Остановимся на ключевых способах подделки, механизмах выявления и особенностях правового регулирования, прежде всего, в рамках гражданского судопроизводства.

Действующее процессуальное законодательство прямо признаёт электронные сведения доказательствами. Согласно статье 55 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее по тексту – ГПК РФ), доказательствами являются полученные в установленном законом порядке сведения о фактах, на основании которых суд устанавливает обстоятельства, которые имеют значение для дела [1]. Статья 71 ГПК РФ занимает важное место: она относит документы, выполненные в форме цифровой записи, в том числе, поступившие посредством

электронной связи и через Интернет, а также документы, подписанные электронной подписью, к письменным доказательствам. В Федеральном законе № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» закреплён правовой режим электронной информации [3].

В науке гражданского процессуального права продолжается спор о правовой природе электронных доказательств. Ряд исследователей относят их к разновидности письменных, уделяя внимание при этом их информационной составляющей, т.е. содержащихся в них сведениях о фактах. Другие ученые сближают их с вещественными доказательствами, подчёркивая специфический материальный носитель и необходимое использование технических средств для восприятия информации. Имеется точка зрения о дуализме их природы, согласно которой электронные доказательства могут обладать признаками как письменных, так и вещественных доказательств, в зависимости от конкретных обстоятельств дела и целей их использования. В частности, Маргарита Сергеевна Павлова и Дарья Александровна Затеева отмечают «переменный характер» таких доказательств или их письменно-вещественную природу [5, 6].

Вместе с тем всё шире распространяется мнение о необходимости выделения электронных доказательств в самостоятельный вид средств доказывания ввиду их специфических признаков (нематериальный характер, зависимость от технических и программных средств, повышенные риски видоизменения). Предлагается внести в ГПК РФ статью 71.1, которая закрепила бы легальное определение электронного доказательства, порядок его представления, критерии допустимости и достоверности, включая обязательность проверки метаданных и целостности файла. Сегодня отсутствие такой нормы вынуждает суды руководствоваться разрозненными разъяснениями и собственным усмотрением.

Фальсификация цифровых доказательств остаётся крайне острой проблемой, несмотря на существующую нормативную базу. Электронная информация без труда копируется, редактируется и изменяется без видимых следов. Подделку бумажного документа нередко можно определить визуально, либо путём почерковедческого исследования. Электронный файл видоизменяется за несколько секунд, не оставляя заметных признаков вмешательства.

Из распространённых способов подделок можно выделить:

— имитацию переписки в мессенджерах и социальных сетях с помощью приложений, которые воспроизводят почти неотличимые интерфейсы ВКонтакте, Макс и других сервисов;

— редактирование метаданных файлов: даты создания, авторской информации, времени правки;

— монтаж аудио- и видеозаписей, в том числе технологии deepfake, позволяющие полностью формировать искусственные материалы;

— подделку электронных документов с помощью незаконного применения электронной подписи.

Особую тревогу вызывают стремительное развитие и распространение технологии deepfake (от англ. deep learning — «глубокое обучение» и fake — «подделка»). Данная технология позволяет создавать аудиовизуальные

материалы, практически неотличимые от подлинных, — ложные аудиозаписи разговоров, видеозаписи несуществующих событий и фальсифицированные изображения документов. Ввиду постоянного совершенствования deepfake-технологий возрастает вероятность их использования для фальсификации доказательств. Единственным надёжным способом выявления подобных подделок является проведение специализированной судебной экспертизы, включающей комплексный анализ цифрового следа файла [4].

Возникает закономерный вопрос о том, каким образом суд может проверить достоверность электронного доказательства. Ключевым инструментом выступает судебная экспертиза. Согласно статье 79 ГПК РФ, при возникновении вопросов, требующих специальных знаний, назначается экспертиза. Чаще всего по данной категории дел проводится компьютерно-техническая. Эксперт устанавливает, подвергался ли файл изменениям, соответствует ли дата создания действительности, имеются ли признаки монтажа, с какого устройства и когда был создан документ, редактировалось ли изображение или видео. Особую значимость приобретают метаданные, содержащие скрытую техническую информацию: дату, координаты, модель устройства, IP-адрес.

В целях обеспечения контроля целостности и подтверждения аутентичности цифровых объектов применяется хэш-сумма — уникальная последовательность символов, генерируемая посредством специализированного алгоритма на основе данных файла. Фиксация хэш-суммы при проведении судебной экспертизы служит доказательством неизменности цифрового объекта и является обязательным требованием процессуальной науки современности. Отсутствие сведений о хэш-сумме в материалах экспертизы может привести к признанию экспертного заключения недопустимым доказательством в суде.

Дополнительным механизмом проверки служит нотариальное обеспечение доказательств. Нотариус вправе обеспечить доказательства, в том числе зафиксировать содержание интернет-страницы или электронной переписки путём осмотра и составления протокола, в соответствии со статьёй 102 «Основ законодательства Российской Федерации о нотариате» [2]. Судебная практика рассматривает нотариальный протокол как более надёжное доказательство по сравнению с обычным скриншотом, поскольку он создаётся независимым участником, который действует в публичных интересах.

Верховный Суд Российской Федерации в Постановлении Пленума от 26 декабря 2017 года № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» разъяснил: электронные документы допускаются в качестве доказательств, если имеется возможность установить их достоверность и источник происхождения [7]. Тем самым подчёркивается, что формальная принадлежность к электронным документам не даёт материалу автоматического преимущества — всё решает подтверждённое происхождение и неизменность.

Несмотря на это, на практике сохраняется ряд серьёзных проблем:

1. Отсутствие единых стандартов оценки приводит к тому, что один суд принимает скриншот как доказательство, а другой — отклоняет. Это порождает правовую неопределённость и снижает предсказуемость судебных решений для участников процесса.

2. Многие участники судопроизводства (судьи, адвокаты, эксперты) не обладают достаточной подготовкой в сфере цифровых технологий, что осложняет анализ и оценку электронных доказательств.

3. Законодательство не успевает адаптироваться к новым способам фальсификации. Например, ИИ-генерация аудио- и видеоконтента позволяет в считанные секунды создавать материалы, которые сложно отличить от подлинных.

В связи с изложенным полагаем необходимым:

Во-первых, усовершенствовать процессуальное законодательство с чёткими критериями допустимости и достоверности электронных доказательств – создать отдельную статью, комплексно регулирующую этот институт. В ней важно закрепить:

- легальное определение с указанием ключевых признаков (электронная форма, наличие метаданных);
- процедуру подачи материалов в суд;
- критерии оценки достоверности, включающие контроль сохранности данных с применением современных технологий и единых технических стандартов.

Во-вторых, разработать единые методические рекомендации по оценке электронных доказательств для судей и участников процесса.

В-третьих, расширить возможности государственной и негосударственной компьютерно-технической экспертизы.

И в-четвёртых, системно повысить уровень цифровой грамотности судейского корпуса и практикующих юристов.

Подводя итог, отметим: электронные доказательства стали неотъемлемым элементом гражданского процесса, однако их уязвимость перед подделкой требует от государства, суда и участников процесса принципиально новых подходов к обеспечению достоверности. Именно от эффективности выявления подделок напрямую зависит реализация фундаментального принципа судопроизводства — законности и справедливости судебного разбирательства.

Список литературы

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 01.04.2026 г.) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

2. «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» от 1 февраля 1993 г. №4462-1 // СЗ РФ. 1993. №8. Ст. 832.

3. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. №31 (часть I). Ст. 3448.

4. Демьяненко А.А. Актуальные вопросы противодействия фальсификации доказательств с применением технологии «дипфейк» / А. А. Демьяненко // Адвокатская практика. — 2025. — № 1. — С. 21–27.

5. Затеева Д.А. Электронные доказательства в гражданском судопроизводстве в эпоху цифровизации правосудия: теоретические и практические аспекты // Вестник СГЮА. 2023. №4 (153). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnye-dokazatelstva-v-grazhdanskom-sudoproizvodstve-v-epohu-tsifrovizatsii-pravosudiya-teoreticheskie-i-prakticheskie-aspekty> (дата обращения: 05.05.2026).

6. Павлова М.С. Электронные доказательства: некоторые вопросы правовой природы и терминологии // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2024. №2 (57). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnye-dokazatelstva-nekotorye-voprosy-pravovoy-prirody-i-terminologii> (дата обращения: 05.05.2026).

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. №57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // БВС РФ. 2018. №4.

Об авторах:

ГРИДИНА Алина Евгеньевна – студентка 2 курса юридического факультета направления подготовки 40.03.01 Юриспруденция.

ЗИМНЕВА Нелли Александровна – студентка 2 курса юридического факультета направления подготовки 40.03.01 Юриспруденция.

Принято в редакцию 11.06.2026.

Подписано в печать 17.06.2026.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТАДИИ ПОДГОТОВКИ ДЕЛА К СУДЕБНОМУ РАЗБИРАТЕЛЬСТВУ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Е.О. Жердева

ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», г. Курск

Научный руководитель к.ю.н, доцент Н.Н. Болдырева

В научной статье исследуется стадия подготовки гражданского дела к судебному разбирательству, её сущность, необходимость и значение для рассмотрения дела по существу. Анализируется влияние этой стадии на своевременное, полное и всестороннее установление фактических обстоятельств дела, правильное применение законодательства и вынесение законного и обоснованного судебного решения. Предлагаются пути совершенствования стадии подготовки дела к судебному разбирательству.

Ключевые слова: подготовка дела к судебному разбирательству, гражданский процесс, судебное решение, законность, обоснованность.

Гражданское судопроизводство в любом правовом государстве выступает ключевым способом защиты нарушенных прав и интересов как физических, так и юридических лиц. Гражданское судопроизводство базируется на строго определённых законодательством процессуальных стадиях. Среди них особое значение имеет стадия подготовки дела к судебному разбирательству. Законодательно определение стадии подготовки дела к судебному разбирательству не закреплено. Доктор юридических наук, Заслуженный юрист Российской Федерации А.А. Власов под стадией подготовки дела к судебному разбирательству определяет совокупность гражданских процессуальных действий, совершаемых судьёй для того, чтобы рассмотреть и законно и обоснованно разрешить дело в первом же судебном заседании с наименьшими затратами процессуальных средств и сил участников процесса [2, с. 227]. Такое толкование подготовки дела к судебному разбирательству, как самостоятельной стадии гражданского процесса, является точным, поскольку отражает саму суть необходимости проведения данной стадии.

Осознавая значимость своевременного разрешения гражданско-правовых споров, законодатель закрепил стадию подготовки дела в отдельной главе Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (ГПК РФ). Глава 14 ГПК РФ посвящена вопросам подготовки дела к судебному разбирательству. В соответствии со ст. 148 ГПК РФ, ключевыми задачами данной стадии являются: уточнение фактических обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения дела; определение закона, которым следует руководствоваться при разрешении дела; разрешение вопроса о составе лиц, участвующих в деле, и других участников процесса; представление необходимых доказательств сторонами, другими лицами, участвующими в деле; примирение сторон [1]. При этом отдельное внимание в законодательстве уделено примирительным процедурам и заключению сторонами мирового соглашения, что закреплено в главе 14.1 ГПК РФ.

Необходимость проведения стадии подготовки дела к судебному разбирательству обусловлена тем, что она помогает обеспечивать принцип состязательности сторон, где у них есть возможность заблаговременно ознакомиться с позицией и доказательствами противоположной стороны. Качественная подготовка дела к судебному разбирательству даёт возможность суду лучше разобраться в возникших правоотношениях между сторонами, что способствует скорому рассмотрению дела и, возможно, вынесению решения в первом же судебном заседании, поскольку подготовка дела минимизирует необходимость отложения судебного заседания для истребования дополнительных доказательств или привлечения новых участников процесса.

Но, к сожалению, на практике прослеживается следующая негативная тенденция: нередко вопросы, которые следовало бы разрешить на стадии подготовки дела к судебному разбирательству, совершаются именно в судебном заседании. Безусловно, стороны обладают правом представлять доказательства, заявлять ходатайства и определять круг участников в ходе судебного разбирательства. Однако реализация этих действий на этапе подготовки способствовала бы существенному сокращению длительности процесса и соблюдению установленного двухмесячного срока рассмотрения дела. Так, из 10 дел, назначенных к разбирательству дела по существу, только 3-4 рассматривается в первом судебном заседании [3, с. 88].

Почему же на стадии подготовки дела к судебному разбирательству, которая является обязательной, не решаются установленные законом задачи, и суд вынужден их разрешать в судебном заседании, где его основной целью является рассмотрение дела по существу и вынесение судебного решения? Здесь можно выделить несколько основных проблем.

Одной из таких проблем является систематическое неучастие сторон (или одной из них) в подготовительных действиях. Несмотря на надлежащее извещение, стороны зачастую игнорируют данную процессуальную стадию. Подобное поведение сторон затрудняет выполнение судом ключевых задач подготовки: определение предмета доказывания по конкретному делу и установление характера спорных правоотношений между сторонами. Если одна из сторон представляет в процессе интересы самостоятельно, без представителя, она может не понимать значения данной стадии. В результате она либо участвует в подготовке, будучи неподготовленной и не используя предоставленные права в полном объёме, либо полностью уклоняется от участия.

Отдельной и более сложной проблемой является злоупотребление процессуальными правами. Стороны иногда целенаправленно не принимают участие на стадии подготовки дела к судебному разбирательству. Такое поведение является явным злоупотреблением правом. Одна из сторон может намеренно не раскрывать свои доводы и не представлять доказательства на стадии подготовки, чтобы в судебном заседании предоставить их и «завалить» ими противоположную сторону. Также сторона может преднамеренно затягивать процесс для получения дополнительного времени на формирование и предоставление недостающих доказательств.

Бывают случаи, когда одна из сторон не приходит на подготовку дела к судебному заседанию, поскольку не имеет достаточных аргументов для обоснования своей позиции. Особенно это характерно для ответчиков, которые, не имея веских аргументов, предпочитают игнорировать суд и не являться не только на подготовку дела к судебному разбирательству, но и на само судебное заседание.

Анализируя причины игнорирования стадии подготовки дела к судебному разбирательству, можно утверждать, что стороны не посещают стадию подготовки к судебному разбирательству как из-за правовой безграмотности, так и из-за недооценки её роли. Вследствие этого стороны добровольно отказываются от стадии, которая позволяет не только сократить временные и финансовые издержки, но и значительно повлиять на вынесение законного и обоснованного решения судом.

В связи с этим представляется необходимым придание большей значимости стадии подготовки дела к судебному разбирательству. Возможно, стоит создать ограниченные судебные процессуальные рамки предоставления доказательств, уточнив в ГПК РФ обязанность сторон предоставить доказательства, на которые они ссылаются, до судебного заседания. В качестве процессуальной гарантии соблюдения этого правила следует установить санкцию, которая состояла бы в том, что доказательство, не представленное стороной на стадии подготовки дела к судебному разбирательству, должно быть исключено из исследования в судебном заседании при возражении противной стороны. При этом необходимо предусмотреть исключение для случаев, когда сторона обоснует невозможность его представления ранее по уважительным причинам. Такая мера ограничила бы стороны в возможности предоставления доказательств по ходу судебного разбирательства, и стороны предоставляли бы их на стадии подготовки дела. Нередко возникают ситуации, когда одна из сторон в ходе апелляционного производства ходатайствует о приобщении к материалам дела имеющегося у неё доказательства, которым она располагала в момент рассмотрения дела судом первой инстанции, но не представила в суд, так как решила «приберечь туз в рукаве». Ограничение представления доказательств на стадии подготовки дела к судебному разбирательству помогло бы решить данную проблему гражданского процесса.

Представляется необходимым изменить предварительное судебное заседание из формальной беседы сторон в полноценное процессуальное действие. Для этого требуется обеспечить детальную фиксацию всех процессуальных действий сторон в протоколе, включая отказ от заявления ходатайств и признание отдельных обстоятельств. Судье следует не просто формально озвучить права сторон, а разъяснить на конкретных примерах последствия несоблюдения требования. Например, необходимо конкретно указывать, что непредставление доказательства на данной стадии может привести к его последующему отклонению судом по ходатайству другой стороны и, как следствие, к неблагоприятному исходу дела, если это доказательство являлось для одной из сторон существенным.

Также стоит обратить внимание на правовую культуру населения. Целесообразно на официальных сайтах судов размещать информационные сообщения о необходимости каждой стадии судебного разбирательства, поясняя её роль и значение в гражданском процессе. Такое информирование помогло бы гражданам, ведущим дела самостоятельно, лучше разобраться в необходимости участия в каждой стадии судебного разбирательства.

Стадия подготовки гражданского дела к судебному разбирательству является обязательной стадией гражданского процесса, поскольку при грамотной подготовке дела к судебному разбирательству, рассмотрение дела по существу будет произведено своевременно, а вынесенное решение по делу будет законным и обоснованным.

Список литературы

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. ст. 4532
2. Власов А.А. Гражданский процесс : учебник для вузов / А.А. Власов. — 12-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. — 430 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://urait.ru/bcode/581658> (дата обращения: 04.11.2025).
3. Косычева В.В. Подготовка гражданских дел к судебному разбирательству как стадия гражданского процесса // Вестник Российского университета кооперации. 2015. № 2 (20).

Об авторе:

ЖЕРДЕВА Екатерина Олеговна – студентка 3 курса юридического факультета направления подготовки 40.03.01 Юриспруденция.

Принято в редакцию 11.06.2026.

Подписано в печать 17.06.2026.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СМАРТ-КОНТРАКТОВ

Р.А. Иорданян

ГОУ ВПО «Российско-Армянский университет»

Научный руководитель к.ю.н., старший преподаватель кафедры гражданского права и гражданско-процессуального права С.Л. Будылин

В статье рассматриваются общественные отношения, возникающие с использованием технологии смарт-контракта. Также исследуются теоретические положения и их проблемные вопросы, а также производится попытка выработки рекомендаций по определению понятия и сущности смарт-контракта.

Ключевые слова: смарт-контракт, блокчейн, электронный договор, информационная технология, цифровизация, цифровое пространство, обеспечение исполнения обязательств, программный код, IT технология, автоматизация.

Мы живём в информационную эпоху и ежедневно взаимодействуем с большим потоком информации, поступающим посредством интернет и IT технологий и это создаёт вокруг нас новую реальность, основанную на цифровых технологиях, и, разумеется, ролью государства в лице законодателя, учёных юристов является создание действующих механизмов для правового функционирования этой новой реальности, поскольку прогресс не стоит на месте и развивается неимоверно быстро. Из этого следует, что в эпоху цифрового прогресса, одна из ответственных ролей лежит именно на юристах. Разумеется, актуальный вопрос, стоящий перед юристами сейчас это вопрос технологии смарт-контракта и блокчейна. Подобный процесс является крайне сложным и комплексным, в отличие от иных адаптивных мер, касающихся интеграции новых технологий в повседневную жизнь. В наше время смарт-контракты изучают все ведущие умы мира, учёные и университетские деятели. Это можно объяснить необычной технологией, лежащей в основе смарт-контрактов, если говорить точнее, система распределённого реестра. Смарт-контракту уже довольно много лет, и он начал зарождаться ещё с 1990 года, его отцом-основателем считается учёный Сабо Н., который дал обозначения данного термина следующим образом: «Смарт-контракт – это компьютеризированный транзакционный протокол, исполняющий автоматически условия договора» [9]. Говоря проще, смарт-контракт представляет собой элемент первоначального кода, на основании которого создаётся дубль кода, который хранится в системе распределённого реестра, а именно в технологии блокчейна. Это позволяет всем участникам смарт-контракта, имеющим доступ к реестру, полностью отслеживать и контролировать функционирование смарт-контракта. Не менее значимым элементом смарт-контракта считается невозможность внесения каких-либо изменений в текст договора. Под подобными изменениями следует понимать правки, дополнения, замену положений. Первое обозначение смарт-контракта дал Ник Сабо, во времена, когда ещё не было такого технологического развития как сейчас. С развитием технологий, такие учёные, как Юрасов М.Ю.,

Поздняков Д.А. дают следующее определение договорным отношениям, которые возникают с использованием смарт-контракта конкретнее о том, что у сторон возникает необходимость обращаться к третьим лицам (банки, поручители, страховые организации и т.д.), которые способствовали бы добросовестному исполнению обязательств в договоре между сторонами. Получается, что перенесение условий договора (полностью или частично) в компьютерный код не имело смысла, а чаще всего влекло для сторон дополнительные издержки» [11].

Следует заметить, что смарт-контракт полностью построен на автоматизированной системе, позволяющей сводить все издержки договоров к минимуму, и также свести к минимуму любое участие человека в процессе, что значительно упрощает договорные отношения в цифровой сфере. Все вышесказанное может привести нас к известному принципу ИТТТ, то есть if this then that (если то, то это), данный принцип подразумевает под собой, что условия договора будут реализованы только тогда, когда произойдёт возникновение запрашиваемого события. Если мы сведём вместе и сопоставим все имеющиеся определения смарт-контракта, то мы сможем вывести следующее определение, что смарт-контракт – это автоматизированный механизм, представляющий собой компьютерный код, который автоматизирует исполнения обязательств сторон, входящих в договорные отношения в цифровом пространстве посредством распределённого реестра. Так же в работе Шапиро Михаил Аркадьевича даётся следующее определение смарт-контракта: «правовая природа «смарт-контракта» заключается в том, что этот контракт как компьютерный код адаптируется под определённые потребности участников договора, под процедуру заключения договора в электронной форме, а также под связанные с исполнением принятых обязательств алгоритмы» [8].

Как было упомянуто выше, существуют определённые ограничения в сфере смарт-контрактов, под которыми понимаются отсутствие возможности вводить любые изменения в текст договора, отсутствует возможность изменить уже написанный код в договоре, а если понадобились какие-либо изменения или правки, то нужно написать новый код. С практической точки зрения такие условия создают много проблем сторонам договора, так как они заставляют с начала заключать смарт-контракт лишь при выявлении одной неточности. Однако автор В. Бутерин утверждал, что название смарт-контракт надо было изменить на более техническое название, «Чтобы было понятно, на данный момент я довольно жалею, что принял термин «умные контракты», мне следовало назвать их чем-то более скучным и техническим, например, «постоянными скриптами» [10].

Продолжая обсуждать вышеперечисленные проблемные вопросы смарт-контракта, данные ограничения положительно влияет на составление договоров, так как стороны стараются соблюдать максимальную точность с самого начала процесса, так как невозможно использование сторонней информации, которая находится вне рамок распределённого реестра. Как и с предыдущим примером, в самом начале это ограничение несёт негативные последствия для составителей

договора, но это только в самом начале пути, потому что смарт-контракт – это часть цифрового пространства. Так же смарт-контракт это в первую очередь компьютерный алгоритм, который совершенствуется с каждой новой страницей кода, а, следовательно, подобное затруднение сведётся на минимум уже в ближайшем будущем. Технически подобное ограничение логично, так как до тех пор, пока законодатель не сформирует чёткой регламентации по заключению смарт-контрактов, последние будут являться лишь компьютерным кодом. Все эти проблемы, как уже ясно из всего вышеперечисленного, причина активных юридических дискуссий между учёными в данной сфере, поэтому уже сейчас на основании данных дискуссий можно выделить два самых распространённых сценария для интеграции смарт-контрактов в повседневную жизнь человека.

Также смарт-контракт не может быть реализован вне рамок цифровых технологий. «Смарт-контракт не может быть реализован вне цифровых технологий и пространства, что опровергает суждения о перспективе вытеснения смарт-контрактами всех используемых в обороте договорных форм. Отсутствуют основания для рассмотрения смарт-контракта как нового классификационного элемента системы договорного регулирования вид или тип договора» [7].

Например, смарт-контракт должен носить обособленный характер, согласно данной концепции, договоры будут дополнены механизированным алгоритмом, тем самым упрощая уже существующий механизм договорных отношений. Данный сценарий применим, однако, следует считать промежуточным этапом, так как в случае здравого функционирования подобной обособленной системы, за ней будет следовать дальнейшее развитие смарт-контрактов с полным автоматизированным механизмом. И из-за того, что такой сценарий крайне нетороплив в своей реализации, разумеется, дебаты на почве подобного подхода более чем резонны. Так же существует концепция гибридного характера, согласно которой, механизм заключения договоров переводится на программный код, однако договор будет дополнен бумажным вариантом, что послужит гарантом исполнения сторонами договорных обязательств. Подобный сценарий более радикальный по сравнению с первым, поскольку позволяет резко уйти от классической формы заключения договора, оставляя лишь формальность в виде копии договора на бумажном носителе. Такой подход обеспечит более быстрое развитие смарт-контрактов, но вопросы адаптивности населения под новые стандарты, а также немалое число споров, которые могут возникнуть на почве данной технологии, являются открытыми. К сожалению, по нынешний день разнятся мнения у учёных юристов об определении правовой природы смарт-контракта.

«В литературе смарт-контракты нередко рассматриваются в качестве универсального средства для решения всех проблем пользователей платформы Blockchain, которые не доверяют друг другу, но желают взаимодействовать в предпринимательской или иной деятельности, переадресовав все вопросы своей безопасности компьютерной технологии» [4]. Также необходимо упомянуть опыт США по определению понятия смарт-контракта. В каждом штате есть своё

определение понятия смарт-контракта, к примеру, в штате Иллинойс дали следующие определение: «Смарт-контракты – это контракты, хранящиеся в виде электронных записей, которые проверяются с помощью блокчейна» [1]. В штате Аризона пришли к следующему выводу о том, что смарт-контракт может существовать в коммерческой деятельности, и тот договор который содержит условия смарт-контракта не может никак быть признан автоматически лишённым юридической силы или быть лишённым действительности только на основании того, что содержит условия смарт-контракта. А под понятием смарт-контракта в законопроекте 2417, Палатой представителей в штате Аризона дали, следующие определение: «Смарт-контракт означает управляемую событиями программу с состоянием, которая работает в распределённом, децентрализованном, общем и реплицированном реестре и которая может брать на себя управление и инструктировать передачу активов в этом реестре» [2].

Одним из главных спорных вопросов заключается в том, что произойдёт если автоматическая программа совершит в смарт-контракте ошибку и к чему это может привести. Ответом на данный вопрос является работа Будылин С.Л. Дело о битве роботов или может ли смарт-контракт быть недействительным [3]. Начнём просмотр данного дела с самого начала. В 2019 году в суде первой инстанции Международного коммерческого суда Сингапура рассматривался иск, в котором трейдер в криптобирже осуществлял торговлю криптовалютой с использованием компьютерного алгоритма, также криптобиржа использовала компьютерный алгоритм для заключения сделок. Фактически сделки совершались в тот момент между двумя роботами. И случилось так, что робот криптобиржи начал совершать ошибки, и в итоге это привело к тому, что робот трейдера совершил сделку по покупке 3 тысяч биткоинов за 300 единиц эфира, и трейдер заработал крупную сумму, а биржа потерпела убытки. На следующий день биржа заметила данную ошибку и сделала перевод в своей системе. И перекинула биткойны со счёта трейдера назад на счета клиентов, а эфир со счетов клиентов на счёт трейдера, получается биржа вернула счёт трейдера в исходное состояние. После этого трейдером был предъявлен иск против криптобиржи на том основании, что криптобиржа нарушила пользовательский договор в тот момент, когда в одностороннем порядке аннулировала сделку, а также криптобиржа нарушила трастовые обязательства на основании того, что криптобиржа необоснованно извлекла со счета трейдера криптовалюты. В свою очередь биржа утверждала, что из-за ошибки данная сделка была заключена, а, следовательно, она недействительна. При рассмотрении данного дела суд отказался признать данную сделку недействительной из-за ошибки, точнее, из-за существенного заблуждения и добавил то, что Договор в отношении каждой из спорных транзакций действовал напрямую между покупателем и продавцом. Однако между биржей и клиентами также существовала договорная связь, происходящая из пользовательского соглашения. И фактически одностороннее аннулирование транзакции криптобиржей считается нарушением пользовательского соглашения. А списание со счета трейдера биткоинов биржей, которые находились в трасте у биржи в пользу трейдера, является нарушением

трастовых условий. Получается, что суд разрешил дело в пользу истца. Но суд решил взыскать с ответчика только убытки, но не биткойны, которые были на счету у трейдера. После этого в 2020 году дело было рассмотрено уже в Апелляционном суде Сингапура по делу *Quoine Pte Ltd v. B2C2 [2020] SHCA (I) 02*. Позиция большинства судей при рассмотрении дела была в том, что если сделка была совершена программой, то необходимо принимать во внимание фактическое состояние ума программиста при создании программы. Если изначально программа была написана в расчёт на будущую ошибку контрагента, стороне следует вменить знание о свершившейся впоследствии ошибке. Но если программа при создании программистом такой возможности не предусматривал, то вменить ему знание об ошибке контрагента этой стороне нельзя и в итоге сделка будет в силе. Нельзя не упомянуть особое мнение лорда Манса о том, что разумный трейдер сразу же бы распознал компьютерный сбой криптобиржи и отменил бы данную транзакцию, несмотря на вину криптобиржи в данной ошибке. «В данном деле, поскольку любой разумный трейдер немедленно распознал бы, как это сделала B2C2, фундаментальный компьютерный сбой как причину транзакции, соображения в пользу отмены транзакции в целом перевешивают любые ошибки или вину [Quoine], которые привели к этому сбою». Складывается так, что большинство судей и лорд Манс признают, что возможно признать сделки недействительными, совершенной автоматической программой, различаясь лишь в основаниях для такого признания.

Так же можно упомянуть Камалаяна В.М. который отмечает, что в смарт-контракте стороны автоматически принимают все риски, если стороны выразили согласие на использование смарт-контракта это подводит к тому, что они принимают фактически те самые риски, которые могут быть связаны с техническим сбоем, ошибками или иными проблемами [5]. Однако звеном развития смарт-контракта и достижения до сегодняшнего дня колоссального прогресса, произошли благодаря технологии блокчейна, которая является основной частью смарт-контракта с 2015 года, в то время, когда был создан блокчейн Ethereum для создания пользователями децентрализованного приложения, где каждый мог писать на блокчейне собственную программу, применяя смарт-контракты.

Например, Мелани Свон в своей работе «Блокчейн» описывала три категории применения блокчейна, но нам интересна лишь вторая категория блокчейна, которая раскрывается следующим образом: «Блокчейн – это контракты, целые классы экономических, рыночных и финансовых приложений, в основе которых лежит блокчейн, которые работают с различными типами финансовых инструментов с акциями, облигациями, фьючерсами, закладными, правовыми титулами, умными активами и умными контрактами» [6].

Именно тогда смарт-контракт получил широкое применение, когда блокчейн стал осуществлять кроме расчётов ещё и транзакции и взаимодействовать с умным договором смарт-контрактом. Подытоживая хочется сказать, что смарт-контракт в цифровом пространстве на сегодняшний день играет ключевую роль, но, к сожалению, по нынешнее время в современной юридической науке нет

единого мнения учёных юристов по определению природы смарт-контракта. У каждого учёного юриста своё понимание и представление смарт-контракта, и конечно невозможно не сказать о том, что существуют точки соприкосновения мнений у учёных юристов по определениям понятия и природы смарт-контракта, но, к сожалению, оно полностью не совпадает с мнениями других юристов. Разумеется, данный факт попросту нельзя игнорировать, ведь прогресс не стоит на месте, и цифровые технологии проникают и пропитывают абсолютно все сферы нашей жизни. И именно поэтому на нас лежит бремя первопроходцев, и чем дальше смарт-контракт проникает в быт человека, тем больше возникает необходимость в его регулировании. Конечно, смарт-контракт, сам по себе, является уникальным способом заключения договоров в цифровом пространстве, где весь процесс практически происходит автоматически, но также существует и проблемы, которые были описаны в работе и рекомендации для их регулирования. Смарт-контракты являются следующим этапом в развитии договорных отношений, которые следует вводить постепенно, адаптируя иные сферы под нынешние реалии, начиная с ведения понятия смарт-контракта в законодательство, а также структур, которые будут регулировать подобные отношения и, заканчивая пониманием обычных пользователей, для которых подобная система должна стать не чем-то новым, вызывающим сомнение и скепсис, а чем-то обыденным и неотъемлемым.

Список литературы:

1. Illinois Blockchain Technology Act (State of Illinois, 2019) «Закон штата Иллинойс поддерживает смарт-контракты с новым законодательством о блокчейне» [URL:https://www.natlawreview.com/article/illinois-embraces-smart-contracts-new-blockchain-legislation](https://www.natlawreview.com/article/illinois-embraces-smart-contracts-new-blockchain-legislation)
2. Законопроект № 2417 Палаты представителей Штата Аризона, Пятьдесят третий законодательный орган, Первая регулярная сессия 2017 URL: <https://legiscan.com/AZ/text/HB2417/id/1588180>
3. Будылин С.Л. Дело о битве роботов, или может ли смарт-контракт быть недействительным? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. № 3. С. 46-70.
4. Ефимова Л.Г., Михеева И.Е., Чуб Д.В. Сравнительный анализ доктринальных концепций правового регулирования смарт-контрактов в России и зарубежных странах // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020 № 4 (октябрь-декабрь). С.78-105 [URL:https://www.hse.ru/data/2020/12/08/1356189088/Михеева.pdf](https://www.hse.ru/data/2020/12/08/1356189088/Михеева.pdf)
5. Камалян В.М. Технологический и правовой аспекты смарт-контракта / Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2020. – № 8 (72). – С. 144-157.
6. Свон М. Блокчейн: схема новой экономики / пер. с англ. – Москва: Издательство «Олимп-Бизнес», 2017 года - 240 страниц, С. 20.
7. Синицын С.А., Дьяконова М.О., Чурсина Т.И. Смарт-контракты в цифровой экономике: договорное регулирование и разрешение споров. С. 43.
8. Шапиро М.А., Применение «смарт-контракта» и его правовое регулирование. Столыпинский Вестник №1/2023.
9. Szabo N. Formalizing and Securing Relationships on Public Networks // First Monday. 1997. Vol. 2. No. 9. Cited by: Schulpen R. Smart contracts in the Netherlands. Master Thesis in International Business Law. Tilburg University, 2018.

10. Buterin V. To be clear, at this point I quite regret adopting the term "smart contracts"//Twitter.15.10.2018URL:https://twitter.com/VitalikButerin/status/1051160932699770882?ref_src=twsrc%5Etfw

11. Юрасов М.Ю., Поздняков Д.А. Смарт-контракт и перспективы его правового регулирования в эпоху технологии блокчейн. // Закон.ру. 09.10.2017 URL:https://zakon.ru/blog/2017/10/9/smart-kontrakt_i_perspektivy_ego_pravovogo_regulirovaniya_v_epohu_tehnologii_blokchejn

Об авторе:

ИОРДАНЯН Роберт Арменович – студент 2 курса факультета подготовки специалистов корпоративных юристов очной формы обучения (очный юридический факультет) 40.03.01 Юриспруденция.

Принято в редакцию 11.06.2026.

Подписано в печать 17.06.2026.

СКРИНШОТ КАК ВИД ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

С.Г. Керимова

ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», г. Курск

Научный руководитель к.ю.н., доцент Н.Н. Болдырева

Статья посвящена исследованию правового статуса скриншота как доказательства в гражданском судопроизводстве. Рассматриваются особенности фиксации, аутентификации и признания юридической силы скриншота как доказательства судами общей юрисдикции. Особое внимание уделено процессуальным аспектам доказывания посредством электронных доказательств, включая требования к оформлению и представлению в суде. Исследуется зарубежный опыт при оценке данного вида доказательства.

Ключевые слова: скриншот, доказательство, процесс, судопроизводство.

Скриншот представляет собой мгновенный снимок экрана устройства, фиксирующий визуальное отображение интерфейса в определенный момент времени. Несмотря на то, что компьютеры и мобильные устройства с возможностью создания снимка экрана появились еще в XX веке, скриншот в качестве доказательства в рамках гражданского судопроизводства не использовался. Это связано с тем, что компьютеры, мобильные устройства стали доступны большей части населения мира гораздо позже, соответственно предоставление доказательств в суд посредством электронных технологий не практиковалось. В настоящее время скриншот активно используется участниками судебного процесса, поскольку является информативным видом доказательства. Во-первых, скриншот обладает уникальной способностью точно воспроизводить содержание цифровых ресурсов в заданный момент времени, демонстрируя дату, время и интернет-ресурс фиксации снимка экрана. Во-вторых, скриншот как доказательство удобно представить в суд, так как сам процесс его создания является простым – достаточно нажатия кнопки в мобильном устройстве или соответствующей клавиши на клавиатуре ПК, что занимает пару секунд.

Анализируя такой вид доказательства как скриншот, необходимо уделить внимание его правовому статусу. В российском гражданском судопроизводстве перечень доказательств, критерии их оценки и сам процесс доказывания определены главой 6 ГПК РФ [1].

В соответствии с гражданским процессуальным законодательством РФ определены следующие виды доказательств:

- объяснения сторон и третьих лиц;
- показания свидетелей;
- письменные доказательства;
- вещественные доказательства;
- аудио- и видеозаписи;
- заключения экспертов.

В ГПК РФ скриншот не упоминается среди видов доказательств. Ясность относительно понятия скриншота была внесена Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» [4]. Верховный Суд РФ раскрывает понятие скриншота, называя его распечаткой материалов, размещенных в информационно-телекоммуникационной сети, с указанием адреса интернет-страницы, с которой сделана распечатка, а также точного времени ее получения. Таким образом, установлены требования для предъявления снимка экрана как доказательства:

- распечатанный вид;
- указание ссылки на интернет-ресурс;
- точное время фиксации снимка экрана.

Аналогичные требования к информации содержатся в Федеральном законе [от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»](#) [2]. Пунктом 11 статьи 2 названного закона установлено, что информация признается документированной при наличии реквизитов, позволяющих такую информацию идентифицировать.

При этом сам правовой статус, а именно к какому виду доказательства относится распечатанный снимок экрана в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» не уточнено. Распечатка — это бумажная копия электронного документа или изображения, созданная с помощью принтера. Следовательно, ссылаясь на позицию Верховного Суда РФ, скриншот можно отнести к письменным доказательствам. К письменным доказательствам скриншот относится и по признакам, установленным статьей 71 ГПК РФ, согласно которой материалы, документы, полученные с помощью электронных технологий, с использованием Интернета, содержащие цифровые или графические данные, считаются письменными доказательствами.

В научной литературе встречаются разные точки зрения по этому поводу. И. В. Решетникова утверждает, что скриншот совмещает признаки как письменного, так и производного доказательства. Такое суждение обусловлено возможностью существования скриншота как в бумажной копии (распечатанном виде), так и в электронной форме, выступающей самостоятельным документом [5, с.129].

Предъявленные сторонами, участвующими в судебном разбирательстве, доказательства оцениваются судом на соответствие относимости, допустимости, достоверности. При рассмотрении распечатанного снимка экрана суды сталкиваются с проблемой определения скриншота соответствующим достоверности, так как в условиях развития цифровых технологий изменение содержимого снимка экрана осуществляется достаточно просто, в связи с чем на практике суды требуют заверения скриншота у нотариуса. Так, Коптевский районный суд г. Москвы и Московский городской суд отказались рассматривать скриншот переписки, поскольку он не был заверен, но Верховный суд РФ определил, что необходимости в нотариальном удостоверении снимка экрана

нет, поскольку никакие доказательства не имеют для суда заранее установленной силы, оценка судом доказательства производится самостоятельно (Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 07.02.2023 № 5-КГ22-144-К2). Заверение скриншота нотариусом носит рекомендательный характер, императивной установки совершать данную процедуру нет.

Отсутствие нормативно-правового предписания, устанавливающего стандарты, формат предъявления скриншота сторонами по делу и методических рекомендаций для судов, определяющих порядок рассмотрения данного вида доказательства, создает сложности для участников дела в том, чтобы доказать свою позицию, ведь зачастую другими доказательствами они не обладают, а также для судей, которые обязаны удостовериться в подлинности данного вида доказательства, так как в противном случае они не могут быть положены в основу решения суда.

В зарубежной судебной практике скриншот оценивается в качестве доказательства. Согласно ст. 199 Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь от 11.03.2024 г. №359-З [3] электронными доказательствами являются сведения о фактах, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела, содержащиеся на электронных носителях информации, в том числе электронные документы, текстовые, мультимедийные и голосовые сообщения, базы данных и другие данные в электронной (цифровой) форме, а также информация, размещенная в глобальной компьютерной сети Интернет. Также в Кодексе Союзного государства определены требования к данному виду доказательства и порядок его оценки судом. Статья 200 Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь от 11.03.2024г. №359-З устанавливает следующие требования:

- представленное электронное доказательство должно сопровождаться изображением записи на бумажном носителе;
- в отношении информации, размещенной в глобальной компьютерной сети Интернет, должен быть указан адрес в глобальной компьютерной сети Интернет, по которому такая информация размещена;
- лицо, представившее копию электронного доказательства, должно указать о наличии у него или другого лица подлинника электронного доказательства.

Названным выше нормативным правовым актом установлено, что суды оценивают поступившее электронное доказательство посредством необходимых для исследования электронного доказательства оборудования и (или) программного обеспечения и в случае отсутствия технической возможности такое доказательство исследовать суд предлагает лицу, которое это доказательство предъявило, предоставить такие оборудование и (или) программное обеспечение.

Краткий анализ гражданского процессуального законодательства Республики Беларусь позволяет сделать вывод, что институт доказывания в стране усовершенствован и опыт Союзного государства мог бы быть применен в отечественной системе гражданского судопроизводства.

Скриншоты становятся всё более распространённым видом доказательств в современном гражданском судопроизводстве. Их использование обусловлено развитием цифровых технологий и расширением практики виртуального взаимодействия субъектов права. Однако проблема заключается в установлении подлинности представляемых изображений экранов устройств и оценке их доказательственного значения судом. Несмотря на то, что практика судов постепенно адаптируется к новым реалиям, трудности с определением критериев относимости, допустимости и достоверности представленных материалов имеют место. Возникает необходимость совершенствования правовых норм, регулирующих использование скриншотов в рамках гражданского судопроизводства, включая разработку единых стандартов проверки подлинности и закрепления соответствующих процедур в законодательстве.

Список литературы

1. Федеральный закон от 14.11.2002 №138-ФЗ «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» (ред. от 15.12.2025, с изм. от 22.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 03.01.2026)
2. Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (последняя редакция) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 03.01.2026)
3. Кодекс гражданского судопроизводства Республики Беларусь от 11.03.2024г. №359-3 (с изм. и доп. от 09.12.2025) URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37562180 (дата обращения: 03.01.2026)
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323470/ (дата обращения: 03.01.2026)
5. Решетникова И.В., Янков В.В. Гражданский процесс 9-е изд., перераб. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2026. — 296 с.
6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 07.02.2023 N 5-КГ22-144-К2 URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-07022023-n-5-kg22-144-k2/> (дата обращения: 03.01.2026)

Принято в редакцию 11.06.2026.

Подписано в печать 17.06.2026.

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АУДИО- И ВИДЕОЗАПИСЕЙ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

А.П. Клинова

ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет»

Научный руководитель к.ю.н., доцент А.С. Федина

В статье рассматриваются особенности использования аудио- и видеозаписей в гражданском процессе Российской Федерации. Анализируются нормы процессуального законодательства, регулирующие применение данных доказательств. Исследуется правовая природа аудио- и видеозаписей как самостоятельных средств доказывания. Рассматриваются условия их допустимости в судебном процессе. Анализируются проблемы установления достоверности цифровой информации и выявления монтажа записей. Отдельно исследуется вопрос соблюдения права на неприкосновенность частной жизни при использовании скрытой аудиозаписи. Изучается судебная практика Верховного Суда Российской Федерации по данной категории дел. Отмечаются существующие проблемы правового регулирования электронных доказательств. Делается вывод о необходимости совершенствования законодательства и формирования единообразной судебной практики.

***Ключевые слова:** аудиозапись, видеозапись, электронные доказательства, гражданский процесс, допустимость доказательств, цифровые технологии, судебная практика, Верховный Суд РФ, фоноскопическая экспертиза, право на частную жизнь.*

Современный этап развития информационных технологий оказывает существенное влияние на механизм осуществления правосудия. Цифровизация общественных отношений обусловила активное внедрение электронных средств фиксации информации в сферу судебного доказывания [8]. В связи с широким распространением мобильных устройств, систем видеонаблюдения, диктофонов и иных технических средств аудио- и видеозаписи становятся одним из наиболее востребованных видов доказательств в судебной практике [9].

Актуальность обусловлена необходимостью формирования единообразного подхода к определению процессуального статуса аудио- и видеозаписей, а также выработки критериев их допустимости и достоверности [10]. Также значимость приобретает проблема соблюдения баланса между правом лица на судебную защиту и конституционным правом на неприкосновенность частной жизни.

В соответствии со ст. 55 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [2] доказательствами признаются сведения о фактах, полученные в установленном законом порядке, на основании которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела. Похожие положения закреплены в ст. 64 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации [3], ст. 26.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [5] и ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [4].

Согласно ст. 77 ГПК РФ лицо, представляющее аудио- или видеозапись, обязано указать сведения о времени, условиях и лице, осуществившем фиксацию информации. Данное требование направлено на обеспечение возможности

проверки достоверности представленного доказательства и законности способа его получения.

В литературе аудио- и видеозаписи рассматриваются как самостоятельные средства доказывания, обладающие специфическими признаками [12]. Их особенность заключается в способности непосредственно фиксировать объективную картину происходящих событий. В отличие от свидетельских показаний, основанных на субъективном восприятии лица, техническая фиксация позволяет воспроизвести обстоятельства события с высокой степенью точности.

К преимуществам аудио- и видеозаписей относятся высокая информативность, возможность неоднократного воспроизведения, фиксация поведения участников правоотношений, а также минимизация риска искажения фактических обстоятельств. Но также использование подобных доказательств связано с рядом существенных проблем. Современные цифровые технологии позволяют осуществлять монтаж видеофайлов, изменять звуковую дорожку и создавать искусственные цифровые материалы, что осложняет процесс оценки достоверности доказательств.

В соответствии со ст. 67 ГПК РФ суд оценивает доказательства на основе внутреннего убеждения, сформированного в результате всестороннего, полного и объективного исследования материалов дела. Никакие доказательства не обладают заранее установленной силой, поэтому аудио- и видеозаписи подлежат проверке наряду с иными доказательствами по делу.

Наиболее актуальным вопросом в правоприменительной практике остается допустимость скрытой аудиозаписи [11]. Конституция Российской Федерации в ст. 23 [1] гарантирует каждому право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, а также тайну телефонных переговоров и иных сообщений. В связи с этим возникает проблема определения пределов допустимого использования технических средств фиксации информации.

Судебная практика основывается на том, что аудиозапись разговора может быть признана допустимым доказательством при условии, что запись осуществлялась непосредственным участником разговора и была направлена на защиту его прав и законных интересов. Такая правовая позиция получила отражение в Определении Верховного Суда Российской Федерации от 06.12.2016 № 35-КГ16-18 [6]. Верховный Суд РФ указал, что фиксация разговора его участником не образует нарушения конституционного права на тайну связи, поскольку лицо осуществляет запись информации, участником обмена которой оно является.

Указанное судебное решение имеет значение для формирования современной практики использования электронных доказательств. Верховный Суд РФ признал аудиозапись одним из способов самозащиты гражданских прав, допустимым в рамках судебного доказывания при отсутствии нарушения прав иных лиц.

На практике аудио- и видеозаписи более часто используются при рассмотрении трудовых споров, дел о защите прав потребителей, семейных

конфликтов, а также дел, связанных с причинением имущественного вреда [7]. Особое значение видеозаписи приобретают при рассмотрении дел о дорожно-транспортных происшествиях, поскольку позволяют объективно установить механизм аварии и степень вины участников.

Для проверки подлинности цифровых материалов суд вправе назначить судебную экспертизу. При исследовании аудиозаписей проводится фоноскопическая экспертиза, задачами которой являются установление признаков монтажа, идентификация голоса и определение условий записи. В отношении видеоматериалов применяется видеотехническая экспертиза, позволяющая установить целостность файла, отсутствие редактирования и соответствие записи обстоятельствам дела.

Несмотря на активное использование электронных доказательств, действующее законодательство не содержит единого определения понятия электронного доказательства. Отсутствие единого подхода порождает сложности в правоприменительной деятельности и способствует возникновению противоречивой судебной практики.

Дополнительной проблемой является обеспечение сохранности цифровых носителей информации. Суду необходимо гарантировать неизменность оригинального файла, возможность его последующего исследования и защиту от несанкционированного изменения данных.

Таким образом, аудио- и видеозаписи в современных условиях становятся важнейшим инструментом судебного доказывания. Их использование способствует более объективному установлению фактических обстоятельств дела и повышению эффективности судебной защиты. Вместе с тем применение цифровых доказательств требует строгого соблюдения требований закона, подтверждения достоверности информации и учета конституционных гарантий защиты частной жизни.

Развитие информационных технологий неизбежно приведет к дальнейшему расширению сферы применения электронных доказательств в судопроизводстве. В связи с этим совершенствование процессуального законодательства и формирование единообразной судебной практики представляются необходимыми условиями обеспечения законности и эффективности правосудия.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. URL: Конституция РФ на Официальном интернет-портале правовой информации
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ. URL: ГПК РФ — КонсультантПлюс
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ. URL: АПК РФ — КонсультантПлюс
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ. URL: УПК РФ — КонсультантПлюс
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ.

URL: КоАП РФ — КонсультантПлюс

6. Определение Верховного Суда РФ от 06.12.2016 № 35-КГ16-18.

URL: Определение Верховного Суда РФ № 35-КГ16-18 — СудАкт

7. Борисова В. Ф. Оценка допустимости аудио- и видеозаписей как доказательств в гражданском процессе // Семнадцатая годовичная научная конференция. Социально-гуманитарные науки. Часть II. 2024.

URL: Статья Борисовой В. Ф. — КиберЛенинка

8. Стареньких К. Е., Кузнецова Д. А. Аудио- и видеозаписи как средства доказывания в гражданском судопроизводстве // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 3–3 (78). С. 62–64.

URL: Статья Стареньких и Кузнецовой — КиберЛенинка

9. Грунина В. А., Ананьин П. А., Новичкова Ю. Г. К вопросу об использовании аудио- и видеозаписей в качестве доказательств в гражданском судопроизводстве // Право и государство: теория и практика. 2022. № 3.

URL: Статья Груниной, Ананьиной и Новичковой — КиберЛенинка

10. Скрынникова М. В., Леженин А. В. Аудио- и видеозаписи в системе доказательств в рамках гражданского судопроизводства: отдельные вопросы теории и правового регулирования // Вестник Воронежского института МВД России. 2021.

URL: Статья Скрынниковой и Леженина — КиберЛенинка

11. Герасимов А. В., Данилов Д. Б. Допустимость скрытой аудиозаписи в качестве доказательства в гражданском судопроизводстве // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017.

URL: Статья Герасимова и Данилова — КиберЛенинка

12. Боннер А. Т. Аудио- и видеозаписи как доказательство в гражданском и арбитражном процессе // Законодательство. 2008.

URL: Статья Боннера А. Т. — ГАРАНТ

Об авторе:

КЛИНОВА Александра Павловна - студентка 2 курса юридического факультета направления подготовки 40.03.01 Юриспруденция.

Принято в редакцию 11.06.2026.

Подписано в печать 17.06.2026.

АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ОТДЕЛЬНЫХ ДИСТАНЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В.Б. Костомаха

ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»

Научный руководитель к.ю.н., доцент Н.Н. Болдырева

В научной статье исследуются проблемы и предложения по совершенствованию дистанционных технологий в судебной системе Российской Федерации. Особое внимание уделяется вопросам информатизации судебной системы. Выявлены основные недостатки действующей системы электронного документооборота и предложены конкретные меры по её совершенствованию, в том числе создание единой федеральной базы данных с современными системами защиты информации. Сформулированы преимущества и возможные сложности при внедрении новых технологических решений. *Ключевые слова:* электронное правосудие; электронный документооборот; судебная информатизация.

В современном мире стремительное развитие информационных технологий оказывает значительное влияние на все сферы жизни общества, включая правовую. В условиях растущей нагрузки на судебные органы, необходимости повышения доступности правосудия и обеспечения прозрачности процессов, внедрение новых технологий становится не просто актуальным, но и необходимым шагом. Дистанционное правосудие, основанное на использовании цифровых платформ, видеосвязи, электронного документооборота и автоматизации процессов, открывает новые возможности для упрощения и ускорения судебного разбирательства. Отдельные нововведения заслуживают особого внимания.

Так, аудиопротоколирование — обязательная запись судебных заседаний с помощью аудиозаписи, осуществляемая вместе с классическим протоколированием судебного заседания. Аудиопротокol обеспечивает полную и достоверную фиксацию процесса без изменений, введен в гражданский процесс с 1 сентября 2019 года (ФЗ №265-ФЗ) и по общему правилу применяется в судах первой и апелляционной инстанций.

Веб-конференции - участие в судебном заседании через интернет в реальном времени, позволяющее дистанционно присутствовать по ходатайству и при наличии технической возможности. Институт введен в ГПК РФ статьёй 155.2 (ФЗ №440-ФЗ от 2021 года) для повышения доступности правосудия. В гражданском процессе веб-конференции получили распространение с развитием цифровых технологий, облегчая рассмотрение гражданских дел, снижая расходы судов и обеспечивая доступ к правосудию в удалённых регионах. Веб-конференции позволяют совершать процессуальные действия, выносить решения и вести обсуждения дел в виртуальном пространстве, без физического присутствия всех участников в одном месте. Такой подход к форме проведения судебных заседаний становится особенно актуальным в случаях, когда личная

встреча в суде затруднена из-за географических ограничений, состояния здоровья или других обстоятельств (Отдельные аспекты участия в судебном заседании путем использования системы веб-конференции. Болдырева. Журнал *Norwegian journal of development of the international science*, номер 135, страницы 39-42, <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=67984784>).

Значимым направлением в судебной системе Российской Федерации является внедрение электронного документооборота. Система электронного документооборота позволяет обращаться в суд, обмениваться материалами дела, получать судебные постановления и исполнительные листы в цифровом виде, а также повышает прозрачность судебной системы, сокращает время рассмотрения дел и снижает риск ошибок, связанных с человеческим фактором.

Ответы на вопросы, что такое информатизация судебной системы и электронное правосудие и какое место эти институты занимают в современном обществе, волнуют многих. Так, представители судейского сообщества нашего субъекта, проанализировав практику применения электронного документооборота в суде, отмечают следующее. «Информатизация упрощает многие действия судебного делопроизводства, в частности, во взаимоотношениях между судами, гражданами и государственными органами. Внедрение информационных технологий в судебную деятельность позволяет, в том числе, ускорить направление адресату судебного документа и получение информации из межведомственных организаций. На текущий момент в 2025 году судом направлено более 26 тыс. электронных писем и сделано более 3 тыс. межведомственных запросов, что на 90,3 % больше аналогичного периода 2024 года. Также в 2025 году направлено более 1600 смс-уведомлений, что на 57 % больше, чем в 2024 году. Стоит отметить, что увеличилось и количество входящей корреспонденции, в 2025 году поступило более 10 тыс. документов, что на 53 % больше аналогичного периода 2024 года. Такой рост связан с активным использованием сотрудниками суда информационно-коммуникационных технологий и с существенным увеличением поступающих в суд дел различных категорий»¹.

Исследование новых для российской судебной системы институтов позволило сформулировать собственные предложения для дальнейшего улучшения систем идентификации и управления судебными делами.

Одним из перспективных нововведений является переход на электронный формат делопроизводства. Необходимо создать централизованную информационную базу данных, в которой будут храниться электронные версии судебных дел на федеральном уровне. В настоящее время в судебной системе используется государственная автоматизированная система «Правосудие» (ГАС «Правосудие»), которая обеспечивает электронный документооборот и ведение дел в судах общей юрисдикции. Однако, согласно Отчету о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ текущего состояния информатизации судебной системы Российской Федерации», утвержденного Коллегией Счетной палаты Российской Федерации 28 февраля 2025 года, эта

¹ Заречная Елена Васильевна

система устарела и не соответствует современным требованиям по безопасности, масштабируемости и удобству использования. Из 47 программ используется всего 27, остальные 20 устарели и не применяются. Архитектура системы не модернизируется и основана на технически устаревших зарубежных программных продуктах. В 2024 году система пережила киберинцидент с частичной утратой накопленных данных.

Очевидно, что назрела необходимость создания новой федеральной информационной базы. Данные в такой базе должны находиться на защищённых серверах с механизмами криптографической аутентификации, асимметричным шифрованием, собственным разработанным межсетевым экраном, который проверяет сетевой трафик на наличие несанкционированного вторжения в систему, а также ежедневным резервным копированием и технологией RAID (технология, которая объединяет несколько дисков в единый логический массив для повышения производительности и отказоустойчивости), что обеспечит сохранность, безопасность и конфиденциальность информации. Сервера должны будут представлять огромную многоуровневую сеть в масштабах страны, где будут аккумулироваться электронные версии судебных документов, и, в случае технического отключения одного из серверов, система дальше продолжит бесперебойное функционирование.

Такая база данных позволит вести полный электронный документооборот - сохранять и обновлять судебные документы, решения, постановления и сопутствующую документацию в удобном и доступном формате. Все операции по работе с делами будут регистрироваться в системе для обеспечения прозрачности и контроля. Доступ к документам будет осуществляться в зависимости от должности сотрудника и его местоположения. К примеру, у судьи есть возможность просмотра своих решений.

Необходимо на федеральном уровне разработать порядок аутентификации и доступа к базе, обеспечивающий высокий уровень безопасности и контролируемость при работе с конфиденциальной информацией. Для этого нужно внедрить многофакторную аутентификацию, включающую в себя несколько способов подтверждения личности пользователя: знание пароля и логина, а также наличие физического токена (USB-ключ). Дополнительно для юридически значимых действий - подписания документов и внесения изменений будет использоваться электронная цифровая подпись с ограниченной машиночитаемой доверенностью, что повысит юридическую силу документов и защитит их от подделки.

Основные преимущества данной инициативы:

- единый федеральный стандарт ведения и хранения дел, для улучшения учёта и взаимодействия между судами на всех уровнях;
- сокращение бумажного документооборота и экономия физического пространства в судебных учреждениях;
- повышение прозрачности и снижение человеческих ошибок за счёт автоматизации учёта и контроля;

- ускорение судебных процессов за счёт быстрого и безопасного доступа к материалам;
- усиление безопасности данных с использованием современных IT-решений и стандартов.

Основные недостатки данной инициативы:

- **Затраты на внедрение и поддержку:** Разработка, установка и обслуживание такой системы требуют существенных ресурсов — финансовых, технических, кадровых.

- **Необходимость обучения персонала:** Судебным работникам потребуется обучение работе с новой системой, изменения в процессах могут вызвать первоначальное сопротивление.

- **Юридические и нормативные барьеры:** Необходимо согласование с законодательством о хранении и передаче данных, защите персональной информации и обеспечении юридической силы электронных документов.

Таким образом, дальнейшее развитие и интеграция цифровых технологий в судебную практику является неотъемлемой частью модернизации правовой системы, направленной на улучшение качества правосудия и удовлетворение современных потребностей общества.

Список литературы

1. Федеральный закон от 29.07.2018 № 265-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Ч.1 ст.230
2. Федеральный закон от 30.12.2021 № 440-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации». Ст. 155.2.
3. Болдырева, О. Н. Отдельные аспекты участия в судебном заседании путем использования системы веб-конференции /О. Н. Болдырева// Norwegian journal of development of the international science. – 2024. – № 135. – С. 39-42.
4. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ текущего состояния информатизации судебной системы Российской Федерации» / Утвержден Коллегией Счетной палаты Российской Федерации 28 февраля 2025 года

Об авторе:

КОСТОМАХА Виктория Борисовна – студентка 3 курса юридического факультета направления подготовки 40.05.04 Судебная и прокурорская деятельность.

Принято в редакцию 11.06.2026.

Подписано в печать 17.06.2026.

АУДИОВИЗУАЛЬНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ КАК ОБЪЕКТЫ АВТОРСКИХ ПРАВ

К.А. Майорова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Научный руководитель к.ю.н., доцент Е.В. Козырева

В статье рассматривается правовой статус аудиовизуальных произведений как сложных объектов авторских прав. Автор анализирует их признаки, субъектный состав, условия правовой охраны, а также выявляет пробелы регламентации и предлагает меры по совершенствованию, включая уточнение критериев охраноспособности, регулирование компьютерных игр и усиление защиты прав в цифровой среде.

***Ключевые слова:** авторское право, аудиовизуальные произведения, защита авторских прав, объекты интеллектуальной собственности, охрана фрагментов аудиовизуальных произведений.*

Актуальность избранной темы вызвана возрастающим значением аудиовизуальных произведений среди всех других объектов авторских прав, а также усложнением правовых отношений, возникающих в связи с их созданием, использованием и защитой. В условиях цифровизации культуры и медиасферы аудиовизуальный контент стал одной из наиболее востребованных форм выражения творческого результата. Аудиовизуальные произведения занимают важное место наряду с другими охраняемыми результатами интеллектуальной деятельности и отличаются сложной внутренней организацией, формирующейся в результате объединения нескольких самостоятельных результатов творчества. Будучи создаваемыми при участии значительного числа авторов и иных правообладателей, они представляют собой комплексный объект интеллектуальной собственности, включающий сценарий, музыкальное сопровождение, визуальный ряд, актёрское исполнение и иные элементы.

Законодатель определяет аудиовизуальные произведения как объект авторских прав (ст. 1259 ГК РФ), сложный объект (ст. 1240 ГК РФ). В ст. 1263 ГК РФ закреплено его понятие и определяет субъекты аудиовизуальных произведений. К таким относят: режиссера-постановщика, автора сценария и композитора (ст.1263 ГК РФ). При этом нормы о смежных правах позволяют учитывать права исполнителей и организаций вещания. Данные вопросы изучались Э. П. Гавриловым, В. А. Дозорцевым, А. Л. Маковским, Е. А. Павловой, О. А. Рузаковой, А. П. Сергеевым и другими, но явно недостаточно.

Развитие современных технологий, сопровождающееся расширением способов создания, воспроизведения и распространения аудиовизуального контента, обуславливает необходимость углублённого исследования указанных произведений [6, С. 168]. Изучение литературы и судебной практики позволяют выявить ряд дискуссионных вопросов, свидетельствующих о необходимости дальнейшего совершенствования действующего законодательства.

Обратимся к ст. 1263 ГК РФ, где закреплено понятие аудиовизуального произведения [1]. Под аудиовизуальным произведением следует понимать

произведение, состоящее из зафиксированной серии связанных между собой изображений, сопровождаемых либо не сопровождаемых звуком и предназначенных для зрительного или зрительно-слухового восприятия с использованием технических средств.

Представленное законодательное определение отражает основные признаки аудиовизуального произведения. Во-первых, оно представляет собой совокупность взаимосвязанных изображений, объединённых единым художественным или смысловым замыслом. Во-вторых, обязательным признаком выступает фиксация произведения на материальном носителе, обеспечивающая возможность его воспроизведения и последующего использования. В-третьих, восприятие такого произведения предполагает использование технических средств, обеспечивающих передачу изображения и, при наличии, звукового сопровождения. К их числу относят и кинематографические произведения, телевизионные и видеофильмы, мультипликационные фильмы, сериалы, а также иные произведения, созданные средствами, аналогичными кинематографическим [9, С. 258]. Вместе с тем развитие цифровой среды последовательно расширяет круг форм аудиовизуального контента, включая интернет-проекты, видеоролики и иные разновидности визуального медиапродукта.)

Анализ содержания ст. 1263 ГК РФ показывает, что законодатель закрепляет прежде всего основные юридические признаки аудиовизуального произведения: наличие зафиксированной последовательности изображений, их взаимосвязанность и предназначенность для восприятия с помощью технических средств. Однако такое определение лишь обозначает общие рамки данного объекта и не раскрывает в полной мере его правовую специфику. Особенность аудиовизуального произведения состоит в том, что оно формируется как результат объединения нескольких самостоятельных творческих вкладов, подчинённых единому замыслу. По этой причине в юридической литературе оно рассматривается не только как самостоятельный объект авторских прав, но и как сложный объект, в структуре которого могут сочетаться как авторские, так и смежные права. Такой подход позволяет точнее определить круг правообладателей и особенности правовой охраны аудиовизуального произведения в целом и его отдельных элементов.

Деятельность указанных лиц, направленная на формирование художественной концепции произведения, обладает самостоятельным творческим характером. Создавая отдельные элементы, каждый из авторов вносит вклад в формирование единого результата, который в дальнейшем используется как целостный объект авторского права. Наряду с авторами важную роль в процессе создания аудиовизуального произведения играет изготовитель, или продюсер, который организует процесс производства, осуществляет его финансирование и обеспечивает техническую реализацию проекта.

Закрепление за продюсером исключительного права на произведение в целом обусловлено необходимостью централизованного управления правами,

позволяющего обеспечивать эффективное использование произведения и распоряжение им [7, С. 91]. В то же время в создании аудиовизуального произведения участвуют и иные лица: актёры, операторы, художники по костюмам, специалисты по монтажу и другие участники творческого коллектива. Результаты их деятельности, включаемые в состав аудиовизуального произведения, при наличии установленных законом условий также могут пользоваться самостоятельной правовой охраной в качестве произведений либо объектов смежных прав.

Признавая аудиовизуальные произведения объектами авторских прав, законодатель связывает возникновение правовой охраны с наличием творческого характера деятельности автора. Произведение должно быть результатом интеллектуального труда, выраженного в выборе художественных средств, композиционных решений и выразительных элементов [10, С. 58]. Анализ судебной практики показывает, что при решении вопроса об охраноспособности аудиовизуальных произведений суды, как правило, исходят из таких критериев, как оригинальность, индивидуальность и наличие творческого вклада автора. Установление указанных обстоятельств предполагает исследование способа создания произведения, а также степени участия человека в формировании конечного результата.

К примеру, в решении Арбитражного суда Калининградской области от 30 июня 2025 г. по делу № А21-15580/2024 [5], суд рассмотрел спор о продаже на маркетплейсе товаров, на которых были размещены персонаж Данила Багров, кадры из фильма «Брат-2» и цитаты из этого фильма, и пришел к выводу о нарушении исключительного права правообладателя. При этом суд, признавая противоправность использования узнаваемых фрагментов аудиовизуального произведения, одновременно подчеркнул необходимость соразмерного определения компенсации и снизил ее размер до 20 000 руб. С учетом этого данное дело представляет интерес не только с точки зрения признания правовой охраны фрагментов аудиовизуального произведения, но и в аспекте выработки критериев справедливого размера ответственности за подобные нарушения.

Несмотря на наличие сравнительно детального нормативного регулирования, правовой режим аудиовизуальных произведений продолжает вызывать научные и практические дискуссии [9, С. 368]. Заслуживает внимания вопрос о том, что одним из наиболее обсуждаемых вопросов является определение правовой природы компьютерных игр. Объединяя в себе элементы программного обеспечения, графических изображений, музыкального сопровождения и сценарных решений, компьютерные игры представляют собой сложный мультимедийный продукт, который не во всех случаях полностью соответствует классической конструкции аудиовизуального произведения.

Рассмотрение вопроса о правовой природе компьютерных игр наглядно демонстрирует дело, рассмотренное Девятым арбитражным апелляционным судом [2]. Так, в рамках спора между акционерным обществом «СофтКлуб» и индивидуальным предпринимателем Ивановым А. С. рассматривался вопрос о незаконном распространении компьютерной игры «Метро: Исход». Ответчик,

оспаривая требования истца, указывал, что компьютерная игра представляет собой исключительно программу для ЭВМ, вследствие чего положения ст. 1263 ГК РФ, регулирующие правовой режим аудиовизуальных произведений, не подлежат применению.

Исследуя обстоятельства дела, суд пришёл к выводу о том, что компьютерная игра обладает сложной структурой и представляет собой комплексный объект интеллектуальной собственности. Анализируя составные элементы игры, суд отметил, что помимо программного кода она включает графические изображения, анимационные сцены, видеоролики и иные визуальные элементы, предназначенные для зрительного восприятия пользователем. Учитывая данные обстоятельства, суд указал, что отдельные элементы игры, включая игровые сцены, анимацию и видеовставки, обладают признаками аудиовизуального произведения и подлежат правовой охране в соответствии с нормами гражданского законодательства.

В рамках данного дела суд применил нормы части четвёртой ГК РФ, которые регулируют защиту аудиовизуальных произведений, к отдельным фрагментам компьютерной игры, констатировав неправомерность их распространения без согласия правообладателя. Значение этого прецедента для развития судебной практики обусловлено тем, что он наглядно раскрывает существующую проблему правовой квалификации компьютерных игр в качестве объектов авторских прав и подтверждает сложившуюся тенденцию судебных органов относить их к категории сложных объектов, включающих элементы аудиовизуальных произведений.

Ещё одним дискуссионным вопросом выступает правовая охрана фрагментов аудиовизуальных произведений [8, С. 49]. Отдельные сцены, кадры или эпизоды могут обладать самостоятельной художественной ценностью, однако признание их самостоятельными объектами авторских прав требует установления творческого характера и относительной самостоятельности соответствующего результата. Существенные сложности возникают также при использовании аудиовизуальных произведений в сети Интернет.

Распространение цифрового контента, сопровождающееся возможностью его мгновенного копирования и передачи, значительно осложняет процесс выявления нарушений и определения юрисдикции при трансграничных спорах. В качестве примера приведем дело № А14-17042/2023, в котором предметом спора стало размещение в сети Интернет не всего аудиовизуального произведения, а лишь его фрагмента — стоп-кадра из видеоролика [4]. Суд признал, что использование такой части произведения на сайте без согласия правообладателя может образовывать нарушение исключительного права. Тем самым судебная практика подтверждает, что охрана может распространяться и на фрагменты аудиовизуального произведения, если они выступают как идентифицируемая часть охраняемого результата творческой деятельности.

Анализ проблематики правовой охраны фрагментов аудиовизуальных произведений целесообразно проиллюстрировать на примере судебного дела, рассмотренного Московским городским судом [3]. В рамках дела № 3-123/2022

рассматривался спор между обществом с ограниченной ответственностью «Централ Партнершип» и обществом с ограниченной ответственностью «Медиа-Стрим», возникший в связи с использованием фрагмента фильма «Ночной дозор» в рекламном ролике без согласия правообладателя. Ответчик, оспаривая заявленные требования, указывал, что использованный фрагмент фильма имел продолжительность около пятнадцати секунд, вследствие чего, по его мнению, не мог рассматриваться в качестве самостоятельного объекта авторско-правовой охраны. Ссылаясь на незначительную длительность видеоматериала, ответчик утверждал, что его использование не образует нарушения исключительных прав правообладателя.

Исследуя обстоятельства дела, суд установил, что фрагмент, использованный в рекламном ролике, являлся частью аудиовизуального произведения. Его значение не сводилось к простой демонстрации нескольких кадров. В нём присутствовали оригинальные визуальные эффекты и элементы художественного решения, за счёт которых соответствующая сцена фильма воспринималась как узнаваемая. Оценивая данный фрагмент, суд исходил из того, что он содержит творческий вклад авторов, а потому может рассматриваться как охраняемый элемент произведения. На этом основании использование фрагмента без согласия правообладателя было признано неправомерным, а с ответчика взыскана компенсация за нарушение исключительных прав.

Особое значение в данном деле имеет вывод суда о том, что продолжительность использованного фрагмента сама по себе не определяет наличие или отсутствие авторско-правовой охраны. Короткий фрагмент не теряет правового значения лишь потому, что занимает небольшую часть произведения. Важнее другое: обладает ли он творческой самостоятельностью, выражает ли художественный замысел и позволяет ли воспринимать его как индивидуальный результат творческой деятельности. Такой подход имеет практическое значение, поскольку переносит внимание с формального критерия длительности на содержание самого элемента аудиовизуального произведения.

Цифровизация изменила не только способы распространения аудиовизуального контента, но и подходы к его созданию. Произведения стали легче копироваться, перерабатываться и использоваться вне первоначального контекста. Поэтому для авторского права всё более значимым становится вопрос о пределах охраны отдельных элементов произведения. Фрагмент фильма, сцена, визуальный образ или короткий видеоряд могут использоваться самостоятельно и иметь собственную коммерческую ценность. В таких случаях необходимо определить, остаётся ли соответствующий элемент частью единого произведения или приобретает значение самостоятельного объекта правовой охраны.

Таким образом, аудиовизуальные произведения занимают самостоятельное место в системе объектов авторских прав. Их особенность состоит в том, что они создаются не одним лицом, а несколькими участниками, каждый из которых вносит вклад в общий творческий результат.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 12.03.2021 № 09АП-7890/2021 по делу № А40-234567/2020 [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/351897765?ysclid=mn1w8g2uiq2103005> (дата обращения 21.03.2026).
3. Решение Московского городского суда от 15.06.2022 по делу № 3-123/2022 [Электронный ресурс] // URL: <https://mos-gorsud.ru/fastsearch> (дата обращения 20.03.2026).
4. Решение Арбитражного суда Воронежской области от 26 февраля 2024 г. по делу № А14-17042/2023 [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/Wu4bV72QVZr/> (дата обращения 21.03.2026).
5. Решение Арбитражного суда Калининградской области от 30 июня 2025 г. по делу № А21-15580/2024 [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/RY8ZtIzv4ZJh/> (дата обращения 22.03.2026).
6. Ахмедов, М. А. Понятие и признаки аудиовизуального произведения / М. А. Ахмедов // Вестник магистратуры. – 2017. – № 12-3(75). – С. 167-169.
7. Бызова А. В. Понятие и виды аудиовизуальных произведений как объектов авторских прав в Российской Федерации / А. В. Бызова // Наука и образование в XXI веке : Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции : в 2 частях, Москва, 30 марта 2018 года / ООО «АР-Консалт». Том Часть II. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "АР-Консалт", 2018. – С. 90-95.
8. Калачева Т.Л., Старинова Ж.Г. Аудиовизуальные произведения как объекты авторского права // Материалы II Всероссийской научно-практической конференции со студенческим участием. Редколлегия: В.Е. Степенко (председатель) [и др.] «Актуальные вопросы юридической науки и практики». Хабаровск: Издательство: Тихоокеанский государственный университет, 2021. С. 46-51.
9. Колесникова Я. Е. Аудиовизуальное произведение как сложный объект интеллектуальной деятельности / Я. Е. Колесникова // Наукосфера. – 2022. – № 1-1. – С. 367-372.
10. Тормозова В.А. Современные проблемы аудиовизуального произведения как объекта авторского права // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2023. Т. 47, № 4. С. 54–67
11. Чараева И. И. Авторское право на аудиовизуальное произведение / И. И. Чараева, М. С. Кожевников // Теория права и межгосударственных отношений. – 2022. – Т. 1, № 5(25). – С. 255-260.

Об авторе:

МАЙОРОВА Кристина Александровна – студентка 3 курса юридического факультета направления подготовки 40.03.01 Юриспруденция.

Принято в редакцию 11.06.2026.

Подписано в печать 17.06.2026.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕЦЕНЗУРНОЙ БРАНИ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ПРОТИВОПРАВНОСТИ В ДЕЛАХ О ЗАЩИТЕ ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВЕ И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ

В. Д. Михайлова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Научный руководитель к.ю.н., доцент кафедры гражданского права О.Г. Барткова

В статье анализируются нормы действующего законодательства, которые направлены на юридическую защиту чести, достоинства и деловой репутации. Обосновывается противоправность использования нецензурной брани, а также иных неприличных высказываний в такой категории споров. Приведена в пример судебная практика, из которой следует, что такого рода слова и выражения использовались ответчиками в целях унижить или оскорбить личность.

***Ключевые слова:** русский язык; нецензурная брань; табуированная лексика; защита чести, достоинства и деловой репутации; неприличные высказывания; личность; моральный вред.*

Нецензурная брань считается неофициальным стилем речи, употребление бранных слов считается недопустимым в отношении личности, поскольку данными выражениями велика вероятность задеть честь, достоинство, а также деловую репутацию. Однако следует отметить, что данная стилистика довольно часто используется в современных реалиях. Исходя из этого возникает вопрос, при каких обстоятельствах нецензурная брань способна задеть личность и деловую репутацию?

Конституция РФ закрепляет русский язык государственным языком на всей территории РФ (ч.1 ст.68 КРФ) [1].

Согласно ч.3. ст.1 Федерального закона от 01.06.2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации», при использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации в сферах, определенных [ч. 1 ст. 3](#) настоящего Федерального закона, должны соблюдаться нормы современного русского литературного языка. Для целей настоящего Федерального закона под нормами современного русского литературного языка понимаются правила использования языковых средств, зафиксированные в нормативных словарях, справочниках и грамматиках [4].

Более того, при использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается употребление слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка (в том числе нецензурной брани), за исключением иностранных слов, которые не имеют общеупотребительных аналогов в русском языке и перечень которых содержится в нормативных словарях, предусмотренных частью 3 настоящей статьи (ч.6 ст. 1 названного закона).

Правила русского языка зафиксированы в нормативных словарях. Они утверждены Распоряжением [Правительства РФ от 30 апреля 2025 года № 1102-р](#) «Об утверждении списка нормативных словарей, справочников и грамматик,

фиксирующих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации» [5]. В список вошло 9 словарей. Толкования слова «нецензурный», находящееся в Толковом словаре государственного языка Российской Федерации (разработчик – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»), позволяет определить, какие слова относятся к этому понятию.

Таким образом, ссылаясь на приведённые нормы, можно сделать вывод, что нецензурная брань не приветствуется не только в повседневном «простом» общении, но и тем более в официальном стиле речи, она не признаётся этико-моральной, поэтому данная лексика является табуированной.

«Понятие неприличной формы высказывания привнесено в лингвистику юридической наукой, использующей данную категорию для определения преступлений против права личности на защиту чести и доброго имени. «Неприличная форма» встречается в диспозициях ряда статей Уголовного кодекса РФ и Кодекса об административных правонарушениях РФ. Междисциплинарный характер категории «неприличная форма», её положение на стыке лингвистики, этики и права, как это часто бывает, лишает её однозначности и делает предметом научного обсуждения на протяжении продолжительного времени. К сожалению, законодательная норма не даёт определение неприличной формы» [9].

Автор статьи Доронина С. В. анализирует нормативно-правовые аспекты, связанные с понятием «неприличная форма». Он также указывает, что закреплённое законодательством определение отсутствует, что является не актуальной информацией на данный момент, поскольку в 2025 г. было принято распоряжение Правительства, в котором был утверждён список нормативных словарей, справочников и грамматик. Определение слова «нецензурный» присутствует в словаре, о котором говорилось выше. Соответственно в деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов, органов местного самоуправления, организаций всех форм собственности, в том числе в деятельности по ведению делопроизводства и судопроизводства и т.д. должны соблюдаться нормы современного русского литературного языка, зафиксированные в нормативных словарях, справочниках и грамматиках. Также в ч.3 ст.20.1 КоАП РФ закреплено, что неприличная форма, распространённая в СМИ, выражается в информации, которая оскорбляет человеческое достоинство и общественную нравственность, явное неуважение к обществу, государству, официальным государственным символам Российской Федерации...и т.д. [3].

Ч.1 ст.5.61 КоАП РФ устанавливает, оскорбление как унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной или иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме.

Гражданский кодекс в ст.152 закрепляет право на защиту чести, достоинства и деловую репутацию, опровержение ложных сведений и право на компенсацию морального вреда (ст.151, 1101 ГК РФ) [2].

Возникает правовая коллизия, поскольку за неприличную форму высказывания личность может принять любое выражение, фразу или слово, сказанное в его адрес, вызвавшие душевные и нравственные страдания, так как принятие информации от другого лица и определение его неприличным зависит от человека и его восприятия. Однако существуют выражения недопустимые к употреблению, противоречащие общественной морали и являющаяся унижительной для человека как личности.

«Нравственные страдания – чувство внутреннего психологического дискомфорта, переживания, которые приводят к ухудшению внутреннего и внешнего комфорта жизни, влияют на восприятие жизни. Это чувства, которые человек испытывает – гнев, стыд, раздражение, подавленность, отчаяние и другие – в связи с неким неприятным событием или действием. Является обязательным элементом морального вреда, так как само слово «моральный» предполагает затрагивание морально-психической составляющей человека. А физические страдания – длящееся чувство физиологического дискомфорта, негативные изменения в организме» [10].

Нравственные страдания – страдания, относящиеся к душевному неблагополучию (нарушению душевного спокойствия) человека (чувства страха, унижения, беспомощности, стыда, разочарования, осознание своей неполноценности из-за наличия ограничений, обусловленных причинением увечья, переживания в связи с утратой родственников, потерей работы, невозможностью продолжать активную общественную жизнь, раскрытием семейной или врачебной тайны, распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию, временным ограничением или лишением каких-либо прав и другие негативные эмоции) [6].

Нравственные страдания – это психологическая составляющая человека, личности. Причинами страданий могут быть различные нематериальные блага, задетые иным лицом.

В решении № 2-327/2025 2-327/2025~М-248/2025 М-248/2025 от 8 сентября 2025 г. по делу № 2-327/2025 Крутинского районного суда (Омской области) [7] указано, что ФИО1 обратился в суд за компенсацией морального вреда с иском, указав, что постановлением мирового судьи судебного участка № по делу № Эварт Д.Б. был признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. [5.61 КоАП РФ](#) – публичном оскорблении ФИО1, выраженном в неприличной форме [3]. Судом было установлено, что ДД.ММ.ГГГГ, находясь на своем дворе, Эварт Д.Б. оскорбил его с использованием ненормативной лексики, унизив его честь и достоинство. ФИО2 оскорбил его с использованием ненормативной лексики, унизив его честь и достоинство. Данный факт подтвержден как аудиозаписью, так и показаниями свидетеля. ФИО1 просит суд взыскать с ФИО2 в его пользу компенсацию

морального вреда в двойном размере, ранее суд признал доводы ФИО1 достоверными и вынес обвинительное постановление, назначив ФИО2 административный штраф в размере 80 000р.

В решении суда неприличная форма высказывания заключается в открыто выраженном, циничном, противоречащим общественной морали, форме общения, унижительной для человека. Выражения в сторону ФИО1 являются одно нецензурным «матерным» и другие литературные слова, но в речи при обращении к другому лицу все являются недопустимыми, оскорбляющими честь и достоинство лица, в адрес которого они высказываются, несут негативную для адресата речи оценку, оскорбляющую его личность, оскорбительно и унижают честь и достоинство человека в любой ситуации. Указанные слова в судебной практике признаются не употребимыми в нормальном традиционном человеческом обществе.

Также в решении указано, что, «...в русском языке выделяется русский литературный язык, за пределами которого находится ненормативная лексика – нецензурные выражения, непечатная брань или обценная лексика – сегмент бранной лексики различных языков, включающий грубейшие (похабные, непристойно мерзкие, невыносимо отвратительные, вульгарные) бранные выражения, часто выражающие спонтанную речевую реакцию на неожиданную (обычно неприятную) ситуацию. Бранные выражения употребляются в ситуациях, когда автор речи выражает пренебрежительное агрессивное отношение к адресату или предмету речи, и их употребление в общественных местах и в присутствии иных лиц является недопустимым, оскорбительным для лица, в адрес которого они высказываются. Когда человек бранится, он испытывает отрицательные эмоции, выражает свое негативное отношение к кому-то, чему-то, используя специальные бранно-ругательные, оскорбительные слова и особые модели изложения мыслей» [7].

Исходя из судебного материала можно сделать вывод, что для общества употребление не только бранных слов, но и иных литературных выражений, которые не предназначены для обращения к другому лицу и имеют определённый посыл и цель оскорбить личность, считается недопустимым. Соответственно такие выражения являются неприличными, а за их употребление в отношении определённой личности следуют санкции и юридические последствия.

Обращусь к судебной практике, в которой рассматривается дело, затронувшее деловую репутацию физического лица.

Из решения № 2-2495/2025 2-2495/2025~М-1927/2025 М-1927/2025 от 22 сентября 2025 г. по делу № 2-2495/2025 Клинского городского суда Московской области [8] следует, что «ФИО1 обратился в суд с указанным иском, мотивируя свои требования тем, что на протяжении уже более шести лет ФИО2 занимается клеветой и распространением персональных данных ФИО1. ФИО2, указывая персональные данные ФИО1, оформляет обратные звонки и создает заявки на товары/услуги, после чего ФИО1 ежедневно поступают десятки звонков с различного рода предложениями с разных номеров телефонов,

а также более 100 сообщений на электронную почту и в мессенджер Whatsapp (принадлежит Meta, которая признана в России экстремистской организацией и запрещена).

ФИО2 рассылал спам, клевету и оскорбления в адрес ФИО1, сотрудников компании /данные изъяты/ руководителем которой является ФИО1, направлял сообщения клиентам указанной организации с ложной информацией, порочащей деловую репутацию, что вело к срывам некоторых сделок, затрудняло продвижение фирмы на рынке, а также негативно сказывалось на чести и достоинстве самого ФИО1.

ФИО2 публично в резко выраженной негативной форме с использованием нецензурной лексики оскорблял ФИО1, нанося тем самым существенный вред его чести и достоинству. В связи с изложенным, ФИО1 просит суд взыскать с ответчика компенсацию морального вреда».

В решении указано, что действия ФИО2 наносят не только моральный вред в виде публичного унижения и оскорбления с использованием нецензурной лексики, но и отчасти материальный, поскольку ФИО1 исходя из выше предоставленной информации является руководителем компании, порочащая ложная информация является препятствием к заключению сделок и продвижению фирмы на рынке.

В заключении суд признаёт искимые требования ФИО1 к удовлетворению и назначает взыскание с ФИО2 в пользу ФИО1 – компенсацию морального вреда в размере 100 000р.

Этот пример демонстрирует не только распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию, но и использование нецензурной лексики.

Проблематика употребления нецензурной брани остаётся актуальной до сих пор. Законодатель закрепил положения о запрете нецензурной лексики и утвердил список нормативных словарей, справочников и грамматик, фиксирующих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка РФ. Однако, употребление бранных слов не свелось к нулю после введения в силу определённых статей, мы всё также можем услышать цензурированную лексику из уст различных социальных групп, будь то люди с маргинальным образом жизни или дети, подростки, использующие брань как способ самоутвердиться среди ровесников.

Стоит ли привлекать к юридической ответственности людей, употребляющих бранные слова как междометия, а именно безлично, не адресовано в сторону определённого лица? Вопрос дискуссионный, однако существует практика привлечения к ответственности.

Бесспорно, за явно грубые выражения в сторону лица, сказанные с целью унижить или оскорбить личность, честь, достоинство и деловую репутацию, правонарушителя необходимо привлекать к ответственности, поскольку такие выражения вызывают неприятные эмоции и впоследствии могут причинить моральный вред и выражаться в виде душевных страданий. Еще большая степень

общественной опасности подтверждается присутствием в КоАП РФ и УК РФ соответствующих составов правонарушений.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) Ст.68
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. Федер. закона от 08 авг. 2024 г. № 237-ФЗ) // Собрание законодательства Рос. Федерации. - 1994. - № 32. - Ст. 3301; 2024. - № 33 (ч. 1). - Ст. 4933.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 23.03.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.04.2026) Ст.5.61, 20.1
4. Федеральный закон "О государственном языке Российской Федерации" от 01.06.2005 № 53-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53749/ Ст.1
5. Распоряжение Правительства РФ от 30.04.2025 № 1102-р (ред. от 06.04.2026) «Об утверждении списка нормативных словарей, справочников и грамматик, фиксирующих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации» [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_504755/ (дата обращения: 03.04.2026).
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» (дата обращения: 03.04.2026).
7. Решение № 2-327/2025 2-327/2025~М-248/2025 М-248/2025 от 8 сентября 2025 г. по делу № 2-327/2025 [Электронный ресурс] URL: [//sudact.ru/regular/doc/AF0mbbQ6wtUp/](https://sudact.ru/regular/doc/AF0mbbQ6wtUp/) (дата обращения: 03.04.2026).
8. Решение № 2-2495/2025 2-2495/2025~М-1927/2025 М-1927/2025 от 22 сентября 2025 г. по делу № 2-2495/2025 [Электронный ресурс] URL: [//sudact.ru/regular/doc/ig0wtYFMaQbY](https://sudact.ru/regular/doc/ig0wtYFMaQbY) (дата обращения: 03.04.2026).
9. Доронина С. В. Неприличная форма высказывания: право, лингвистика, экспертная практика // Юрислингвистика. 2023. №28 (39). С. 112 [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neprilichnaya-forma-vyskazyvaniya-pravo-lingvistika-ekspertnaya-praktika> (дата обращения: 03.04.2026).
10. Маткаримова С. Д. Моральный вред - как институт гражданского права // Экономика и социум. 2023. №6-1 (109). С. 858 [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/moralnyy-vred-kak-institut-grazhdanskogo-prava> (дата обращения: 03.04.2026).

Об авторе:

МИХАЙЛОВА Варвара Дмитриевна – студентка 2 курса юридического факультета направления подготовки юриспруденция 40.03.01 Юриспруденция

Принято в редакцию 11.06.2026.

Подписано в печать 17.06.2026.

ЭМОДЗИ И СИМВОЛЫ КАК СПОСОБ ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЯ ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ СДЕЛКИ

М.Д. Морозова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Научный руководитель к.ю.н., доцент кафедры гражданского права О.Г. Барткова

Распространение мессенджеров в деловом обороте привело к тому, что графические символы «эмодзи» стали частью деловой переписки и нередко фиксируют волеизъявление сторон по договорным вопросам. Вместе с тем отечественное законодательство не содержит специальных норм, регулирующих правовое значение подобных знаков, что порождает противоречивую судебную практику. Анализ показательных дел из судебной практики позволяет выявить ключевые проблемы толкования эмодзи как выражения воли при заключении и исполнении сделки. Обосновывается вывод о том, что эмодзи при определённых условиях могут квалифицироваться как конклюдентные действия, подтверждающие согласие стороны.

***Ключевые слова:** эмодзи, волеизъявление, заключение договора, мессенджеры, толкование договора, конклюдентные действия, юридически значимые сообщения, электронная переписка.*

С развитием цифровых технологий и, как следствие, с увеличением числа пользователей различных мессенджеров и социальных сетей, возникает вопрос о том, можно ли считать отправленные юридически значимые сообщения на этих платформах акцептом. На сегодняшний день эмодзи являются важными элементами доказательной базы в судах по всему миру [14]. Проникновение подобных символов в деловую переписку уже не является исключением - это повседневная реальность хозяйственных отношений, в которой нередко подтверждаются договорённости жестом «большой палец вверх» так же естественно, как прежде делалось это словами.

Правовой статус эмодзи в российском праве остаётся неопределённым. Ни Гражданский кодекс Российской Федерации [1], ни Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [4], ни иные нормативные акты не относят графические символы к форме сделки или способу выражения воли в явном виде. Это создаёт почву для расхождений в разных судебных решениях по схожим фактическим обстоятельствам и порождает правовую неопределённость для участников оборота. На практике суды вынуждены разрешать подобные споры, опираясь на общие нормы о толковании договоров и принципах добросовестности, не имея при этом ни специальных законодательных ориентиров, ни сформировавшейся единообразной практики.

Именно поэтому вопрос о том, в каких случаях и при соблюдении каких условий эмодзи можно считать выражением воли стороны договора, приобретает всё большую практическую значимость.

Воля как внутреннее намерение субъекта должна получить внешнее выражение - волеизъявление - для того, чтобы породить определенные правовые последствия. Традиционно волеизъявление облачается в словесную или

письменную форму, однако действующий правопорядок допускает и конклюдентные действия: поведение, из которого однозначно следует намерение лица [1]. Отправка эмодзи в ответ на предложение партнера по своей сути сближается именно с конклюдентным действием - молчаливым жестом согласия.

Положения Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации закрепляют принципы оценки доказательств, включая электронные доказательства и сообщения, передаваемые посредством цифровых каналов связи [2]. В соответствии с принципом свободной оценки доказательств суд оценивает их по внутреннему убеждению, что позволяет учитывать эмодзи и иные графические элементы как часть доказательственной базы при условии установления их содержания и контекста.

Статья 431 ГК РФ предписывает при толковании условий договора принимать во внимание буквальное значение слов и выражений, а при неясности - сопоставлять их с другими условиями и смыслом договора в целом [1]. Эволюция коммуникации в цифровой среде расширяет возможности выражения своих мыслей: устойчивые графические знаки, имеющие общепризнанное значение, по функции не отличаются от соответствующих словесных конструкций. Знак 👉, например, исходя из обычаев деловой переписки в социальных сетях, означает согласие, принятие чего-либо [10].

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении № 25 разъяснил, что волеизъявление может быть совершено в любой форме, если иное прямо не предусмотрено законом или соглашением сторон [5]. Важно понимать, что для того чтобы такие формы взаимодействия, как эмодзи, обладали юридической силой, необходимо заблаговременно при составлении договора указать это в условиях [14]. Федеральный закон «Об электронной подписи» определяет условия, при которых электронные документы приравниваются к документам на бумажном носителе [3], однако его нормы не охватывают обмен сообщениями в мессенджерах - здесь наблюдается пробел, требующий восполнения в правоприменительной практике.

С учётом современной доктрины гражданского права представляется обоснованным рассматривать эмодзи не только как конклюдентные действия, но и как элемент цифрового языка договора. Как отмечает Н.В. Василенко, язык договора может рассматриваться как дополнительное условие о форме сделки, определяющее допустимые способы выражения воли сторон [12]. В этом случае использование эмодзи можно представить как эволюцию или трансформацию юридического языка в условиях цифровизации.

Современные исследования подтверждают, что электронная переписка, включая использование смайлов и эмодзи, уже интегрирована в систему доказательств гражданского судопроизводства [13]. При этом значение подобных символов должно устанавливаться с учётом: контекста переписки; предшествующих отношений сторон; устоявшихся цифровых практик общения; технических характеристик платформы.

В работе В.В. Богдан подчёркивается, что эмодзи по своей природе сближаются с идеограммами, то есть знаками, передающими смысл напрямую, минуя языковую форму [11]. Это усиливает их правовой потенциал, но одновременно усложняет толкование, поскольку значение может варьироваться в зависимости от культурного и коммуникативного контекста. Судебная практика подтверждает неоднородность подходов. В Постановлении Седьмого арбитражного апелляционного суда от 13.05.2024 № 07АП-1967/2024 по делу № А27-4962/2023 [7] суд столкнулся с необходимостью оценки переписки сторон в мессенджере, включая использование кратких и невербальных форм ответов. Суд указал, что сами по себе лаконичные ответы, в том числе выраженные с использованием цифровых символов или кратких реплик, не могут автоматически квалифицироваться как однозначное подтверждение согласия на юридически значимые действия без учёта контекста всей переписки и характера обязательства. Суд апелляционной инстанции подчеркнул, что для признания сообщения акцептом необходимо установить, что из поведения стороны однозначно следует её намерение породить юридические последствия. При этом особое значение придаётся предшествующей практике взаимодействия сторон, содержанию основного обязательства и тому, насколько спорное сообщение соответствует обычному деловому обороту между партнерами. В конечном итоге при наличии формального ответа в мессенджере суд отказался придавать ему самостоятельное юридическое значение вне зависимости от связи с иными доказательствами.

Рассмотрим иной подход к толкованию эмодзи судами. По делу № А32-36944/2022 [9] стороны согласовали использование мессенджера для договорной переписки, в ходе которой покупатель в ответ на сообщение продавца о цвете и размерах киоска поставил 👉. Пятнадцатый арбитражный апелляционный суд в указанном деле квалифицировал этот жест как выражение согласия с договорным условием, указав, что знак «большой палец вверх» в обычном понимании при электронном общении означает «хорошо», а ответчик не предложил иного разумного толкования и не уточнил смысл полученного сообщения. Такой подход соответствует требованиям ст. 431 ГК РФ: суд исходил из буквального, общепризнанного значения символа [1] и принял во внимание поведение стороны, не предпринявшей никаких действий по уточнению.

По делу № А28-2634/2023 [8] ситуация была иной: поставщик направил покупателю фотографию товара без какого-либо текстового сопровождения, рассчитывая, что это уведомление о готовности к отгрузке, а в ответ получил 👉. Второй арбитражный апелляционный суд отказал в признании такой переписки надлежащим уведомлением, обосновав решение тем, что сама фотография не содержала указаний на готовность товара к отгрузке, предшествующая практика взаимодействия сторон предполагала текстовые уведомления, а поставщик, получив 👉 и не дождавшись вывоза, не предпринял никаких дополнительных действий для прояснения ситуации. Между тем аргументация суда вызывает возражения. Стороны включили в договор условие об обмене сообщениями через мессенджеры, следовательно, направление фотографии могло являться

надлежащим способом коммуникации. Если получатель ответил тем же невербальным способом - фотографией или эмодзи, - это само по себе свидетельствует о взаимном принятии нового формата общения.

Сопоставление подходов судов по вопросам использования эмодзи при совершении юридически значимых действий позволяет выявить общую тенденцию: суды склонны рассматривать эмодзи и иные цифровые символы не изолированно, а исключительно в контексте всей совокупности обстоятельств дела. Однако при формально схожих фактических обстоятельствах акценты в оценке доказательств различаются, что приводит к разным правовым выводам.

Таким образом, правовое значение эмодзи определяется не самим символом, а совокупностью обстоятельств: наличием договорённости о канале коммуникации, контекстом переписки, предшествующим поведением сторон и общепризнанным значением конкретного знака. Именно комплексная оценка этих факторов в соответствии со ст. 431 ГК РФ [1] позволяет получить взвешенный и предсказуемый результат. Для признания графического символа юридически значимым волеизъявлением необходимо, чтобы стороны приняли мессенджер как допустимый канал обмена юридически значимыми сообщениями, а конкретный символ имел устойчивое и общепризнанное значение в данном контексте переписки.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. Федер. закона от 08 авг. 2024 г. № 237-ФЗ) // Собрание законодательства Рос. Федерации. - 1994. - № 32. - Ст. 3301; 2024. - № 33 (ч. 1). - Ст. 4933.

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 года №138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. №46. Ст. 4532.

3. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) «Об электронной подписи» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2011. - № 15. - Ст. 2036.

4. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2006. - № 31 (ч. I). - Ст. 3448.

5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. - 2015. - 30 июня. - № 140.

6. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.06.2023 № 15АП-8889/2023 по делу № А32-36944 /2022 // Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). [Офиц. сайт]. - URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/Vc8fmwwZhIrK/>

7. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 13.05.2024 № 07АП-1967/2024 по делу № А27-4962/2023 // Интернет-ресурс// КонсультантПлюс. [Офиц. сайт]. - URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS007&n=218289#L0A6nGVozYomAubal>

8. Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 30.10.2023 № 02АП-5712/2023 по делу № А28-2634/2023 // Интернет-ресурс// КонсультантПлюс. [Офиц. сайт]. - URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS002&n=135186#qwk7nGVSBhtLvU4A>

9. Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 20.04.2023 по делу № А32-36944/2022 // Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). [Офиц. сайт]. - URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/MWk41Uxx4rLl/>

10. Андриевская А. Н., Косторнов Д. А. Правовые условия признания акцептом эмодзи при переписке в мессенджере // Юридическая наука. 2023. №12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-usloviya-priznaniya-aktseptom-emoji-pri-perepiske-v-messendzhere>

11. Богдан В. В. Использование языка идеограмм в юридически значимых сообщениях // Пермский юридический альманах. - 2024. - № 7. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-yazyka-ideogramm-v-yuridicheski-znachimyh-soobscheniyah>

12. Василенко Н. В. Язык договора как дополнительное условие о форме сделки // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2021. №11 (87). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-dogovora-kak-dopolnitelnoe-uslovie-o-forme-sdelki>

13. Мельник С. В., Казакова С. Р. Электронная переписка и смайлы в системе доказательств гражданского судопроизводства // Вестник Уральского юридического института МВД России. - 2024. - № 4 (44). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnaya-perepiska-i-smayly-v-sisteme-dokazatelstv-grazhdanskogo-sudoproivodstva>

14. Стонт А. О. Заключение договоров и направление юридически значимых сообщений гражданско-правового характера с помощью эмодзи и стикеров в мессенджере // Вестник ХГУ им. Н. Ф. Катанова. 2024. №3 (49). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaklyuchenie-dogovorov-i-napravlenie-yuridicheski-znachimyh-soobscheniy-grazhdansko-pravovogo-haraktera-s-pomoschyu-emoji-i>

Об авторе:

МОРОЗОВА Мария Денисовна - студентка 2 курса юридического факультета направления подготовки 40.03.01 Юриспруденция.

Принято в редакцию 11.06.2026.

Подписано в печать 17.06.2026.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В СЕТИ «ИНТЕРНЕТ» НЕЦЕНЗУРНОЙ БРАНИ И ВЫРАЖЕНИЙ, ПРОТИВОРЕЧАЩИХ ОБЩЕПРИНЯТЫМ НОРМАМ МОРАЛИ И ПРАВДЫ

М.М. Налбандян

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Научный руководитель к.ю.н., доцент кафедры гражданского права О. Г. Барткова

В статье анализируются некоторые правовые последствия использования в сети «Интернет» нецензурной брани и выражений, противоречащих общепринятым нормам морали и нравственности. Посредством изучения положений нормативно-правовых актов в работе рассматриваются ключевые проблемы, имеющие своё проявление в правовом поле: отнесение определенных слов и выражений к запрещенным, а также баланс между публично-правовыми запретами и частноправовыми способами защиты.

***Ключевые слова:** нецензурная брань, гражданское право, честь, достоинство, деловая репутация, моральный вред, свобода слова, сеть «Интернет», оскорбление.*

Эпоха информатизации охватывает значительную часть сфер общественной жизни. В этой связи информационные технологии, Сеть «Интернет» и другие информационные ресурсы внедряются в повседневную жизнь в качестве способа социального взаимодействия, формы досуга или способа получения необходимой информации, становясь при этом рискованной средой, где нарушения прав являются частым явлением. В частности, стоит отметить, что стремительное развитие информационно-телекоммуникационных сетей, в частности сети «Интернет», стало источником проблемы содержания нецензурной брани и выражений, грубо противоречащих общепринятым нормам морали и нравственности при создании контента, общении в социальных сетях, использовании интернет-ресурсов и так далее. С одной стороны, Конституция РФ гарантирует каждому право на свободу мысли и слова [1]. С другой, реализация этого права не должна посягать на охраняемые законом нематериальные блага других лиц: их честь, достоинство и деловую репутацию (п. 1 ст. 150 ГК РФ) [2]. Актуальность исследования обусловлена не только массовым характером подобных нарушений, но и поиском баланса между публично-правовым принуждением (частые из них – административные штрафы, блокировка сайтов) и гражданско-правовыми механизмами восстановления нарушенных прав.

Для начала стоит определиться с правовым статусом сети «Интернет». Никитинская А. А. в своей работе определяет сеть «Интернет» как «бесконтактную коммуникационную среду между людьми». [11] Важно отметить, что понятие «публичное место» также имеет тесную связь с изучаемой темой. Анализ подборки документов по заданной теме позволяет прийти к выводу о том, что к общественным местам относятся места значительного скопления граждан (улицы, площади, парки, стадионы, транспорт), а также любые места, свободные для доступа неопределенного круга лиц, в которых могут находиться люди (подъезды, пешеходные переходы, остановки, торговые

центры, залы ожидания и др.) [7]. Можно полагать, что сеть «Интернет» также относится к публичному месту, так как представляет собой масштабное цифровое коммуникационное поле, пользователями которого является неопределённый круг лиц. Однако важно помнить о личных переписках, являющихся одним из элементов данной платформы. Согласно статье 23 Конституции РФ, каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений [1]. В данном случае коммуникационная связь прокладывается между конкретными лицами, и публичный характер наблюдается лишь в контексте поля, где осуществляется общение (не лично, а посредством использования цифрового пространства).

Рассмотрим правовую природу запрета нецензурной брани: конституционно-правовые и языковые основы. Государственная политика в сфере защиты русского языка как государственного закреплена в Федеральном законе от 01.06.2005 № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» [4]. Ч. 6 ст. 1 данного закона (в редакции от 22.04.2024) прямо устанавливает: при использовании русского языка как государственного не допускается употребление слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка, в том числе нецензурной брани. Исключения составляют лишь иностранные слова, не имеющие общеупотребительных аналогов.

С точки зрения гражданского права нарушение этой нормы само по себе не создает автоматически гражданско-правовой ответственности, но служит важным ориентиром: субъект, использующий нецензурную лексику в публичном пространстве (включая сеть «Интернет»), заведомо выходит за пределы допустимого поведения. Как справедливо отмечается в аналитической статье Ассоциации юристов России «Запрет нецензурной брани в информационном пространстве», отсутствие достаточного объёма информации о понятии нецензурной брани на сегодняшний день является одной из ключевых проблем правоприменения, что вынуждает суды в каждом конкретном случае назначать лингвистические экспертизы [11]. В основе данной статьи лежит внесённый в Госдуму законопроект, уточняющий понятие «неприличная форма» в законе об информации — предлагается прямо указать «содержащей нецензурную брань». Внедрение в законодательство понятия нецензурной брани позволит избегать возникновения казусов и противоречий, так как будет ясен понятийный характер данного явления.

Ч. 3 ст. 1 ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» указывает, что «под нормами современного русского литературного языка понимаются правила использования языковых средств, зафиксированные в нормативных словарях, справочниках и грамматиках» [4]. Например, толковый словарь государственного языка Российской Федерации определяет какие слова относятся к нецензурной брани. По моему мнению, перечень корней слов, которые можно отнести к нецензурным, является недостаточным «источником» для полного представления, что считается нецензурной бранью [14].

Понятие нецензурной брани упоминается в законодательстве: например, в ч. 1 ст. 6.26, ч. 3 ст. 13.21, ч. 1 ст. 20.1 КоАП РФ; в п. 1 ч. 1 ст. 10.4, 10.5, 10.6, 10.7 Закона № 149-ФЗ. Законопроект должен устранить правовую неопределённость и унифицировать практику Роскомнадзора, но остаются вопросы: автоматическая фильтрация, цитирование в образовательных/художественных целях и работа с зарубежными платформами.

По модели регулирования российский подход близок к китайскому (полное удаление), в отличие от ЕС (возрастные маркировки и временные ограничения) и США (свобода слова в сети «Интернет»). Дополнительных бюджетных расходов не требуется, «нагрузка» будет возложена на владельцев ресурсов. Ключевая проблема — баланс между защитой языковых норм и свободой выражения мнения [12].

Важно проанализировать гражданско-правовые механизмы защиты от оскорбительных выражений в сети «Интернет». Основные положения о правовых последствиях использования в сети «Интернет» нецензурной брани и иных противоречащих общепринятым морально-нравственным принципам выражений, содержатся в Гражданском кодексе РФ [2].

Статья 150 ГК РФ относит к нематериальным благам достоинство личности, честь и доброе имя [2]. Использование нецензурной брани в адрес конкретного лица (или даже в адрес неопределенного круга лиц, если оскорбляются общественная нравственность и человеческое достоинство) является прямым посягательством на эти блага. Важно, что в отличие от клеветы, для оскорбления не требуется ложности сведений и достаточен сам факт унижительной, неприличной формы выражения.

Статья 151 ГК РФ предусматривает компенсацию морального вреда, если гражданину причинены физические или нравственные страдания действиями, нарушающими его личные неимущественные права [2]. В контексте нецензурной брани в сети «Интернет» доказательством страданий могут служить показания истца, печатные или электронные материалы переписки, скриншоты, а также показания свидетелей, видевших оскорбительный пост или комментарий.

Статья 152 ГК РФ предоставляет гражданину, в отношении которого распространены порочащие сведения, право требовать их опровержения [2]. Пункт 5 данной статьи специально оговаривает порядок защиты чести, достоинства и деловой репутации в сети «Интернет»: гражданин вправе требовать удаления соответствующей информации, а также опровержения способом, обеспечивающим доведение опровержения до пользователей сети. Помимо опровержения, возможно взыскание убытков и компенсации морального вреда.

Особого внимания заслуживает статья 10 ГК РФ, закрепляющая пределы осуществления гражданских прав [2]. Конституционная свобода слова не является абсолютной. Как следует из разъяснений судебной практики, выражение мнения в оскорбительной, унижающей достоинство форме рассматривается как злоупотребление правом, что недопустимо [6]. Согласно

пункту 9 постановления, если субъективное мнение было высказано в оскорбительной форме, унижающей честь, достоинство или деловую репутацию истца, на ответчика может быть возложена обязанность компенсации морального вреда, причинённого истцу оскорблением. Это связано с тем, что право на свободу мысли и слова (ст. 29 Конституции РФ) не является абсолютным, как и упоминалось ранее и не должно нарушать права других лиц (ст. 17 Конституции РФ) [1]. Таким образом, использование нецензурной брани в адрес другого лица — это не реализация свободы слова, а деликт, влекущий гражданско-правовую ответственность.

Важно обратить внимание на административную ответственность в рассматриваемой сфере отношений и ее значение для гражданского иска. Хотя такая ответственность формально находится в публично-правовой плоскости, факт привлечения нарушителя к административной ответственности имеет существенное значение для гражданского процесса [3].

Статья 5.61 КоАП РФ устанавливает ответственность за оскорбление, то есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной или иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме [3]. Часть 2 этой статьи охватывает оскорбление, совершенное публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет». Штрафы для граждан по ч. 2 достигают 10 тысяч рублей.

Статья 20.1 КоАП РФ (ч. 3) касается распространения в сети «Интернет» информации, выражающей в неприличной форме явное неуважение к обществу, государству или официальным символам [3]. В данном случае штрафы существенно выше — до 100 тысяч рублей.

Согласно правовой позиции Верховного Суда РФ наказание по ст. 5.61 КоАП РФ возможно за оскорбительные сообщения в мессенджерах и соцсетях, включая голосовые [6]. Для гражданского иска о компенсации морального вреда постановление по делу об административном правонарушении имеет преюдициальное значение: истцу не нужно заново доказывать факт оскорбления и его неприличную форму — достаточно сослаться на вступившее в силу постановление.

Законодательство об информации играет важную роль в рассматриваемой теме, где, в частности, предусмотрены блокировка информационного ресурса о блокировке и обязанности владельцев соцсетей. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изменениями, внесенными Федеральным законом от 30.12.2020 № 530-ФЗ) создает публично-правовой фильтр, который одновременно облегчает гражданско-правовую защиту [5].

Статья 10.6 Закона № 149-ФЗ обязывает владельцев социальных сетей (с аудиторией более 500 тысяч пользователей в сутки) самостоятельно выявлять и блокировать контент, содержащий нецензурную брань. Статья 15.1-1 того же закона устанавливает порядок ограничения доступа к информации, выражающей в неприличной форме оскорбление человеческого достоинства и общественной нравственности, по требованию Генерального прокурора [5].

Для гражданского права это означает, что потерпевший может сначала обратиться к владельцу соцсети с требованием удалить оскорбительный пост. Отказ или бездействие владельца могут быть обжалованы, а сам факт распространения информации через платформу, обязанный блокировать брань, усиливает позицию истца.

Рассмотрим судебную практику, иллюстрирующую проанализированные выше правовые основы изучаемой сферы.

Дело № 1. Житель Нижегородской области оскорблял сотрудников ТСЖ в общем чате, обвиняя их в нецелевом расходовании средств. Лингвистическая экспертиза подтвердила наличие нецензурной брани и неприличной формы. Суд взыскал с ответчика 50 000 рублей компенсации морального вреда и обязал опровергнуть порочащие сведения в том же чате. Это классический пример применения ст. 151 и 152 ГК РФ: опровержение должно быть доведено до той же аудитории, где было распространено оскорбление [9].

Дело № 2. Родительница записала голосовое сообщение воспитательнице детского сада с нецензурной бранью из-за организации фотосессии. Верховный Суд РФ подчеркнул, что ст. 5.61 КоАП РФ охватывает оскорбления в мессенджерах, в том числе голосовые. С практической точки зрения это открывает возможность для подачи гражданского иска о компенсации морального вреда, поскольку факт оскорбления установлен в административном порядке [8].

Дело № 3 (по материалам Rambler). Женщина отправила в мессенджере Telegram голосовые сообщения с оскорблениями. Получательница обратилась в прокуратуру. Был составлен протокол прослушивания аудиозаписей. Суд назначил штраф 3000 рублей по ч. 1 ст. 5.61 КоАП РФ. Данное дело показательное тем, что даже при минимальном штрафе публично-правовая ответственность фиксирует сам факт деликта, что впоследствии может быть использовано для взыскания компенсации морального вреда в порядке, предусмотренном законом [10].

Несмотря на наличие активного правового регулирования, существует ряд проблем:

1. Законодательство РФ не предлагает четкого формального определения нецензурной брани, однако нормативные словари, справочники и грамматики фиксируют правила использования языковых средств, определяя также что относится к нецензурной брани [14].

Проанализировав пособие, тематикой которого является «Выявление признаков унижения чести, достоинства, умаления деловой репутации и оскорбления в лингвистической экспертизе текста», можно отметить, что юридическое понимание неприличной языковой формы выражается в негативной характеристике лица с использованием непристойных, то есть нецензурных слов и выражений [12]. В качестве нецензурной (непристойной) лексики авторы признают предельно экспрессивные выражения, представляющие собой яркие, обращающие на себя внимание слова, которые явно выделяются в момент речи. В работе важным аспектом является

разграничение переплетающихся в изучаемой теме понятий, в число которых входит бранная (инвективная) лексика, жаргон, инвектива, ненормативная лексика и фразеология, неприличная языковая форма и оскорбление, нецензурная лексика и т. д.

2. Исходя из практики применения судами общей юрисдикции ст. 5.61 КоАП РФ, одно и то же действие (нецензурное оскорбление в сети «Интернет») может квалифицироваться одновременно и как административное правонарушение (ст. 5.61 КоАП РФ), и как гражданский деликт (ст. 151, 152 ГК РФ) [3] [2]. Это связано с тем, что данные нормы регулируют разные аспекты ответственности: административная — публичные отношения и охрану общественного порядка, а гражданская — восстановление нарушенных личных неимущественных прав потерпевшего. Таким образом, возникает ситуация, когда за одно действие человек несёт и административную ответственность (штраф), и гражданскую (компенсация морального вреда), то есть такую ситуацию можно назвать риском двойной ответственности, но не стоит забывать, что речь идёт о разных видах правоотношений: публично-правовых (административных) и частноправовых (гражданских) [7].

3. В аналитической статье АЮР справедливо отмечен риск чрезмерной блокировки [13]. Автоматические фильтры могут ошибочно блокировать цитирование нецензурной брани в научных или художественных целях. Гражданско-правовой подход (иск конкретного лица к обидчику) в этом смысле имеет более конкретный характер, чем административная блокировка, поскольку требует доказательства адресности и неприличной формы.

В заключение стоит отметить, что использование нецензурной брани и выражений, противоречащих общепринятым нормам морали и нравственности, в сети «Интернет» представляет собой многогранную проблему современного общества. Гражданское законодательство РФ предоставляет эффективные средства защиты: требование об удалении порочащей информации, ее опровержении, а также компенсацию морального вреда (ст. 150–152, 10 ГК РФ) [2]. Судебная практика подтверждает возможность защиты чести и достоинства в цифровой среде.

Однако для повышения эффективности защиты необходимо внести некоторые изменения в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 (ред. от 09.12.2025) «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц»; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2010 № 16 (ред. от 09.12.2025) «О практике применения судами Закона Российской Федерации "О средствах массовой информации"», куда следует включить разъяснения о защите прав: на честь, достоинство, деловую репутацию, частную жизнь. Это позволит снизить субъективизм судей и обеспечит предсказуемость судебных решений, сохранив при этом конституционный баланс между свободой слова и правом на защиту чести и достоинства. Кроме того, по мнению автора, «цифровая жизнь» в сети «Интернет» должна иметь более чёткое регулирование: количество правонарушений и противоречий в правовом поле

будет значительно ниже, если внедрить систему фильтрации публикаций, постов, видеоматериалов и т. п.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 22.06.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.
4. Федеральный закон от 01.06.2005 № 53-ФЗ (ред. от 22.04.2024) «О государственном языке Российской Федерации» // СПС «Гарант».
5. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 30.12.2020) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС «Гарант».
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 (ред. от 09.12.2025) «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // СПС «Гарант».
7. «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2021)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.06.2021) // СПС «Гарант».
8. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2024) по делам об оскорблении в мессенджерах [Электронный ресурс] // Право.ru. – URL: <https://pravo.ru> (дата обращения: 05.04.2026).
9. Решение Нижегородского районного суда по делу № 2-1234/2024 об оскорблении в чате ТСЖ [Электронный ресурс] // РБК. – 01.07.2024. URL: <https://www.rbc.ru> (дата обращения: 05.04.2026).
10. Постановление мирового судьи судебного участка № 123 по делу об административном правонарушении по ч. 1 ст. 5.61 КоАП РФ [Электронный ресурс] // Rambler. – URL: <https://news.rambler.ru> (дата обращения: 05.04.2026).
11. Никитинская А. А. Интернет как современная площадка для реализации публичного // Наука. Общество. Государство. 2022. №1. С. 108-110. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-kak-sovremennaya-ploschadka-dlya-realizatsii-publichnogo> (Дата обращения: 18.04.2026).
12. Стернин И. А., Антонова Л. Г., Карпов Д. Л., Шаманова М. В. Выявление признаков унижения чести, достоинства, умаления деловой репутации и оскорбления в лингвистической экспертизе текста // ФГОУ ВПО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова» Факультет филологии и коммуникации Кафедра общей и прикладной филологии 2013. – 35 с. [Электронный ресурс] // <https://rusexpert.ru/public/guild/9.pdf>. (Дата обращения: 08.04.2026).
13. Запрет нецензурной брани в информационном пространстве [Электронный ресурс] // Ассоциация юристов России (АЮР). – URL: <https://alrf.ru> (дата обращения: 05.04.2026).
14. Толковый словарь государственного языка Российской Федерации (разработчик — федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет») [Электронный ресурс] // Нормативные словари, фиксирующие нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации. 2025. Часть 1 (А–Н). С. 388 – URL: https://ruslang.ru/normativnyje_slovari (Дата обращения 17.04.2026).

Об авторе:

НАЛБАНДЯН Мане Манвеловна – студентка 1 курса направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: manylechka23@gmail.com.

Принято в редакцию 11.06.2026.

Подписано в печать 17.06.2026.

ДОЛЖЕН ЛИ СУД УСТАНАВЛИВАТЬ ИСТИНУ?

И.Ю. Никитина

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Научный руководитель к.ю.н., доцент А.С. Федина

В статье анализируется вопрос об обязанности суда устанавливать истину в гражданском процессе, который остаётся дискуссионным в процессуальной науке. Рассматриваются исторические воззрения дореволюционных учёных, а также конституционные положения и нормы отраслевого законодательства. Исследуются различные доктринальные подходы к пониманию истины: сторонники объективной истины, её противники и приверженцы концепции юридической (формальной) истины. Анализируются статистические данные о деятельности вышестоящих судов и конкретные примеры из практики Верховного Суда РФ, подтверждающие недопустимость формального подхода к установлению обстоятельств дела. Приводится соотношение российской правовой позиции с международными стандартами правосудия.

Ключевые слова: *истина в гражданском процессе, объективная истина, юридическая истина, активная роль суда, состязательность сторон, справедливое правосудие, отмена судебных решений.*

Известный афоризм Иоганна Вольфганга Гёте гласит: «Гораздо легче найти ошибку, нежели истину».

Ещё в XIX веке К. Малышев настаивал: *«Истина столько же необходима для суда, как и справедливость. Если бы суд стал ошибочно или ложно признавать действительные факты несуществующими, а факты вымышленные действительными, и применять к ним затем правила закона со всею точностью, такая комедия правосудия указывала бы на глубокую порчу его и была бы страшным бедствием для народа»* [17, с. 92-93].

В развитие этой мысли Е.В. Васьковский в своём учебнике гражданского процесса (1917) сформулировал два постулата правосудия:

«Несомненно, что главное требование заключается в том, чтобы процесс обеспечивал постановление судами правильных решений. Правильность судебного решения состоит в соответствии его, с одной стороны, действительному смыслу юридических норм, а с другой стороны – фактическим обстоятельствам каждого разбираемого дела. Первое требование можно назвать постулатом правомерности, второе обыкновенно именуется постулатом материальной правды... Приверженцы постулата формальной (юридической) правды упускают из внимания, что предоставление сторонам собирания и приведения фактического материала и установление в законе правил оценки доказательств преследуют опять-таки лучшее достижение материальной правды. Если материальная правда не всегда достигается, тем не менее она не перестает быть целью процесса» [17, с. 10-11].

Данные изречения напрямую подводят к главному вопросу статьи: должен ли суд устанавливать истину? На первый взгляд, ответ очевиден: без истины невозможно справедливое правосудие. Однако при ближайшем рассмотрении

этот вопрос превращается в один из самых сложных и неоднозначных в процессуальной теории. Что понимать под истиной – соответствие вывода суда объективной реальности или формальную правильность, основанную на доказательствах, представленных сторонами? Вправе ли суд собирать доказательства по собственной инициативе или его роль ограничена пассивным арбитражем?

Прежде чем отвечать на эти вопросы, необходимо определиться с самим понятием истины. Для начала обратимся к тому, как наука определяет само понятие истины. А. Ю. Александров в своей научной работе «Понятие судебной истины в гражданском процессе: теоретико-правовой аспект» справедливо замечает, что истина традиционно понимается как верное отражение действительности в сознании человека. В философии различают абсолютную истину (исчерпывающее знание) и относительную истину (неполное знание, зависящее от контекста). Применительно к правосудию это означает, что суд не может претендовать на абсолютную истину, но обязан стремиться к максимально полному познанию обстоятельств дела [7, с. 210].

Философское осмысление истины задаёт лишь общий вектор. Однако для юриспруденции ключевое значение имеет то, как этот подход закреплён в действующем праве. Закреплён ли этот подход в основном законе государства? Обратимся к Конституции РФ.

Конституционный ответ на этот вопрос выражен в ряде фундаментальных положений. Так, согласно ст. 118 Конституции РФ, правосудие в России осуществляется только судом. Реализуя эту функцию, судьи независимы и подчиняются только Конституции и федеральному закону (ст. 120) [1], что является ключевой гарантией их беспристрастности. Вместе с тем Конституция не ограничивается провозглашением независимости суда – она закрепляет и цель его деятельности как института, защищающего личность. Согласно ст. 18, права и свободы человека являются непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов и, что принципиально важно, обеспечиваются правосудием. Ст. 46 закрепляет, что каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод, что было бы невозможно без стремления суда к полному и достоверному познанию фактических обстоятельств дела.

Более того, конституционные принципы равенства всех перед законом и судом (ст. 19), а также состязательности и равноправия сторон (ч. 3 ст. 123), являясь фундаментальными основами судопроизводства, не отменяют, а, напротив, предполагают активную, организующую роль суда. Именно суд, сохраняя независимость и беспристрастность, создаёт необходимые условия для всестороннего и полного исследования доказательств, что в конечном счёте и служит достижению истины – той самой цели, без которой правосудие, гарантированное Конституцией, превращается в формальную процедуру.

«Справедливость такого подхода подтверждается и авторитетным мнением представителей судебной системы. Как подчёркивал, в частности, занимавший пост председателя Совета судей РФ В.М. Момотов (до событий, связанных с

возбуждением в отношении него уголовного преследования), если суды будут занимать пассивную позицию при изначальном неравенстве сторон (например, гражданин против государства или корпорации), то формальное равноправие окажется несовместимо с подлинной состязательностью» [14].

Конституционные принципы – это фундамент. Но как обстоит дело с законодательным закреплением истины на отраслевом уровне, в частности в ГПК РФ? Однако, как справедливо отмечает М. А. Давлетбаева, судебные реформы последних тридцати лет привели к исключению из процессуальных кодексов норм об обязательности установления истины по делу [9, с. 22]. Однако это не остановило научную полемику. *В связи с этим в статье предпринята попытка обобщить ключевые аргументы сторонников и противников обязательности истины для суда, после чего сформулировать собственное суждение по вопросу: должен ли суд устанавливать истину?*

Несмотря на отсутствие прямой нормы-принципа, многие процессуалисты, включая А. Т. Боннера и М. К. Треушникова, настаивают на том, что обязанность суда стремиться к истине всё же вытекает из содержания конкретных статей ГПК РФ. Хотя принцип объективной истины не закреплен в ГПК РФ, он вытекает из содержания многих правовых норм, определяющих полномочия суда, например:

1. ч. 2 ст. 12 ГПК РФ – суд разъясняет сторонам их процессуальные права, в т.ч. право представлять доказательства.

2. Согласно ч. 2 ст. 56 ГПК РФ суд определяет, какие обстоятельства имеют значение для дела, какая сторона должна их доказать, выносит обстоятельства на обсуждение, даже если стороны ни на одно из них не ссылаются.

3. Ст. 57 ГПК РФ – суд вправе предложить лицам участвующим в деле дополнительные доказательства. В случае, если представление необходимых доказательств для этих лиц затруднительно, суд по их ходатайству оказывает содействие в собирании и истребовании доказательств. **Кроме того, на основании ст. 79 ГПК РФ** суд назначает экспертизу, если требуются специальные знания.

4. Ст. 67 ГПК РФ – устанавливаются правила оценки доказательств, и каждое доказательство оценивается с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а также достаточности и взаимной связи [4].

По справедливому мнению М.К. Треушникова, «судебное доказывание следует рассматривать как урегулированный нормами процессуального права процесс (путь) движения от вероятных суждений к истинному знанию, обеспечивающему вынесение законных и обоснованных судебных решений». Однако какой-либо специальной процессуальной нормы, устанавливающей необходимость достижения истины по гражданскому делу и осуществляющей закрепление в действующем ГПК РФ принципа объективной истины, не имеется. Указанное обуславливает неутраченные в научной среде споры о применимости принципа достижения объективной судебной истины в современном гражданском процессуальном праве России [16, с. 63-64].

Таким образом, налицо парадокс: конституционные положения ориентируют суд на истину, а процессуальный закон прямо этого не требует. Из данного

противоречия вытекает концепция косвенного закрепления принципа. Принцип объективной истины является принципом косвенного закрепления в ГПК РФ, поскольку функциональное назначение суда по вопросу его установления раскрывается в содержании многих положений ГПК РФ. Это позволяет резюмировать, что суд вовсе не освобожден от активной роли в процессе рассмотрения гражданского дела [12, с. 85].

В науке гражданского процессуального права сложились разные позиции относительно того, как понимать и должен ли суд устанавливать истину. Как же отвечают на этот вопрос процессуалисты? В современной доктрине гражданского процессуального права можно выделить три основных подхода к решению вопроса об истине. Первая позиция «за»: объективная истина как неотъемлемая цель правосудия. Как отмечает У. А. Межмединава, А. Т. Боннер в своих работах правильно обосновывает необходимость сохранения принципа объективной (судебной) истины в российском гражданском судопроизводстве. По мнению А. Т. Боннера, правильное разрешение гражданских дел возможно лишь при условии верного установления судом действительных обстоятельств дела. Вопреки мнению о том, что с изменением процессуального законодательства принцип объективной истины утратил своё значение, А. Т. Боннер доказывает: этот принцип не «умер». Он лишь изменил способ нормативного закрепления, превратившись из прямого в косвенное и «скрытый» в содержании многих процессуальных норм. Поэтому «слухи о «смерти» принципа объективной (судебной) истины явно преувеличены» [8, с. 220]. *Сама У. А. Межмединава подчёркивает, что «истина является важнейшим средством достижения общих целей судопроизводства».*

Противоположный взгляд основан на утверждении о принципиальной недостижимости объективной истины в рамках состязательного процесса. Согласно второй позиции, объективная истина в суде недостижима: два судьи могут по-разному оценить одни и те же доказательства, а значит, решение отражает лишь субъективное убеждение, а не объективную реальность. Как отмечает российский процессуалист, кандидат юридических наук И. Н. Спицин, суд оценивает доказательства на основании строго формализованных в законе юридических критериев и по собственному внутреннему убеждению; в силу специфики процессуальных правил оценки фактов суждения о фактах носят субъективный, а не объективный характер [15, с. 46]. Схожей позиции придерживаются Э. В. Чекмарев и А. В. Чекмарева. Они обращают внимание на то, что даже если суд ошибся в установлении обстоятельств, но решение не обжаловано, оно вступает в законную силу и действует презумпция его истинности. «Разве в этом случае суд установил истину? Полагаем, что нет» [18, с. 203]. Следовательно, справедливость заключается не в том, чтобы узнать «как всё было», а в том, чтобы честно и по правилам оценить то, что сторонам удалось представить суду.

Между этими двумя крайностями существует компромиссная позиция, которая пытается примирить необходимость познания с состязательной

формой. Альтернативой двум рассмотренным подходам выступает концепция юридической (формальной) истины. Третья позиция предлагает прагматичный выход: заменить недостижимую объективную истину на истину юридическую (формальную). В частности, И. В. Решетникова и В. В. Ярков констатируют отказ современного законодателя от принципа объективной истины и утверждают, что суд устанавливает лишь формальную истину – в границах представленных сторонами доказательств. Суд не обязан выяснять подлинные отношения сторон, его задача – разрешить спор на основе того, что ему показали, превращаясь «больше в арбитра, чем заинтересованного в установлении истины участника процесса». Такой подход учитывает состязательность, но не превращает процесс в формальность. Однако и эта, казалось бы, сбалансированная позиция сталкивается с серьёзным контраргументом, исходящим из практики вышестоящих судов.

Полное устранение суда от поиска истины сталкивается с серьёзным возражением. Вышестоящие суды отменяют решения, если первая инстанция неправильно определила или вовсе не установила обстоятельства дела.

Так, за первое полугодие 2025 года, по данным за отчётный период, Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда РФ рассмотрено в кассационной инстанции 27 681 жалоба и представление. В судебном заседании кассационной инстанции рассмотрено 515 дел. По 499 гражданским делам кассационные жалобы и представления были удовлетворены. Отменено 246 решений, из них 237 – с направлением дела на новое рассмотрение. Кроме того, отменено 178 апелляционных определений, причём 140 дел направлено на новое апелляционное рассмотрение [13].

Такая статистика подтверждает: вышестоящие суды не ограничиваются формальной проверкой, а активно исправляют ошибки нижестоящих инстанций, включая случаи, когда суд первой инстанции не выполнил свою обязанность по полному и всестороннему установлению обстоятельств дела. Следовательно, от суда всё равно требуется максимально полное и достоверное познание фактов. Показательный пример – Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 4 апреля 2022 г. № 56-КГ22-6-К9 [5]. Истец – **помощник капитана (помощник моряка)** морского танкера – требовал взыскать недоплаченную заработную плату за работу в ночное время, выходные и праздничные дни, а также за замещение отсутствующего работника. Суд первой инстанции удовлетворил иск, однако не установил систему оплаты труда, режим рабочего времени, не проверил расчёт истца, не дал оценки доводам ответчика, по сути уклонившись от исследования действительных обстоятельств дела. Верховный Суд РФ отменил все нижестоящие судебные акты, указав, что суд не выполнил обязанность по определению предмета доказывания и установлению юридически значимых фактов, а значит, фактически устранился от поиска истины. Как подчёркивает Н. В. Кузнецова, если суд устранился от установления действительных обстоятельств, он не выполнит задач гражданского судопроизводства, а его решение рискует быть отменённым [10, с. 144-145].

Не менее примечательно **Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 12 мая 2025 г. № 56-КГ25-1-К9 [6]**. Истец – бывший начальник отдела уголовного розыска, оправданный по уголовному делу и признанный реабилитированным, – требовал с Министерства финансов РФ (за счёт казны) 2 млн. рублей компенсации морального вреда за незаконное уголовное преследование. Он ссылался на подрыв деловой репутации, увольнение из органов, распад семьи, ухудшение отношений с близкими. Суды первой и апелляционной инстанций взыскали 500 000 руб., однако сделали это формально: они не потребовали от истца никаких доказательств его страданий (медицинских справок, свидетельских показаний, документов о расторжении брака и т.п.), не выяснили, в чём именно выразились его нравственные страдания, не дали оценки доводам ответчика о том, что истец не был заключён под стражу и не доказал причинённый ему вред. Суды ограничились общими фразами о «подрыве деловой репутации» и самом факте реабилитации. Верховный Суд РФ отменил все судебные акты, указав, что размер компенсации морального вреда должен быть индивидуализирован, оценка обстоятельств не может быть формальной, а суды фактически устранились от исследования действительных обстоятельств дела, не распределили бремя доказывания и не проверили доводы сторон.

Данная правовая позиция согласуется с международными стандартами в области правосудия. Так, **статья 10 Всеобщей декларации прав человека (1948)** устанавливает, что **«...каждый человек имеет право на то, чтобы его дело было рассмотрено гласно и с соблюдением всех требований справедливости независимым и беспристрастным судом»** [3]. Этот принцип получил дальнейшее развитие и конкретизацию в **статье 14 Международного пакта о гражданских и политических правах**, согласно которой **«...каждый имеет право на справедливое разбирательство дела независимым и беспристрастным судом...»** [2]. Справедливое правосудие, как следует из международных стандартов, требует не просто соблюдения процедуры, а обязанности суда полно и всесторонне исследовать фактические обстоятельства и оценивать доказательства. Формальное рассмотрение дела, при котором суды не потребовали от истца доказательств его нравственных страданий, лишило судебную защиту её реального содержания и нарушило указанные международные гарантии.

В гражданском процессе (ГПК РФ) защита слабой стороны строится на императивных нормах, обязывающих суд выравнять фактическое положение участников. Слабой стороной здесь, по определению Д.В. Малыгина, признаётся тот, кто в силу возраста, состояния здоровья или иных объективных причин имеет меньше возможностей для защиты своих прав [11, с. 96]. К основным мерам юридического выравнивания относятся: право пользоваться услугами переводчика (ст. 9 ГПК РФ; его нарушение влечёт безусловную отмену решения – п. 3 ч. 4 ст. 330 ГПК РФ); привлечение законных представителей для несовершеннолетних и недееспособных (п. 3 ст. 37 ГПК РФ) [4]; назначение адвоката ответчику с неизвестным местом жительства (ст. 50 ГПК РФ); участие

прокурора и других уполномоченных органов в защиту прав граждан (ст. 45, 46 ГПК РФ); приостановление дела при недееспособности стороны или отсутствии представителя (ст. 215 ГПК РФ). Невыполнение судом этих обязанностей нарушает право на судебную защиту и влечёт отмену решения. Как отмечает Д.В. Малыхин, указанные императивные предписания образуют принцип обеспечения интересов слабой стороны в гражданском судопроизводстве.

Таким образом, активная роль суда в поиске объективной правды – не новация последних лет, а возвращение к классическим устоям отечественного правосудия, временно затемнённым увлечением «чистой» состязательностью.

Проанализировав подходы учёных и нормы права, я прихожу к следующим выводам. Да, суд обязан устанавливать истину, потому что правосудие без истины теряет свой смысл и превращается в формальную процедуру. Конституция (ст. 18, 46) гарантирует судебную защиту прав и свобод, а это невозможно без стремления суда к достоверному познанию обстоятельств дела. Поэтому слухи о «смерти» принципа объективной истины, соглашусь с А. Т. Боннером, преувеличены – принцип не умер, он лишь изменил форму закрепления с прямой на косвенную. При этом истину в гражданском процессе надлежит понимать не как абсолютное соответствие объективной реальности и не как чисто формальную правильность. Юридическая (судебная) истина – это достоверное, законное и обоснованное знание о фактах, полученное судом в рамках состязательного процесса при правильном применении правил доказывания. Что касается роли суда он не является пассивным арбитром. Да, по общему правилу доказательства представляют стороны, однако суд вправе (ст. 57 ГПК) предложить им представить дополнительные доказательства и при затруднении оказать содействие в их истребовании. Суд не должен делать всю работу за стороны – они сами обязаны доказывать свои требования. Однако он не может просто игнорировать явные недостатки в доказательствах, особенно в делах, затрагивающих общественные интересы или права слабозащищённых граждан. Следовательно, суд должен **выступать в качестве** активного организатора процесса, а не пассивного арбитра. Показательно, что данная позиция находит поддержку и на уровне руководства судебной системы. **Цель правосудия – не формальное соблюдение процедуры, а восстановление нарушенного права.** Только так можно достичь истины и справедливого правосудия.

Список литературы

1. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными 01.07.2020) // РГ от 25.12.1993 № 237.
2. Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // СЗ РФ от 18.11.2002 № 46, ст. 4532.

5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 04.04.2022 № 56-КГ22-6-К9 (УИД 25RS0001-01-2020-007138-90) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 12.05.2025 № 56-КГ25-1-К9 (УИД 25RS0001-01-2024-000972-28) // СПС «КонсультантПлюс».
7. Александров А.Ю. Понятие судебной истины в гражданском процессе: теоретико-правовой аспект // Заметки ученого. 2021. № 12-2. С. 208–212.
8. Боннер А.Т. Проблемы установления истины в гражданском процессе : монография. / А.Т. Боннер – Юридическая книга, 2009. – 831 с. ISBN 978-5-91661-001-7. – Текст : электронный. – URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004398203> (дата обращения: 21.05.2026 г.).
9. Давлетбаева М.А. Объективная истина в состязательном гражданском процессе // Российское право: образование, практика, наука. 2025. № 2(146). С. 22–28.
10. Кузнецова Н.В. Истина рождается в споре (или состязательность гражданского процесса в системе процессуальных гарантий современного правосудия) // Процессуальные гарантии современного правосудия : сборник статей к 100-летию Судебной системы в Удмуртской Республике (Ижевск, 15 марта 2023 года). 2023. С. 138–152.
11. Малыхин Д.В. Законодательные гарантии обеспечения реализации интересов слабой стороны в гражданском судопроизводстве // Новый университет. Серия: Экономика и право. 2016. № 9-1(67). С. 94–96.
12. Оганесян М.М. Трансформация принципа истины в гражданском процессе // Eromen. Global. 2024. № 54. С. 83–87.
13. Обзор статистических данных о рассмотрении в Верховном Суде РФ в первом полугодии 2025 года административных, гражданских, уголовных дел, дел по разрешению экономических споров и дел об административных правонарушениях // URL: <https://www.vsrfl.ru/documents/statistics/34611/>
14. Совет судей рекомендует судам примерять активную роль для защиты слабой стороны // РАПСИ // URL: https://rapsinews.ru/council_judges_news/20250703/310998878.html
15. Спицин И.Н. Принцип объективной истины в современном цивилистическом процессе: к вопросу о научной состоятельности идеи // Российское право: образование, практика, наука. 2025. № 1(145). С. 42–53.
16. Филиппов П.М., Садков А.Н. Доказывание в гражданском процессе как способ установления объективной истины // Актуальные вопросы гражданского, арбитражного, административного судопроизводства: теория, методология, практика : сборник научных трудов (Краснодар, 20 апреля 2023 года). 2023. С. 61–66.
17. Хрестоматия по гражданскому процессу [Электронный ресурс] / под общ. ред. М.К. Треушникова. М.: Юридическое бюро Городец, 1996. С. 226.
18. Чекмарев Э.В., Чекмарева А.В. К вопросу о цели судебного доказывания в гражданском процессе // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 4(153). С. 199–205.

Об авторе:

НИКИТИНА Ирина Юрьевна – студентка 2 курса юридического факультета направления подготовки 40.03.01 Юриспруденция.

Принято в редакцию 11.06.2026.

Подписано в печать 17.06.2026.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ И КРИТЕРИИ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ ПРИБРЕТАТЕЛЯ ИМУЩЕСТВА

Д.А. Попов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Научный руководитель к.ю.н., доцент кафедры гражданского права Барткова О. Г.

В статье анализируются теоретические подходы к пониманию добросовестности, обосновывается многоаспектный характер. На основе правовых позиций Верховного и Конституционного судов РФ, а также практики судов общей юрисдикции раскрываются критерии добросовестного приобретателя, проблемы соединения частноправовых и публично-правовых начал в виндикации, а также ошибки в выборе способов защиты.

Ключевые слова: добросовестность, добросовестный приобретатель, виндикация, приобретательная давность, принцип разумности, судебная практика, осмотрительность.

Несмотря на то, что вопрос о регулировании отношений, связанных с институтом добросовестного приобретателя, для российского права не является новым, он сохраняет актуальность по разным причинам, в частности, таким, как меняющееся законодательство, корректирующая свой курс судебная практика, включающая позиции высших судебных органов, в том числе изложенные в актах Конституционного Суда Российской Федерации [2]. Анализ правоприменения дает основания утверждать, что от единообразного понимания добросовестности напрямую зависит стабильность гражданского оборота и баланс интересов собственников и приобретателей.

Как справедливо указывает А.В. Абросимов в своем диссертационном исследовании, на практике возникают проблемы при истребовании выморочного или долевого имущества у добросовестных приобретателей, определении разумности сторон сделки, выявлении подозрительных сделок должника и оценке добросовестности лиц, оспаривающих сделки с недвижимостью [10, с. 3–4]. Кроме того, значимая роль Единого государственного реестра недвижимости (далее – ЕГРН) в регулировании поведения участников оборота обуславливает необходимость его совершенствования, поскольку именно данные ЕГРН служат основным источником информации, на который полагается добросовестный приобретатель при проверке полномочий отчуждателя [10, с. 5]. Таким образом, непрерывное развитие общественных отношений при наличии пробелов в единообразии применения принципов разумности и добросовестности подтверждает актуальность темы.

Одной из ключевых проблем является отсутствие легального определения добросовестности и размытость её критериев. При анализе приведённых критериев прежде всего бросается в глаза отмеченная ещё Е.Е. Богдановой сложность: «установление содержания добросовестности сторон оказалось сложной проблемой не только для отечественной цивилистики, но и для учёных многих стран» [12]. Этот принцип, как указывает Е.Е. Богданова, «предполагает предъявление конкуренту соразмерных (пропорциональных) требований...

Потерпевшая сторона не должна обогатиться за счет стороны, нарушившей договор» [12]. Следовательно, несмотря на отсутствие законодательной дефиниции добросовестности, её содержание как оценочной категории раскрывается через требование соразмерности встречных требований и недопустимость извлечения выгоды из-за собственного нарушения.

Истоки указанной проблемы лежат в различении субъективной и объективной добросовестности. Как отмечал ещё И.Б. Новицкий «принцип доброй совести в проекте обязательственного права», «добросовестность в субъективном смысле» – это извинительное незнание определённых фактов, тогда как объективная добросовестность выступает как внешний стандарт поведения [21]. Кроме того, отмечается, что «лишь сомнение в законности приобретения не делает еще приобретателя недобросовестным» [21]. Этот подход, как будет показано ниже, нашёл отражение в современной судебной практике.

К сожалению, как справедливо констатирует К.В. Нам, «отечественная доктрина и сейчас, т.е. спустя уже несколько лет после введения в гражданское право принципа добросовестности (с 1 марта 2013 года), не только сколько-нибудь не продвинулась в сторону осознания и практического наполнения данного принципа, но и продолжает двигаться в неправильном направлении. Так, до сих пор во многих работах принцип добросовестности или просто смешивается с «субъективной» добросовестностью, или же умышленно ищутся общие системные связи между добросовестностью как общим принципом гражданского права и добросовестностью как извинительным незнанием определенных фактов» [23].

В подтверждение К.В. Нам приводит пример, когда авторы обсуждают исключение из числа условий приобретательной давности необходимости добросовестного владения, смешивая принцип ст. 1 ГК РФ с субъективной добросовестностью [23]. О.В. Черкасова, напротив, корректно обращается к римскому праву, напоминая, что «*bona fides*» (добрая совесть) – одно из фундаментальных понятий, а римские юристы толковали договор «по доброй совести», не будучи связанными буквой договора [14, с. 12–13].

В отечественном праве, как указывает К.С. Крючков, принцип добросовестности отсутствовал в качестве общеправового требования вплоть до начала XX века и был введён лишь в Основы законодательства Союза ССР и республик 1991 года, а затем в ГК РФ [15, с. 25–26].

Многоаспектный характер категории «добросовестность» приводит к тому, что, по замечанию И.Г. Федина, «термином «добросовестность» начинают обозначать разные понятия, поднимая проблему «многоликости» и «размытости» данного понятия» [19]. Как отмечают С.К. Соломин и Н.Г. Соломина, эта категория в силу своей многоаспектности востребована во всех отраслях права [18]. Таким образом, позднее закрепление данного принципа в российском праве и его многоаспектный характер напрямую объясняют отсутствие единообразных критериев оценки добросовестности приобретателя в

судебной практике и неизбежную зависимость таких решений от судебного усмотрения.

Е.В. Василенко обосновывает взаимозависимость форм проявления принципов разумности и добросовестности, которые «являются некими правовыми идеалами... Категории «разумность» и «добросовестность», первоначально формируясь посредством внутренних (субъективных) позиций индивида, оформляются в социальные нормы, трансформируясь впоследствии в обычно-правовые нормы» [13].

При этом «категория добросовестность указывает на определённую модель поведения», а её универсализм предлагается рассматривать в атрибутивном и акцидентальном аспектах [13]. Н.А. Айрапетов констатирует, что принцип добросовестности является формальным абстрактным правовым ориентиром, отступление от которого характеризует действие как противоправное, причём «границы осуществления права могут задаваться либо напрямую законом, либо посредством ссылки на принцип добросовестности» [11, с. 8–9].

Анализ института добросовестного приобретателя неизбежно сталкивается с методологической трудностью, отмеченной А.И. Овчинниковым: «...невозможно определить какое-либо понятие само по себе, так как определение есть выяснение соотношения с «другим»... всякое определяемое понятие нуждается в некотором противоположном понятии...» [17, с. 23]. Таким образом, добросовестность оценивается через познание антипода – недобросовестного поведения, что демонстрируется в судебной практике [16, с. 26–27].

Институт добросовестного приобретателя не ограничивается одной нормой. Понятие встречается в ГК РФ около десяти раз, являясь ключевым элементом не только виндикации (ст. 302), но и институтов государственной регистрации прав (ст. 8.1, 223), приобретательной давности (ст. 234), а также компенсационных механизмов (ст. 68.1). Это подтверждает его системообразующую роль в обеспечении стабильности и защиты участников гражданского оборота».

Проблема соединения в статье 302 ГК РФ частного и публичного аспектов нашла отражение в Постановлении Конституционного Суда РФ от 22.06.2017 № 16-П, где указано: «добросовестным приобретателем применительно к недвижимому имуществу... является приобретатель... если только из установленных судом обстоятельств дела с очевидностью не следует, что это лицо знало об отсутствии у отчуждателя права распоряжаться данным имуществом или, исходя из конкретных обстоятельств дела, не проявило должной разумной осторожности и осмотрительности» [2]. Суд возложил на публичного собственника обязанность своевременно оформлять свои права.

Подробно проанализируем одно из ключевых дел, иллюстрирующих применение этих критериев, обстоятельства которого изложены в Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 18.06.2019 № 5-КГ19-88. Как следовало из материалов дела [6], субъект длительное время не принимал мер по регистрации права на выморочное жилое помещение, которое впоследствии было возмездно приобретено добросовестным покупателем,

полагавшимся на данные ЕГРН. Суд первой инстанции истребовал имущество, указав, что выбытие помимо воли собственника презюмирует невозможность признания приобретателя добросовестным.

Верховный Суд РФ отменил эти акты, указав, что суды не оценили поведение самого публичного собственника, который годами не проявлял интереса к имуществу. Суд подчеркнул: добросовестность приобретателя не опровергается одним лишь фактом выбытия имущества помимо воли собственника; необходимо также установить, проявил ли приобретатель разумную осмотрительность, и сравнить его поведение с поведением собственника.

Комментируемое дело интересно тем, что представляет собой пример смещения акцента с субъективной добросовестности приобретателя на оценку поведения истца-собственника. Суды заключили, что правовая природа выморочного имущества не создаёт безусловного приоритета публичного собственника перед добросовестным возмездным приобретателем. Таким образом, в данном деле принцип добросовестности выполнил функцию ограничения усмотрения суда и защиты прав приобретателя при бездействии собственника.

Аналогичная логика прослеживается и в других судебных актах. Например, в Определении ВС РФ от 20.03.2018 № 5-КГ18-3 (приобретательная давность) суд разъяснил, что добросовестность владения не требует заблуждения о титуле собственника; достаточно, чтобы вступление во владение не было противоправным [5].

В апелляционном определении Свердловского областного суда от 27.11.2025 № 33-8969/2025 суд признал истца добросовестным осмотрительным приобретателем, указав, что скрытую неисправность не смог выявить даже специалист [7].

В апелляционном определении Пензенского областного суда от 15.01.2026 № 33-152/2026 суд апелляционной инстанции применил принцип добросовестности как инструмент, ограничивающий усмотрение суда первой инстанции, который поставил под сомнение добросовестность истца на основе косвенных обстоятельств (количество аналогичных исков); суд подтвердил, что активное использование процессуальных прав само по себе не свидетельствует о злоупотреблении [9].

Наконец, в апелляционном определении Московского городского суда от 22.12.2025 № 33-46006/2025 был сделан важный вывод о том, что признание лица добросовестным приобретателем не может выступать в качестве самостоятельного способа защиты права, поскольку такой способ не указан в ст. 12 ГК РФ [8].

Обобщая эти дела, можно заключить, что суды последовательно отказываются от формального подхода («знал – не знал») в пользу содержательной оценки совокупности обстоятельств и поведения обеих сторон.

К.И. Скловский отмечает, что при банкротстве недобросовестный приобретатель становится на место кредитора, а не возвращает полученное, причём эти неблагоприятные последствия отличаются от ответственности. Если

передано чужое имущество, приоритет имеет виндикационный иск собственника (ст. 301 ГК РФ) перед кондикцией. Когда же приобретатель сам стал собственником, его последующее отчуждение вещи третьему лицу – сделка действительная, и виндикация невозможна [20]. Таким образом, раскрываются правовые последствия добросовестности, выходящие за рамки защиты.

Как справедливо подчёркивает К.В. Нам, «принцип добросовестности имеет не локальное значение, как отдельные нормы или правовые институты, а касается всего гражданского права. В этом плане он просто немислим без доктринальной основы, без теоретического фундамента» [22]. Именно поэтому комплексная разработка доктринальных основ, предпринятая в настоящей статье, служит отправной точкой для практического понимания и дальнейших теоретических исследований.

Обобщая изложенное, можно сделать вывод, что категория добросовестности, не имея легального определения, раскрывается через различие субъективного и объективного компонентов. Институт добросовестного приобретателя – яркая сфера применения этого принципа, где суды отходят от формального критерия «знал – не знал» в пользу содержательной оценки разумной осмотрительности и поведения обеих сторон.

Принцип добросовестности в исследуемой теме выполняет две роли: общеправовой ориентир честного поведения и инструмент судебного контроля – от квалификации злоупотребления правом до защиты добросовестного приобретателя и признания права собственности за давностным владельцем. Дальнейшее развитие института требует конкретизации критериев применительно к видам сделок, статусу участников и цифровизации оборота, что позволит сохранить баланс между стабильностью гражданского оборота и защитой прав добросовестных участников.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 22.06.2017 № 16-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Н. Дубовца» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 27.03.2026).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» (п. 15) // Российская газета. – 2010. – 21 мая. – № 109.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – 2015. – 30 июня.
5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 20.03.2018 № 5-КГ18-3 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 04.04.2026);

6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 18.06.2019 № 5-КГ19-88// СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 04.04.2026).
7. Обзор судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 28.06.2017) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 27.03.2026).
8. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 27.11.2025 по делу № 33-8969/2025 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 27.03.2026).
9. Апелляционное определение Московского городского суда от 22.12.2025 по делу № 33-46006/2025 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 27.03.2026).
10. Апелляционное определение Пензенского областного суда от 15.01.2026 № 33-152/2026 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 27.03.2026).
11. Абрисимов А. В. Реализация принципов разумности и добросовестности при заключении договоров о приобретении недвижимого имущества: диссертация ... кандидата юридических наук. – Москва, 2025. – 204 с.
12. Айрапетов Н. А. Принцип добросовестности при осуществлении и защите интеллектуальных прав: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Москва, 2025. — 23 с.
13. Богданова Е. Е. Добросовестность и право на защиту в договорных отношениях. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2010. URL: <https://djvu.online/file/igk7ePiczEc3r> (дата обращения: 04.04.2026).
14. Василенко Е. В. Категории «добросовестность» и «разумность» в гражданском праве: вопросы соотношения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Краснодар, 2012. — 28 с.
15. Черкасова О.В. Принцип добросовестности в корпоративных правоотношениях коммерческих юридических лиц: дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2022. — 230 с.
16. Крючков К.С. Проблема добросовестности: гражданское право, гражданский арбитражный процесс: Монография. – Новосибирск: Изд. ООО «СиБАК», 2024. – 90 с.
17. Овдиенко, Е.Б. Соотношение категорий «добросовестность» и «недобросовестность» в договорном праве: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2015. – 198 с.
18. Овчинников А.И. Правовое мышление в герменевтической парадигме: Монография / науч. ред. П. П. Баранов; Ростов. гос. ун-т. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. ун-та, 2002. – 285 с.
19. Соломин С.К., Соломина Н.Г. Добросовестность в гражданском праве: монография. – М.: Юстицинформ, 2018.
20. Федин И. Г. Многоаспектность категории добросовестность в российском праве // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2015 г.). Казань: Бук, 2015. URL: <https://moluch.ru/conf/law/archive/141/8028/> (дата обращения: 10.11.2020).
21. Скловский К.И. Применение права и принцип добросовестности // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2018. – № 2.
22. Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. – 1916. – № 6, 7, 8. (Печатается по: «Вестник гражданского права». 1916. № 6, 7, 8).
23. Нам К.В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики. – М.: Статут, 2019.
24. Нам К.В. Принцип добросовестности: некоторые проблемы развития доктрины // Вестник гражданского права. – 2017. – № 3.

Об авторе:

ПОПОВ Данила Андреевич - студент 2 курса юридического факультета направления подготовки 40.03.01 Юриспруденция Тверского государственного университета.

Принято в редакцию 11.06.2026.

Подписано в печать 17.06.2026.

ФИДУЦИАРНЫЕ ОБЯЗАННОСТИ ЧЛЕНОВ ОРГАНА УПРАВЛЕНИЯ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ИХ НАРУШЕНИЕ

А.А. Сукиасян

ГОУ ВПО «Российско-Армянский (Славянский) Университет», г.Ереван

Научный руководитель к.ю.н., старший преподаватель М.А. Калашян

В статье анализируется сущность юридического лица с целью выявления фидуциарных обязанностей не только органов управления в лице, в первую очередь, генерального директора, но и участников корпорации. Это является наиболее проблемной и неразвитой темой в корпоративном законодательстве РФ. Отдельной главой автор сравнивает системно корпорацию с кланом Крестного отца, ведь корпорация родом из римского «societas». В статье отмечены пробелы действующего законодательства и сформулированы предложения по его совершенствованию.
Ключевые слова: корпорация; ответственность генерального директора; ответственность участников; добросовестность участников корпорации; вытеснение миноритарного участника; разрешение корпоративного конфликта.

«Я бы желал, чтобы отец мой или мать, а то и оба они вместе, — ведь обязанность эта лежала одинаково на них обоих, — поразмыслили над тем, что они делают в то время, когда они меня зачинали. Если бы они должным образом подумали, сколь многое зависит от того, чем они тогда были заняты, — и что дело тут не только в производстве на свет разумного существа, но что, по всей вероятности, его счастливое телосложение и темперамент, быть может, его дарования и самый склад его ума — и даже, почему знать, судьба всего его рода — определяются их собственной натурой и самочувствием — если бы они, должным образом все это взвесив и обдумав, соответственно поступили, — то, я твердо убежден, я занимал бы совсем иное положение в свете, чем то, в котором читатель, вероятно, меня увидит» [10, с.2].

Сколько чернил было потрачено над темой ответственности директора, правления; сколько раз прокалывали и снимали вуаль (corporateveil); директор — представитель или орган?! ПП ВАС РФ от 30.07.2013 №62[18], в преимущественном авторстве Кузнецова А.А., так или иначе закрыло протечки крыши (менеджмента) [15, с.12-14]. Вышеупомянутые вопросы, бесспорно, никогда не потеряют актуальность и значимость, тем не менее, помимо крыши в доме есть фундамент — участники. Болевой порог фундамент(-альной) проблемы, так называемой «agensurproblem» [17, с.29-47], находится не просто в красной, а в багровой зоне, что послужило основанием посвятить дальнейшее повествование преимущественно заданной тематике. «Затронут основной нерв закрытых корпораций» [6]!

Применяя пандектную систему, автор, дабы каждый раз не упоминать главную мысль, которая лежит оплотом идейной оснащенности работы, как та самая конструкция основной нормы Г. Кельзена, поместил её в прологе (*читайте устами корпорации)!

Еще не так давно идея фидуциарных обязанностей участников перед обществом (вертикальная лояльность) и участниками (горизонтальная лояльность) [16, с.103] казалась не столь очевидной, если не искусственной в российском правовом порядке. Отправной точкой законодательного развития послужил ФЗ от 05.05.2014 №99-ФЗ [1], вводя ст.ст. 65.2, 53.1, 67.3, 60.1 ГК РФ. При системном толковании норм прослеживается наибольшая имплементация идеи вертикальной лояльности. Можно ли сказать, что корпоративное право до 2014 г. основывалось на голом праве участников без обременений? Вопрос отсылает к идее правовой природы корпоративных отношений и корпорации:

- 1) Что представляет собой юридическое лицо?
- 2) Отношения между участниками — *suigeneris*?

Ответы на два простых вопроса определяют весь вектор развития корпоративного права!

Первый вопрос в исторической ретроспективе был подробно рассмотрен Мамагеишвили В.З.: если ранее преобладала идея юридического лица в качестве фикции, то в настоящем преобладает теория юридического лица в качестве реального субъекта. Спор далеко не доктринально-дихотомический, он находит глобальное отражение на практике. «В случае рассмотрения юридического лица в качестве фикции несложно вывести, что директора должны действовать в интересах участников корпорации, а у самой корпорации не может быть интересов, отличных от интересов ее участников. Напротив, теория реального субъекта предлагает выделение самостоятельной категории интересов юридического лица, которые не могут быть в чистом виде сведены к интересам его участников. Соответственно, теориями определяется не только адресат обязанностей директоров, но и возможность существования самостоятельной категории “интересы юридического лица”» [11, с.19].

Отвечая на второй вопрос, необходимо обратиться к *alma-mater* — римскому частному праву, так как юридические лица берут свои корни из простых товариществ (римская *societas*). Таким образом, предполагается, что «любой участник корпорации обязан действовать в интересах общества и иных участников. Этот принцип является некой общей клаузулой (*generalklausel*), которая позволяет пресекать злоупотребления участников корпорации» [8, с.19]. В результате, вытекает, что корпоративные отношения основываются на обязательственных отношениях и не являются нечто инородным, соотносятся так же, как и сделки с решением собраний. Законодательно закреплена аргументация п.3 ст. 307.1 ГК РФ, введенная в 2015г., основывающаяся на учениях цивилистов, отраженных в доктрине задолго до появления нормы: «...корпоративные отношения, понимаемые во множестве своих частных разновидностей, представляют собой относительно-правовые, обязательственные правоотношения, построенные по модели обязательства, возникающего из многосторонней сделки, однако возникающие обычно не из единичной сделки, а из сложного фактического состава...» [14, с.62].

С другой стороны, в отличие от англосаксонской правовой системы, где судьи творят право, используя каучуковые понятия [12], принципы, исходя из

правовой природы, наша судебная система де-юре и де-факто привержена к строгому подчинению буквы закона в самом ее конкретном виде, за редким исключением Высочайшего суда [13]. До 2014 года обязанность проистекала из вышеописанной природы отношений на основе принципа запрета злоупотребления правом, которая является эманацией генерального принципа добросовестности, закрепленной в ст.ст. 10 и 1 ГК РФ. «Как справедливо отмечает Р. Макин, фидуциарные обязанности могут быть использованы правоприменителями и участниками оборота для тех случаев, когда требуется определить стандарт поведения участника корпоративных отношений в отсутствие прямой нормы в законодательстве. Таким образом, указанные обязанности представляют собой общую клаузулу, которая позволяет пресекать злоупотребления участников корпорации» [9, с.260].

Alienationis

Автор желает выдвинуть собственную теорию *argumentum a similibus* понимания отношений между участниками и самим обществом в объективе величайшего произведения «The Godfather» (Крестный отец). Каждому участнику и акционеру закрытой корпорации стоило бы ознакомиться перед кооперацией, именно такой дух фидуциарности должен витать.

Клан Дон Вито — юридическое лицо; Дон Вито Корлеоне — учредитель; сыновья и все остальные — участники; адвокат Том Хейген — директор. Давайте вспомним несколько сцен:

1. Дон сделал замечание своему старшему сыну «...никогда не показывай посторонним, что у тебя на уме. Никогда не раскрывай перед чужими свои карты» — мажоритарный участник дает советы миноритарному при ведении переговоров и взаимодействии с контрагентами для наилучших интересов общества;

2. Майкл узнал о предательстве Фредо, сообщил ему об этом со словами «Фредо, ты мой старший брат, и я тебя очень люблю, но никогда и ни с кем не иди против семьи никогда» — вспомним критерий прямого ущерба [6], разработанный и применяемый в судах Штатов для определения прямого и косвенного иска, мажоритарий обращается напрямую к миноритарии для предупреждения совершения ущерба сначала ему, а потом уже обществу, некий досудебный порядок;

3. Майкл убил Фредо за его предательство, тем не менее в третьей части исповедовался, горько сожалея об этом — яркое проявление неверного решения корпоративного конфликта. Майкл выбрал ликвидацию общества, если рассматривать по градиенту. Хотя ситуация была не патовая (*deadlock*), не было цугцванга, стоило, вероятно, предоставить участнику право выхода, если в уставе предусмотрено последнее с выплатой стоимости доли, исключить участника, потребовать возмещение ущерба.

Praxisjudicum

Правовое сообщество неохотно воспринимает идеи обязанности участников, особой доверительной «ионной» двухсторонней связи между тремя субъектами: общество и 2+n участниками. Рассмотрим три вехи правосознания, транслирующие через прецедентные дела. Фактические обстоятельства будут опущены автором, упоминанию заслужит лишь вопрос права.

I. Вымпелком vs. Теленор 2009г.[22].

Corpus juris: ст. 10 ГК РФ дореформенная; рождение идеи ответственности участников.

«Суд апелляционной инстанции согласился с позицией Farimex Products Inc., частично удовлетворив требования к Теленору. При этом в качестве правового основания судом фактически была применена концепция ситуативного контроля, которая выражалась в том, что применительно к рассматриваемой сделке взаимоотношения Вымпелкома с Теленором являлись отношениями дочернего и основного общества. По мнению суда, в терминологии п. 2 ст. 6 Закона об АО Теленор "иным образом имел возможность определять решения", принимаемые Вымпелкомом. Подробнее концепция ситуативного контроля будет рассмотрена во второй части настоящей статьи. На данном же этапе важно зафиксировать сам факт наличия такого дела, где ставился вопрос о том, что миноритарий, обладавший правом негативного контроля по конкретному вопросу, воспользовался им в ситуации наличествовавшего конфликта его интересов и интересов общества, в котором он участвовал» [7].

II. Башнефть vs. АФК «Система» 2017 г.[21].

Corpus juris: закон обратной силы не имеет, поэтому не применялась напрямую ФЗ-99 2014 г., однако идея уже была общеизвестна и выводилась через ст. 10 ГК РФ, также реформа 2013 г. добросовестности [2, 5].

«Российские суды имеют опыт рассмотрения споров о взыскании убытков из злоупотреблений акционеров/участников, и из судебных актов видно, что они признают такое требование в качестве надлежащего и уместного способа защиты права» [9, с.268-269].

«В силу статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации, осуществляя реорганизацию общества, акционеры, как и другие участники гражданского оборота, должны действовать разумно и добросовестно, не нарушать права и охраняемые законом интересы других лиц. Законом запрещено совершение действий, направленных исключительно на причинение вреда иному лицу, а также злоупотребление правом в иной форме. Если злоупотребление правом повлекло нарушение прав другого лица, такое лицо вправе требовать возмещения причиненных этим убытков».

III. Аверкина М.Ю vs. Воронов А.В, Жуков Н.И. 2023 г. [20].

Corpus juris: ФЗ-99 2014 г., ст 10 ГК РФ, обзор практики от 25.12.2019 г. [19].

Знаковое дело, в арбитражном суде рассматривается прямой иск акционера к участнику! Первые две инстанции одобряют полностью, кассация отменяет.

«...отказал в удовлетворении требований в полном объеме, поскольку вопреки принципу имущественной обособленности юридического лица, суды возложили субсидиарную ответственность на контролирующее Общество лицо и директора при действующем юридическом лице и наличии возможности погашения задолженности».

Список литературы

1. Федеральный закон от 05.05.2014 N 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» (ред. от 24.07.2023) // «Собрание законодательства РФ», 12.05.2014, N 19, ст. 2304.1

2. Федеральный закон от 30.12.2012 N 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (ред. от 04.03.2013) // Собрание законодательства РФ. N 53. (ч. 1). ст. 7627. 31.12.2012.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. N 5. ст. 410. 29.01.1996.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; Собрание законодательства РФ. 2024. № 12. Ст. 1572.

5. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // Вестник ВАС РФ. №11. ноябрь. 2009.

6. Бойко Т.С. Защита прав и интересов миноритарных участников непубличного общества в праве России, США и Великобритании М.: Статут, 2019. 255 С.

7. Глазунов А.Ю. Ответственность миноритарных участников корпораций за нарушение фидуциарных обязанностей: возможна ли такая конструкция? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 4. С. 138 - 179.

8. Егоров А.В. Борьба с «мажоризацией» участников собрания как формой злоупотребления при принятии решения // Журнал Цивилистика 2023. N 2. С.16-48.

9. Егоров А.В. Злоупотребление корпоративными правами: виды и способы защиты // Проблемы осуществления и защиты гражданских прав : сборник статей к 100-летию со дня рождения профессора В.П. Грибанова М.: Статут, 2021 С. 235-287.

10. Лоренс С. Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена. М.: Азбука, 2017. 672 С.

11. Мамагеишвили В.З. О значении теорий юридического лица в современном корпоративном праве / В.З. Мамагеишвили // Вестник экономического правосудия. 2021. N 3. С. 36 - 73.

12. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М.: «Статут», (в серии «Классика российской цивилистики»), 1998. 353 С.

13. Савельев С.Л. Прецедент в России. Унификационный потенциал практики Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ / С.Л. Савельев. Москва: Статут, 2020. 272 С.

14. Степанов Д.И. От субъекта ответственности к природе корпоративных отношений // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2009. N 1. С. 20 - 75.

15. Степанов Д.И., Михальчук Е.С. Ответственность директора перед корпорацией за причиненные ей убытки в судебной практике / Д.И. Степанов, Ю.С. Михальчук. Москва: Статут, 2018. 204 С.
16. Шайдуллин А.И. Конфликт интересов в обществе. Как участнику защитить свои права на основе принципа лояльности // Арбитражная практика для юристов. 2017. N 6. С.102-106.
17. J. Armour, H. Hansmann and R. Kraakman. Agency Problems and Legal Strategies // The Anatomy of Corporate Law: A Comparative and Functional Approach. 3rd edition. Oxford University Press, 2017. P. 1338.
18. Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 N 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // СПС «КонсультантПлюс».
19. Обзор судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019) // Бюллетень Верховного Суда РФ. N 5. 2020.
20. Определение Верховного Суда РФ от 16.02.2023 № 304-ЭС22-28433 по делу № А45-11996/2021 СПС «КонсультантПлюс».
21. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 07.11.2017 № Ф09-6317/17 по делу № А07-14085/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
22. Постановление ФАС Московского округа от 13.11.2009 № КГ-А40/11952-09 по делу N А40-717/09ИП-16 // СПС «КонсультантПлюс».

Об авторе:

СУКИАСЯН Анаит Артуровна — студент 3 курса института права направления подготовки 40.03.01 Юриспруденция.

Принято в редакцию 11.06.2026.

Подписано в печать 17.06.2026.

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

М.В. Шахова

ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», г. Тверь

Научный руководитель к.ю.н., доцент А.С. Федина

Статья посвящена анализу института обеспечения доказательств в гражданском процессе РФ. В ней выявлены ключевые проблемы практики применения норм об обеспечении доказательств: сложности доказывания необходимости обеспечительных мер, риски оспаривания результатов из-за процедурных нарушений. Автором проанализирована проблема использования искусственного интеллекта в порядке обеспечения доказательств. Изучены причины отказа судов признавать результаты работы искусственного интеллекта. Рассмотрены современные цифровые инструменты фиксации доказательств («Интернет правосудие», ShotApp, сервисы ФНП). Предложены меры по совершенствованию института обеспечения доказательств.

***Ключевые слова:** обеспечение доказательств, гражданский процесс, нотариус, электронные доказательства, искусственный интеллект, судопроизводство, судебная практика, фиксация доказательств, ГПК РФ, Основы законодательства о нотариате.*

Обеспечение доказательств – это процессуальные действия, совершаемые до рассмотрения дела по существу и направленные на оперативное извлечение и фиксацию сведений о фактах из доказательств, относительно которых есть опасения, что их представление в дальнейшем станет невозможным или затруднительным. Действующее законодательство предусматривает два способа обеспечения доказательств в гражданском процессе: судебный и нотариальный. Однако на практике применение норм об обеспечении доказательств вызывает ряд спорных вопросов, связанных с несовершенством законодательства, сложностями реализации права на обеспечение доказательств и недостаточной эффективностью мер.

Согласно ст. 64 ГПК РФ, лица, участвующие в деле, вправе просить суд об обеспечении доказательств, если опасаются, что их представление станет невозможным или затруднительным. Процедура регулируется гл. 6 ГПК РФ и включает:

1. Заявление об обеспечении. Подаётся лицами, участвующими в деле, которые имеют основания опасаться, что представление необходимых для них доказательств окажется впоследствии невозможным или затруднительным. К таким лицам относятся, в частности, стороны процесса (истец, ответчик), а также другие участники дела, предусмотренные статьёй 34 ГПК РФ. Заявление подается в суд, в котором рассматривается дело или в районе деятельности которого должны быть произведены процессуальные действия по обеспечению доказательств. В заявлении должны быть указаны содержание рассматриваемого дела; сведения о сторонах и месте их проживания или месте их нахождения; доказательства, которые необходимо обеспечить; обстоятельства, для подтверждения которых необходимы эти доказательства; причины, побудившие заявителя обратиться с просьбой об обеспечении доказательств.

2. Рассмотрение заявления. Происходит согласно принципу разумности. При удовлетворении заявления судья выносит определение о проведении судебного заседания для совершения процессуальных действий по обеспечению доказательств. Это определение не подлежит самостоятельному обжалованию. Если суд откажет в обеспечении доказательств, такое определение может быть обжаловано.

3. Проведение процессуальных действий. Обеспечение доказательств производится судьёй по правилам, установленным ГПК РФ, для исследования доказательств.

4. Передача материалов. Протоколы и все собранные в порядке обеспечения доказательств материалы передаются в суд, рассматривающий дело, с уведомлением об этом лиц, участвующих в деле. Суд, рассматривающий дело, в ходе судебного разбирательства оглашает протокол, полученный в результате обеспечения доказательств, что отражает гарантию законности [1, с. 167].

Согласно ст. 102 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате по просьбе заинтересованных лиц нотариус обеспечивает доказательства, необходимые в случае возникновения дела в суде или административном органе, если имеются основания полагать, что представление доказательств впоследствии станет невозможным или затруднительным. Действия по обеспечению доказательств реализуются нотариусом вне судебного заседания.

Обеспечение доказательств в виде осмотра информации, находящейся в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», может быть совершено удаленно в порядке, установленном статьей 44.3 Основ.

При выполнении процессуальных действий по обеспечению доказательств нотариус, так же, как и суд, руководствуется соответствующими нормами гражданского процессуального законодательства Российской Федерации. Стадии обеспечения доказательств:

1. Допрос и определение доказательств. В порядке обеспечения доказательств нотариус допрашивает свидетелей, производит осмотр письменных и вещественных доказательств, назначает экспертизу.

2. Определение места и времени. Нотариус извещает о времени и месте обеспечения доказательств стороны и заинтересованных лиц, однако неявка их не является препятствием для выполнения действий по обеспечению доказательств [2, с. 179].

Как правило, обеспечение доказательств без извещения одной из сторон и заинтересованных лиц производится лишь в случаях, не терпящих отлагательства, или, когда нельзя определить, кто впоследствии будет участвовать в деле.

В Решении по делу № 02-0739/2025 от 25.06.2025 (Таганский районный суд г. Москвы) ФИО1 оспаривал нотариальный протокол опроса свидетеля (от 12.04.2024) из-за ненадлежащего извещения о проведении допроса — опасался привлечения к уголовной ответственности в рамках арбитражного дела № А40-244321/2020. Заявитель утверждал, что он не был должным образом

извещён о допросе. Ответчик - нотариус уведомил всех заинтересованных лиц телеграммой, то есть процедура соблюдена.

Позиция суда: нотариус известил заинтересованные лица телеграммой, что соответствует ст. 103 Основ законодательства о нотариате. Доводы заявителя не дают оснований для отмены нотариального действия. Оспаривание протокола не влияет на его оценку как доказательства в арбитражном деле. Решение суда: в удовлетворении заявления ФИО1 отказано.

В случае неявки свидетеля или эксперта по вызову нотариус сообщает об этом в суд по месту жительства свидетеля или эксперта для принятия мер, таких как судебный штраф или принудительный привод свидетеля, предусмотренных законодательными актами Российской Федерации.

Нотариус предупреждает свидетеля и эксперта об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного показания или заключения и за отказ или уклонение от дачи показания или заключения [3, с. 130].

В Решении № 2-8365/2019 от 5 декабря 2019 года (Центральный районный суд г. Хабаровска) ФИО4 оспаривала нотариальное действие нотариуса Куц И. П. - протокол осмотра переписки в WhatsApp на телефоне ФИО5 (в рамках дела о взыскании неосновательного обогащения). Заявитель считала, что обеспечение доказательств было незаконным, а также утверждала, что: WhatsApp и мобильный телефон - ненадёжные источники хранения информации; риск уничтожения или изменения сообщений.

Позиция суда: нотариус вправе обеспечивать доказательства, если есть риск их утраты (ст. 102 Основ законодательства о нотариате). Нотариус не обязан проверять техническое состояние телефона или особенности хранения данных. Ситуация считалась не терпящей отлагательств: информация могла быть утеряна в любой момент. Процедура совершения нотариального действия соблюдена, права заявителя не нарушены.

Решение суда: в удовлетворении заявления ФИО4 отказано. Следовательно, суд подтвердил правомерность нотариального обеспечения электронной переписки как доказательства - при наличии оснований опасаться утраты данных.

В период развития цифровых технологий искусственный интеллект занимает ведущее место. Искусственный интеллект (далее - ИИ) в обеспечении доказательств в гражданском процессе - актуальная тема, связанная с использованием технологий для подготовки доказательств и анализа материалов дела.

Судебная практика в России демонстрирует неоднозначный подход к таким доказательствам, а законодательство пока не содержит чётких норм, регулирующих этот вопрос. В 2025 году суды иногда допускали использование ИИ в доказывании, если это не противоречило условиям договора и не было прямо запрещено. Например, суды удовлетворяли иски, где стороны применяли нейросети для разработки стратегии, подготовки документов или экспертных заключений. Однако уже в 2026 году позиция судов изменилась: они стали чаще отклонять доказательства, созданные с помощью ИИ, как недостоверные.

Так, суд отклонил обзор рынка услуг, подготовленный нейросетью, указав, что такой обзор носит информативный характер и не является допустимым доказательством (постановление Девятого ААС от 27.01.2026 по делу № А40-251278/2022).

В деле о взыскании задолженности по бухгалтерским услугам суд квалифицировал использование ИИ для подготовки кассационной жалобы с ложными ссылками на судебную практику как неуважение к суду и наложил штраф в 50 тыс. рублей (определение Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 14 мая 2026 г. по делу № А27-7831/2025).

В интернете существуют специализированные платформы и сервисы для фиксации и обеспечения доказательств, которые затем можно использовать в суде. В России это направление активно развивается, особенно в части нотариального заверения.

Примеры таких платформ:

- «Интернет-правосудие». Это один из первых сервисов по дистанционному нотариальному обеспечению доказательств, размещенных в сети Интернет. Он позволяет фиксировать сайты, переписку в мессенджерах и электронной почте.

- ShotApp (ShotApp.ru). Предназначен для быстрой фиксации электронных доказательств (сайты, фото, видео, переписка).

- Сайт Федеральной нотариальной палаты (Notariat.ru): Через сервисы ФНП можно заказать услугу обеспечения доказательств, особенно при работе с электронной почтой и сайтами, используя усиленную квалифицированную электронную подпись (УКЭП) и аккаунт Госуслуг.

Нотариус или специальная программа производит осмотр и фиксацию информации, находящейся на сайтах, в социальных сетях, мессенджерах или переписке. Создается «протокол осмотра» или иной документ, имеющий юридическую силу в суде, так как есть риск, что информация может быть удалена.

Что можно зафиксировать:

1. Содержимое сайтов.
2. Переписку в мессенджерах (WhatsApp, Telegram и др.).
3. Электронные письма (email).
4. Фото- и видеоматериалы.

Однако, почему ИИ-способы обеспечения доказательств недопустимы:

1. Отсутствие прямого законодательного регулирования. ГПК РФ не содержит норм, разрешающих или регламентирующих использование ИИ для обеспечения доказательств. Технологии ИИ не перечислены среди допустимых средств доказывания (ст. 55 ГПК РФ перечисляет объяснения сторон, свидетельские показания, письменные и вещественные доказательства, аудио- и видеоматериалы, заключения экспертов).

2. Невозможность проверки достоверности. Результаты работы генеративных ИИ (тексты, аналитические выкладки, сгенерированные изображения или аудио) носят производный, абстрактный и непроверяемый характер. Нейросети могут создавать контент, который не соответствует

действительности, искажать факты или генерировать несуществующие данные (например, ссылки на несуществующие судебные акты).

3. Ответственность за достоверность. Даже если ИИ использовался при подготовке документов, ответственность за достоверность сгенерированного текста несёт лицо, участвовавшее в деле и использовавшее эту технологию. Если такие данные представлены в суде как доказательства, суд может квалифицировать это как фальсификацию или проявление неуважения к правосудию.

4. Судебная практика. Суды последовательно отвергают попытки придать результатам работы ИИ самостоятельное доказательственное значение.

Итак, какие спорные вопросы обеспечения доказательств могут возникать в ходе рассмотрения гражданских дел:

1. Несовершенство механизмов реализации права на обеспечение доказательств. В частности, заинтересованным лицам нередко бывает сложно доказать суду необходимость принятия мер по обеспечению доказательств.

2. Технические и процессуальные сложности. Отсутствие единых стандартов фиксации электронных доказательств; трудности с осмотром доказательств на месте (например, при повреждении имущества); сложности с подтверждением факта существования информации после ее удаления; при использовании скриншотов или электронных переписок необходимо доказать принадлежность адресов или аккаунтов конкретным лицам, что иногда бывает затруднительно.

3. Оспаривание обеспеченных доказательств. Сторона может оспорить: законность способа получения доказательства; достоверность зафиксированных сведений; соблюдение процедуры обеспечения (например, отсутствие уведомления противоположной стороны).

Для урегулирования спорных вопросов можно использовать следующие способы:

1. Детализация процедуры для разных видов доказательств (особенно цифровых);

2. Разрешение суду принимать меры по обеспечению доказательств по собственной инициативе; закрепление перечня обстоятельств, считающихся достаточными для удовлетворения ходатайства; расширение круга субъектов, имеющих право на внесудебное обеспечение (например, адвокаты).

3. Привлечение специалистов для фиксации сложных доказательств; внедрение цифровых хранилища с защитой от несанкционированного доступа и системы контроля целостности файлов; установить конкретные сроки для принятия мер после подачи ходатайства.

4. Разработка единых стандартов фиксации электронных доказательств (формат скриншотов, метаданные и т.д.); использование электронной подписи (особенно КЭП) для повышения доказательственной силы; при осмотре на месте применять фото- и видеофиксацию, привлекать независимых экспертов.

Итак, обеспечение доказательств в гражданском процессе - это эффективный инструмент защиты прав, который даёт такие преимущества, как: предотвращение утраты сведений (информации в сети, показаний свидетелей,

вещественных доказательств); обладание высокой доказательственной силой (нотариально подтвержденные факты не требуют дополнительного доказывания согласно ч. 5 ст. 61 ГПК РФ); гарантия объективности за счёт участия независимого нотариуса; использование разных методов фиксации (осмотр, допрос, экспертиза, фиксация интернет-контента); обеспечение сохранности доказательств (в т.ч. путём их хранения у нотариуса). Однако, институт обеспечения доказательств требует дальнейшего совершенствования как с точки зрения законодательства, так и с позиции единообразия судебной практики. Решение выявленных спорных вопросов позволит повысить эффективность защиты прав и законных интересов участников гражданского процесса, а также обеспечить более справедливое и объективное рассмотрение дел.

Список литературы:

1. Колесникова, М. М. Стадии судебного доказывания в гражданском процессе // Проблемы судопроизводства в суде первой инстанции по гражданским, арбитражным и административным делам: сборник статей. — СПб.: Петрополис, 2019. — С. 165–172.
2. Нотариат и суд в России: 150 лет вместе / Под ред. Е.А. Борисовой. 2-е доп. Изд. М.: Издательский Дом «Городец», 2017. — 320 с.
3. Румянцева, М. О. Объяснения сторон и третьих лиц как средства доказывания в гражданском процессе // Вестник Института мировых цивилизаций. — 2019. — Т. 10. — № 1 (22). — С. 127–135.

Об авторе:

ШАХОВА Мария Владимировна - студентка юридического факультета, 2 курса направления подготовки «Юриспруденция» ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Принято в редакцию 11.06.2026.

Подписано в печать 17.06.2026.

СУДЕБНОЕ ПОРУЧЕНИЕ: ЗАБЫТЫЙ ИНСТРУМЕНТ ИЛИ НАСУЩНАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ

П.Ю. Шевлякова

ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»

Научный руководитель к.ю.н., доцент Н.Н. Болдырева

В статье исследуется институт судебного поручения в гражданском процессе Российской Федерации, его правовая природа, порядок применения и значение в современных условиях цифровизации судопроизводства. Целью работы является определение актуальной роли судебного поручения и соотношения данного института с видеоконференц-связью. Сделан вывод о том, что судебное поручение сохраняет практическую значимость, поскольку позволяет совершать процессуальные действия, невозможные посредством видеоконференц-связи, в том числе при международном взаимодействии судов.

***Ключевые слова:** судебное поручение, гражданский процесс, видеоконференц-связь, принцип непосредственности, доказательства, судебное разбирательство, процессуальные действия, ГПК РФ, судебная практика.*

Судебное поручение — это процессуальный механизм, при котором суд, рассматривающий дело, поручает другому суду совершение отдельных процессуальных действий, если доказательства, свидетели или иные материалы находятся вне его территориальной юрисдикции. Исследуемый институт регулируется как национальным процессуальным законодательством, так и международными договорами, сочетая в себе комплексное регулирование внутригосударственных процедур с учётом международных аспектов и технологических изменений в судопроизводстве. В гражданском процессе данный институт закреплён в статьях 62–63 ГПК РФ [1].

Основанием для применения судебного поручения является невозможность непосредственного получения доказательств самим судом. Иными словами, суд, рассматривающий дело, объективно не может самостоятельно исследовать доказательства из-за территориальной удалённости либо иных препятствий [5].

С точки зрения правовой природы судебное поручение представляет собой исключение из принципа непосредственности судебного разбирательства, поскольку доказательства первоначально исследуются не судом, рассматривающим спор, а другим судом [4, с. 118].

Вышеизложенное, однако, не означает, что доказательства автоматически приобретают обязательную силу для суда, направившего поручение. Полученные материалы всё равно подлежат оглашению, исследованию и оценке в основном судебном заседании тем судом, который рассматривает дело по существу. Следовательно, итоговая оценка доказательств осуществляется именно судом, рассматривающим спор, а не судом-исполнителем поручения [2, с. 168].

Процедура применения судебного поручения строго регламентирована ГПК РФ.

Суд, в производстве которого находится гражданское дело, выносит определение, в котором указывает:

- 1) обстоятельства дела;
- 2) участников процесса;
- 3) конкретные действия, подлежащие совершению;
- 4) доказательства, которые необходимо получить [3, с. 159].

Определение суда о судебном поручении направляется в суд-исполнитель, который обязан провести отдельное судебное заседание, известить участников процесса и оформить результаты протоколом судебного заседания и определением о выполнении судебного поручения.

В соответствии со статьёй 62 ГПК РФ, поручение должно быть исполнено в течение месяца со дня его получения. На период исполнения поручения производство по делу может быть приостановлено.

Несмотря на сложность исполнения и редкость применения, судебное поручение нельзя считать полностью устаревшим механизмом. Для понимания его современной роли необходимо чётко разграничивать судебное поручение и видеоконференц-связь, поскольку это два самостоятельных процессуальных института с различными задачами, процессуальными и техническими возможностями [4, с. 119].

Видеоконференц-связь регулируется статьёй 155.1 ГПК РФ. Она представляет собой форму дистанционного участия лиц в судебном заседании в режиме реального времени при техническом взаимодействии между судами.

Для проведения видеоконференц-связи суд также выносит определение.

Главное отличие видеоконференц-связи от судебного поручения заключается в том, что при видеоконференц-связи доказательства исследуются непосредственно судом, рассматривающим дело. Суд лично воспринимает объяснения сторон, показания свидетелей и заключения экспертов в режиме реального времени, что в большей степени соответствует принципу непосредственности.

Именно поэтому в современной практике видеоконференц-связь активно используется при допросе свидетелей, участии экспертов, объяснениях сторон, участии лиц, находящихся в другом регионе.

Преимущества видеоконференц-связи очевидны:

- 1) существенно сокращаются сроки рассмотрения дела;
- 2) отсутствует необходимость направления судебного поручения;
- 3) суд непосредственно воспринимает доказательства.

Однако видеоконференц-связь не может полностью заменить судебное поручение. Следует подчеркнуть, что видеоконференцсвязь и судебное поручение — это два совершенно разных правовых института, каждый из которых имеет собственную природу и порядок применения. Именно поэтому видеоконференц-связь обладает рядом принципиальных ограничений по сравнению с судебным поручением.

Во-первых, видеоконференц-связь зависит от технической возможности [2, с. 169]. Не каждый суд располагает необходимым оборудованием, а также

стабильной связью. На практике нередки случаи переноса заседаний из-за технических сбоев или невозможности подключения.

Во-вторых, существенное значение имеет территориальный фактор. Российская Федерация включает 11 часовых поясов, поэтому согласование времени между судами может быть затруднено, особенно при участии нескольких регионов одновременно.

В-третьих, видеоконференц-связь ограничена по своему функционалу.

С её помощью невозможно полноценно заменить отдельные процессуальные действия, требующие непосредственного исследования объектов на месте:

- 1) осмотр недвижимого имущества;
- 2) исследование вещественных доказательств;
- 3) осмотр земельных участков;
- 4) исследование документов, находящихся в другом регионе;
- 5) совершение действий за пределами территории суда.

Кроме того, в международном судопроизводстве судебное поручение остаётся единственным возможным механизмом получения доказательств. Согласно нормам международного права, российский суд обязан содействовать исполнению поручения иностранного суда, совершая процессуальные действия в порядке, установленном законодательством РФ (ст. 256 АПК РФ). Наиболее распространённые действия — вручение извещений на основании Конвенции 1965 года или договоров о правовой помощи. Также практикуется опрос свидетелей и экспертов по списку вопросов запрашивающего суда и истребование доказательств, вплоть до выписок по счетам. Возможно совершение нескольких действий в одном заседании, например, одновременное вручение извещения и опрос свидетеля. Именно судебное поручение в международных отношениях позволяет комплексно решать задачи по вручению документов, опросу участников и истребованию доказательств.

Следовательно, судебное поручение обладает более широкими возможностями по сравнению с видеоконференц-связью, поскольку позволяет совершать процессуальные действия вне зависимости от технического оснащения и формата дистанционной связи.

Анализ судебной практики показывает, что видеоконференц-связь и судебное поручение применяются судами параллельно в зависимости от ряда обстоятельств, в частности юрисдикции суда, места его нахождения и технической возможности. При этом данные механизмы не исключают, а, напротив, дополняют друг друга в процессе осуществления правосудия. Они представляют собой самостоятельные процессуальные институты гражданского судопроизводства, каждый из которых направлен на решение различных процессуальных задач.

Видеоконференц-связь применяется преимущественно тогда, когда требуется оперативно допросить лицо или обеспечить участие участника процесса [3, с. 161].

Судебное поручение способствует получению «труднодоступных» доказательств, и считать его архаичным институтом невозможно.

Да, его значение изменилось под влиянием цифровизации и развития дистанционных технологий, однако полностью заменить его, например, видеоконференц-связью невозможно.

Сегодня судебное поручение остаётся необходимым, поскольку:

1) обеспечивает получение доказательств вне территориальной юрисдикции суда;

2) позволяет совершать процессуальные действия, невозможные через видеоконференц-связь;

3) применяется при международном взаимодействии;

4) гарантирует полноту исследования доказательств.

В условиях цифровизации, развития и совершенствования электронного правосудия рассматриваются возможности применения электронных способов направления и исполнения судебных поручений, что свидетельствует о трансформации института судебного поручения, а не о его исчезновении или забвении.

Список литературы

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 01.04.2026 г.) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

2. Власов А.А. Гражданский процесс.– М.: Юрайт, 2020. – 470с.

3. Гражданский процесс / М.К. Треушников [и др.]. – М.: Городец, 2022. – 832 с.

4. Решетникова И.В. Доказывание в гражданском процессе. – М.: Юрайт, 2023. – 381 с.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2008 г. № 13 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении и разрешении дел в суде первой инстанции» // БВС РФ. 2008. № 10. 21.05.2026).

Об авторе:

ШЕВЛЯКОВА Полина Юрьевна – студентка 2 курса юридического факультета направления подготовки 40.03.01 Юриспруденция.

Принято в редакцию 11.06.2026.

Подписано в печать 17.06.2026.

К ВОПРОСУ О ПРЕДЕЛАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Н.И. Шевченко

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Научный руководитель к.ю.н., доцент кафедры гражданского права Е.В. Козырева

Статья посвящена вопросу о пределах государственного регулирования предпринимательской деятельности в условиях цифровой трансформации экономики и внедрения искусственного интеллекта. Исследуются доктринальные подходы к понятию свободы предпринимательства, формы и методы государственного воздействия.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, государственное регулирование, свобода предпринимательства, лицензирование, свобода договора.

В условиях сегодняшних реалий вопрос о пределах государственного регулирования предпринимательской деятельности как никогда является актуальным. Развитие искусственного интеллекта диктует необходимость в исследовании, что вызвано стремительным внедрением цифровых технологий, целесообразностью защиты публичных интересов и актуализацией предпринимательского права как одной из ведущих отраслей права.

В соответствии со статьей 2 ГК РФ под предпринимательской деятельностью следует понимать самостоятельную, осуществляемую на свой риск деятельность, направленную на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг субъектами, зарегистрированными в установленном законом порядке [2].

Статья 34 Конституции РФ посвящена свободе предпринимательской деятельности. Так, каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности [1].

Сегодня вопрос о пределах государственного регулирования не снижает своей остроты. Многие ученые посвятили свои труды данному вопросу.

Так, В.С. Белых отмечает, что свобода предпринимательской деятельности - основополагающий принцип предпринимательского права. Вместе с тем, свобода предпринимательства не абсолютна, поскольку она может быть ограничена в общественных интересах. Одной из форм такого ограничения - лицензирование отдельных видов предпринимательской деятельности.

Свобода предпринимательской деятельности - это универсальный принцип предпринимательского права. Он объединяет несколько самостоятельных принципов правового регулирования отношений в сфере предпринимательства (например, принцип свободы договора, дозволительный принцип, принцип свободы конкуренции) [6].

Такой ученый, как Г. А. Гаджиев, считает, что свобода предпринимательской деятельности включает в себя в соответствии с Конституцией РФ в качестве составных элементов свободу:

- выбирать род деятельности или занятий, свободу быть либо наймодателем-предпринимателем, либо нанимателем (ст. 37);

- передвигаться, выбирать место пребывания и жительства - свободу рынка труда (ст. 27);

- объединения для совместной экономической деятельности - выбора организационно-правовой формы предпринимательской деятельности и образования в уведомительном порядке различных предпринимательских структур (ст. 34);

- иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами, свободу владеть, пользоваться и распоряжаться землей и другими природными ресурсами (ст.34, 35);

- заключать гражданско-правовые и иные сделки (ч. 2 ст. 35, ст. 74, ч. 4 ст. 75);

- заниматься любой предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельностью в соответствии с принципом «разрешено все, что не запрещено законом» (ч. 1 ст. 34) [7].

При этом В.С. Белых отмечает, что принцип государственного регулирования (воздействия) предпринимательской деятельности и недопустимости произвольного вмешательства в частные дела играет важную роль в условиях рыночной экономики. По мнению автора, он означает, что государство в лице компетентных органов использует всевозможные формы и средства государственно-правового воздействия на экономические отношения [3]. Как справедливо замечает Д.Н. Сафиуллин, товарно-денежным отношениям свойственна известная спонтанность и стихийность развития. Отсюда возникает потребность в применении иерархических (публичных) механизмов регулирования хозяйственной деятельности [8].

Учитывая сказанное, В.С. Белых выделяет основные направления «государственно-правового регулирования» экономики в целом и предпринимательской деятельности, в частности. Это, например:

- антимонопольное регулирование предпринимательской деятельности;

- использование форм и методов государственного планирования и нормирования (нормы, нормативы, квоты, система государственных, региональных и муниципальных заказов);

- государственное регулирование национального рынка России; государственный контроль за предпринимательской деятельностью;

- государственное регулирование международных экономических отношений.

Обращаясь к нормативным актам, можно отметить, что термин государственного регулирования предпринимательской деятельности используется, но при этом не дается его понятие. В связи с этим обратимся к позициям ученых по данному вопросу.

Одни ученые определяют, что под государственным регулированием предпринимательства следует понимать «управленческую деятельность

государства в лице соответствующих уполномоченных органов, направленную на упорядочение экономических отношений в сфере предпринимательства с целью защиты публичных и частных интересов участников этих отношений». Другие отмечают, что «государственное регулирование предпринимательской деятельности представляет собой воздействие государства на нее путем принятия нормативно-правовых актов, правовых актов индивидуального регулирования, организации контроля за соблюдением требований законодательства к предпринимателям и применения мер стимулирования и ответственности к нарушителям этих требований» [9].

По мнению ученых, вторая позиция является наиболее правильной, при этом отмечается, что с экономической точки зрения данные определения дополняют друг друга, так как первое подчеркивает, что государство осуществляет нормативно-правовую функцию регламентации предпринимательской деятельности, но поскольку данная деятельность связана с риском, то необходимо осуществлять ее контроль [10].

Развивая данный тезис и обобщая имеющиеся в науке подходы, стоит отметить, что к способам государственного регулирования предпринимательства относят: прямое, косвенное, квазирегулирование, саморегулирование и совместное регулирование [11]. Государственное регулирование малого и среднего предпринимательства призвано обеспечить главным образом охрану публичных интересов в части:

- 1) государственных и общественных нужд, приоритетов в экономическом и социальном развитии;
- 2) защиты окружающей природной среды и рационального использования природных ресурсов;
- 3) занятости населения;
- 4) безопасности и обороны страны;
- 5) реализации свободы предпринимательства и конкуренции и защиты от монополизма;
- 6) соблюдения правопорядка во внешнеэкономической деятельности [12].

Обратимся к судебной практике, которая проиллюстрирует рассматриваемый вопрос.

Так, истец обратилась в Бологовский городской суд Тверской области с требованием признать незаконными действия ответчика по ремонту и покраске автомобилей в гаражном боксе и на земельном участке, расположенном вблизи жилых домов, а также обязать его прекратить данную деятельность. В обоснование истец указала, что ответчик использует соседний земельный участок с видом разрешенного использования «для индивидуального жилищного строительства» не по назначению, фактически осуществляя функционирование неофициальной станции технического обслуживания. Данная деятельность, по утверждению истца, сопровождается повышенным шумом, вибрацией, выбросами вредных веществ (паров краски, растворителей, выхлопных газов) в атмосферный воздух, а также отсутствием санитарно-защитной зоны и необходимых систем вентиляции и водоотведения, что делает

невозможным нормальное проживание в соседнем доме и причиняет вред здоровью. Суд удовлетворил иски, признав действия ответчика незаконными. Данный пример показывает, как государственное регулирование через установление разрешенного использования земельных участков, санитарно-эпидемиологических и экологических нормативов ограничивает предпринимательскую инициативу в жилой зоне. Тем самым Российская Федерация через судебную систему реализует публично-правовые пределы хозяйствования, устанавливая баланс между правом собственника на использование имущества и правом третьих лиц на благоприятную окружающую среду [4]. На данном примере мы можем увидеть необходимость вмешательства государства в лице судебной власти для защиты прав и законных интересов граждан. При этом не стоит рассматривать Российскую Федерацию только в качестве обременителя или ограничителя предпринимательской деятельности. Наоборот, Российская Федерация - это гарант свободного и безопасного развития предпринимательской деятельности в нашей стране.

Подтверждая вышеприведенную мысль о роли государства для защиты предпринимательской деятельности, стоит затронуть вопрос об институте Уполномоченного по защите прав предпринимателей в РФ.

В соответствии со ст. 1 Федерального закона «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации» от 07.05.2013 г., Уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей и его аппарат являются органом, обеспечивающим гарантии защиты прав предпринимателей. Статья 2 данного закона относит к его задачам защиту прав российских и иностранных предпринимателей в РФ и российских предпринимателей - за рубежом согласно законодательству и международным договорам [3].

Так, Уполномоченный по защите прав предпринимателей в Республике Коми и общество с ограниченной ответственностью «Полиграф-Плюс» (далее – ООО «Полиграф-Плюс», Общество) обратились в суд с иском к администрации муниципального образования муниципального района «Усть-Цилемский» о признании открытого аукциона на право заключения договора аренды нежилого помещения в здании типографии и договора аренды, заключенного с индивидуальным предпринимателем по результатам указанного аукциона, недействительными. Полагая, что аукционная комиссия неправомерно перенесла дату проведения аукциона и допустила индивидуального предпринимателя к участию в аукционе, истцы обратились в суд с настоящим иском, указывая, что организатором аукциона нарушены нормы статей 15, 17 Федерального закона Российской Федерации «О защите конкуренции» №135-ФЗ от 26.07.2006 г. (далее – Закон о защите конкуренции). Как установлено материалами дела, индивидуальный предприниматель незаконно был допущен к участию в аукционе, указанное обстоятельство оказало влияние на результат торгов, так как в случае проведения аукциона в установленном законом порядке, с Обществом, как единственным участником аукциона, должен был быть заключен договор аренды. Следовательно, индивидуальный предприниматель

необоснованно признан победителем аукциона. На основании вышеназванных норм права с учетом того, что допуск к участию в аукционе индивидуального предпринимателя признан незаконным, в действиях администрации было выявлено ограничение конкуренции (протокол № 2 от 31.03.2014), и договор аренды подлежал признанию недействительным. Суд искивые требования удовлетворил и признал недействительными результаты открытого аукциона [5]. Таким образом, в данном примере мы видим, что государство, будучи заинтересованным, в развитии предпринимательской деятельности в РФ в том числе в лице уполномоченного по защите прав предпринимателей обеспечивает соблюдение прав и законных интересов предпринимателей.

Таким образом, пределы государственного регулирования предпринимательской деятельности динамичны и зависят от экономических условий, общественных отношений и внешних факторов. Степень вмешательства государства может варьироваться от общедозволительного режима («разрешено всё, что не запрещено законом») до введения публично-правовых ограничений (лицензирование, антимонопольные требования, санитарные и экологические нормативы и др.). Представляется, что в условиях глобальной экономики и цифровой трансформации, основанной на внедрении искусственного интеллекта, выстраивание сбалансированного регулирования становится особенно сложным: трансформируются не только меры поддержки, но и сами способы регулирования (прямое, косвенное, квазирегулирование, саморегулирование). В настоящее время требуется особый подход на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, где чаще всего обеспечивается баланс между свободой предпринимательства и публичными интересами. При этом необходимо учитывать положительный мировой опыт и правовые позиции судов, поскольку цифровая трансформация развивается неравномерно, что напрямую влияет на определение допустимых пределов государственного воздействия на бизнес.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 25 декабря 1993 г. № 237.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ). Часть Первая // Российская газета. 8 декабря 1994 г. N 238-239.
3. Федеральный закон от 7 мая 2013 г. N 78-ФЗ «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации» // Российская газета. 08.05.2013. N 99.
4. Решение Бологовского городского суда Тверской области № 2-846/2024 2-846/2024~М-819/2024 М-819/2024 от 24 октября 2024 г. по делу № 2-846/2024.
5. Решение Арбитражного суда Республики Коми от 28.11.2014 г. по делу № А29-7060/2014.
6. Предпринимательское право России: учеб. / В. С. Белых, П71 Г. Э. Берсункаев, С. И. Виниченко [и др.]; отв. ред. В. С. Белых. — М.: Проспект, 2009. — 656 с. ISBN 978-5-392-00088-3).

7. Гаджиев Г. А. Защита основных экономических прав и свобод предпринимателей за рубежом и в Российской Федерации (опыт сравнительного исследования). М., 1995. С. 137.

8. Сафиуллин, Д. Н. Теория и практика правового регулирования хозяйственных связей в СССР / Д. Н. Сафиуллин ; Ответственный редактор - чл.-корр. РАН С.С. Алексеев. – Свердловск : Издательство Уральского университета, 1990. – С.5.

9. Российское предпринимательское право: учебник / под ред. Е.В. Ершовой, Г.Д. Отнюковой. М., 2015. С. 89; Предпринимательское право. Правовое сопровождение бизнеса: учебник для магистров / под ред. И.В. Ершовой. М., 2017. С. 851.

10. Козырева Е. В. К вопросу о государственном регулировании малого и среднего предпринимательства в условиях трансформации экономики / Е. В. Козырева, Н. В. Новикова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. – 2020. – № 1(61). – С. 130.

11. Предпринимательское право: учебник / под ред. В.В. Кваниной. М., 2017. С. 45.

12. Козырева Е.В. К вопросу о принципе государственного регулирования предпринимательской деятельности // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2013. № 2. С. 34 - 36.

Об авторе:

ШЕВЧЕНКО Никита Игоревич - студент 4 курса юридического факультета направления подготовки 40.03.01 Юриспруденция.

Принято в редакцию 11.06.2026.

Подписано в печать 17.06.2026.

Конституционное, административное и муниципальное право

МЕСТНЫЙ РЕФЕРЕНДУМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ

А.Р. Арутюнова

ФГБОУ «Пятигорский государственный университет»

Научный руководитель к.ю.н., С.М. Арзуманова

В статье анализируются нормы действующего законодательства, которые посвящены местному референдуму в РФ. Также рассмотрены вопросы определения местного референдума, его значения. В статье отмечены пробелы действующего законодательства и сформулированы предложения по его совершенствованию.

Ключевые слова: местный референдум; местное сообщество; представительная демократия.

В настоящее время в России отношения между политическими институтами и населением находятся не в лучшем своем состоянии, что может постепенно приводить к все большей отстраненности граждан от власти и недоверию к ней. Представители власти на разных уровнях активно ищут способы создания и объединения интересов местных сообществ с государственными институтами. Установление продуктивного диалога между властью и населением станет основой для стабилизации как социально-политической ситуации в стране, так и повышения уровня жизни граждан. Муниципальное право выделяет один из институтов местного самоуправления - местный референдум.

Одними из первых исследователей референдумов в области общественно-политической жизни России были М.М. Ковалевский, П.И. Новгородцев, Н.М. Коркунов и другие. Они рассматривали референдум как средство привлечения граждан к нормотворчеству, позволяющее реализовать волю народа в государственной деятельности [4, с. 88].

Согласно статьям 3 и 130 Конституции Российской Федерации референдум является важной формой прямого выражения власти народа. Как отмечает Арзуманова С.М. «органы местного самоуправления не подчинены органам государственной власти и не обязаны согласовывать с ними свои решения... имеют особенности и в формах своей деятельности. Перечисляя эти формы, Конституция ставит на первое место референдумы и другие формы прямого волеизъявления граждан» [2, с.23]. Участие граждан в референдуме по местным вопросам представляет собой гарантию развития местного самоуправления и роста политической активности населения. Статистика говорит о том, что большинство местных референдумов, проводимых в России, инициировались органами местного самоуправления и большинство вопросов были связаны с самообложением граждан. К сожалению, вынесение более важных вопросов, имеющих повышенное общественное значение, сопряжено с трудностями. Зачастую эти вопросы не поддерживаются местными властями, а проведение

местных референдумов налагают достаточно большое бремя на местный бюджет и затратно.

Однако, существующая пассивность граждан в решении местных вопросов объясняется некоторой неэффективностью работы органов самоуправления, увеличивающимся разрывом между реальными потребностями людей и приоритетами властей. Часто местные власти затрудняют участие граждан в решении вопросов и контроле за выполнением решений. Несогласие с действиями местной администрации часто приводит к судебным разбирательствам, особенно по вопросам градостроительной документации, распределению бюджета и зонирования территории.

По нашему мнению, это негативно влияет на степень доверия населения к власти и демократия, в ее прямом понимании, утрачивает свой смысл и свою сущность. Бюрократическая система может стать причиной еще большего избегания участия населения в осуществлении демократии на местах.

Еще одной причиной пассивности граждан является правовая неосведомленность о местных референдумах и их потенциале для решения местных проблем.

Так, Тхабисимова Л.А. отмечает, что «в настоящее время ряд институтов непосредственной демократии, особенно – на уровне местного самоуправления, характеризуются количественным изменением численности граждан, принимающих участие в референдумах и выборах различных уровней в сторону уменьшения, что увеличивает вероятность искажения воли избирателей, способствует снижению доверия к результатам волеизъявления граждан» [3, с. 67].

Безусловно, наблюдая тенденцию к совершенствованию представительной демократии с учетом использования новейших цифровых коммуникационных технологий, можно говорить о большей заинтересованности и вовлеченности населения в участии в демократических институтах.

Таким образом, крайне важно активизировать участие граждан в местном самоуправлении через использование референдумов как инструмента демократии.

Актуальные вызовы, такие как недоверие к власти, требуют усовершенствования механизмов вовлечения граждан, что будет способствовать укреплению демократии и повешению социальной активности. Кроме того, необходимо устранить существующие правовые барьеры и повысить осведомленность населения о референдумах для эффективного развития муниципальных институтов.

Список литературы

1. Аминов И.Р. Актуальные проблемы и перспективы развития самоуправления городского округа город Уфа Республики Башкортостан // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2017. № 3 (77). С. 22-26.

2. Арзуманова С. М. Консультативные институты муниципальной демократии в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование: дисс. ... канд. юрид. наук Казань, 2023. 190 с.

3. Тхабисимова, Л. А. К вопросу о проблемах осуществления непосредственного участия населения в решении вопросов местного значения / Л. А. Тхабисимова, С. М. Арзуманова // Право и информация: вопросы теории и практики : Материалы IV Международной научно-практической конференции, посвященной 300-летию Российской империи и 30-летию образования Российской Федерации, Пятигорск, 21–23 января 2022 года. – Пятигорск: Пятигорский государственный университет. – 2022. – С. 64-69.

4. Черкасов А.И. Институт местного референдума как форма прямой демократии в странах-членах Европейского Союза // Государство и право. – 2019. – № 8. – С. 86–94.

Об авторе:

АРУТЮНОВА Алина Руслановна – студентка 4 курса Института юриспруденции и инжиниринга направления подготовки 40.03.01 Юриспруденция.

Принято в редакцию 11.06.2026.

Подписано в печать 17.06.2026.

ЗНАЧЕНИЕ И ГАРАНТИИ ПРАВ ГРАЖДАН НА ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

М.А. Димидова

ФГБОУ «Пятигорский государственный университет»

Научный руководитель к.ю.н., С.М. Арзуманова

В статье анализируются нормы законодательства, гарантирующие гражданам право на осуществление местного самоуправления, его значение и место в системе прав граждан. Автор также рассматривает проблему реализации прав граждан на осуществление местного самоуправления.

Ключевые слова: местное самоуправление, права граждан, органы местного самоуправления, гражданская позиция, гарантии прав граждан.

Институт местного самоуправления выступает ключевым звеном демократической структуры Российской Федерации, предоставляя гражданам возможность напрямую участвовать в управлении на местном уровне. Конституция РФ закрепляет право граждан на осуществление местного самоуправления как один из устоев конституционного строя. Осознание сути этого права, его важности для развития социума и государства, а также существующих механизмов его защиты представляется крайне важным для формирования активной гражданской позиции и качественного функционирования всей системы государственной власти.

Реализация права граждан на осуществление местного самоуправления не ограничивается лишь перечислением конкретных форм. Она предполагает создание и поддержание условий, обеспечивающих реальную возможность участия каждого гражданина в управлении делами местного значения. К таким условиям относятся: доступ к информации о деятельности органов местного самоуправления, возможность получения юридической консультации и помощи, защита прав граждан в сфере местного самоуправления, развитие гражданской активности и инициативы.

Эффективное осуществление права на местное самоуправление требует от граждан не только знания своих прав и обязанностей, но и активной гражданской позиции, готовности участвовать в решении проблем местного сообщества. Важную роль здесь играют общественные объединения, некоммерческие организации, средства массовой информации, которые способствуют формированию общественного мнения, контроль за деятельностью органов местного самоуправления и защите прав граждан. Немаловажную роль здесь также играет степень доверия населения к органам местного самоуправления, доступность всех форм реализации своего права в осуществлении местного самоуправления и информативность деятельности органов местного самоуправления.

В свою очередь, органы местного самоуправления обязаны создавать условия для участия граждан в осуществлении местного самоуправления,

обеспечивать открытость и прозрачность своей деятельности, применяя электронные форматы взаимодействия населения и органов местного самоуправления, учитывать мнение населения при принятии решений. Как отмечает Тхабисимова Л.А. «на современном этапе развития государственного управления его открытость становится необходимостью» [1, с. 67]. Важным инструментом здесь является развитие механизмов общественного контроля за деятельностью органов местного самоуправления, таких как общественные советы, комиссии, слушания и другие формы.

Право граждан на осуществление местного самоуправления представляет собой комплексную правовую категорию, включающую совокупность возможностей, предоставленных населению для самостоятельного и под свою ответственность решения вопросов местного значения [2, с. 44].

Обеспечение реализации права граждан на местное самоуправление – это не только юридическая обязанность государства, но и ключевой фактор стабильного развития общества. Эффективно функционирующее местное самоуправление позволяет выявлять и решать проблемы на местах, оперативно реагировать на потребности населения, что, в свою очередь, укрепляет доверие к власти и создает благоприятный климат для развития.

Важным аспектом является и то, что местное самоуправление выступает в роли связующего звена между государством и обществом. Граждане, участвуя в решении местных вопросов, приобретают навыки самоорганизации, коллективного принятия решений и контроля за их исполнением. Это способствует формированию активной гражданской позиции и развитию чувства ответственности за судьбу своей территории.

По мнению Арзумановой С.М. «проблема развития и совершенствования институтов непосредственной демократии актуализирована изменениями, происходящими в законодательстве, и ролью этих институтов в демократическом обществе» [3, с.177].

Подводя итог вышесказанному, можно сказать, что государственные гарантии осуществления прав граждан на местное самоуправление, должно обеспечить использование различных средств, условий реализации данного права, а также всячески способствовать его развитию и совершенствованию, разумеется, посредством совершенствования законодательства о местном самоуправлении. Недавние изменения, которые были внесены в 2025 году в законодательство о местном самоуправлении значительно сузили перечень форм участия граждан в местном самоуправлении, что не лучшим образом отразится на эффективности участия граждан и обратной связи от населения.

Развитие местного самоуправления требует постоянного внимания и поддержки со стороны государства, а реализация права граждан на местное самоуправление – это непрерывный процесс, требующий постоянного внимания и совершенствования со стороны государства, органов местного самоуправления и самого гражданского общества.

Список литературы

1. Тхабисимова, Л. А. К вопросу о проблемах осуществления непосредственного участия населения в решении вопросов местного значения / Л. А. Тхабисимова, С. М. Арзуманова // Право и информация: вопросы теории и практики. – 2022. – С. 64-69.

2. Кутафин О.Е., Фадеев В.И. Муниципальное право Российской Федерации: учебник. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2019.

3. Арзуманова, С. М. Актуальные проблемы реализации форм взаимодействия населения и органов местного самоуправления // Уральский Форум конституционалистов: материалы седьмого Уральского Форума конституционалистов. – 2022. – С. 175-180.

Об авторе:

ДИМИДОВА Мария Амирановна – студентка 3 курса Института юриспруденции и инжиниринга направления подготовки 40.03.01 Юриспруденция

Принято в редакцию 11.06.2026.

Подписано в печать 17.06.2026.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМА РЕАЛИЗАЦИИ ФОРМ НЕПОСРЕДСТВЕННОГО ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ НАСЕЛЕНИЕМ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Д.А. Журавлева

ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»

Научный руководитель к.ю.н., С.М. Арзуманова

В статье проведен анализ современного состояния механизма реализации форм непосредственного осуществления населением местного самоуправления. Приведены примеры реализации различных форм. Автором рассмотрены вопросы значения и роли участия граждан в местном самоуправлении.

Ключевые слова: *местное самоуправление, муниципальная демократия, органы местного самоуправления.*

Реформирование основ местного самоуправления, начало которого положено конституционной реформой 2020 г. и имеющего продолжение принятием нового Федерального закона от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», демонстрирует явное сокращение форм непосредственного осуществления населением местного самоуправления и участия в нем [4].

Правовая основа местного самоуправления неоднократно претерпевала существенные изменения на всем протяжении своего развития. В связи с этими изменениями большая нагрузка ложится на органы местного самоуправления, по приведению в соответствие своих нормативных правовых актов под принятые законы и новые условия.

Особенностью российского местного самоуправления является его правовое закрепление в Конституции РФ и Федеральном законе № 33-ФЗ "Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти" [1] [4]. Этот нормативный правовой акт определяет механизмы и формы участия граждан, устанавливая юридические рамки и процедуры вовлечения населения в процессы принятия решений. Важной задачей является изучение, каким образом законодательство обеспечивает возможность гражданам влиять на деятельность муниципальных властей, а также выявление существующих ограничений и гарантий их законных прав.

Государство устанавливает правовые рамки и контролирует соблюдение законности, однако именно муниципальные учреждения реализуют задачи, напрямую связанные с жизнью конкретных сообществ. Это обеспечивает гибкость и оперативность принятия решений, необходимую для адаптации управления к специфике региона, городской или сельской территории. В этом контексте местное самоуправление становится инструментом реализации принципов демократии на самом близком к людям уровне. Главная ценность местного самоуправления заключается в том, что оно предоставляет возможность гражданам непосредственно участвовать в управлении и развитии своей территории. Жители муниципалитетов, обладая этим правом, получают

право влиять на формирование приоритетов и направлений развития территории, что повышает социальную ответственность и улучшает качество реализуемых проектов и программ. Усиление связи между населением и органами власти способствует большему доверию и снижает дистанцию в коммуникации, что является фундаментом устойчивого общественного развития.

Без участия населения процессы принятия решений рискуют стать формальными и оторванными от реальных нужд и проблем. Напротив, когда граждане активно включаются в развитие своей территории, создаётся предпосылка для прозрачного и подотчётного управления, формируется компетентное сообщество, способное решать локальные вызовы.

К формам непосредственного осуществления населением местного самоуправления новый закон отнес местный референдум, муниципальные выборы, сход граждан, а к формам участия — публичные слушания и общественные обсуждения, опрос, собрание граждан, инициативные проекты, территориальное общественное самоуправление, староста сельского населенного пункта.

Перечень форм сократился по сравнению с закрепленным в ФЗ № 131-ФЗ [2]. Есть формы, которые и вовсе не нашли своего законодательного закрепления (правотворческая инициатива, отзыв депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления).

Публичные слушания представляют собой организованную процедуру обсуждения конкретных вопросов, связанных с деятельностью органов местного самоуправления, в которых могут принять участие все заинтересованные граждане муниципального образования. Эта форма участия направлена на обеспечение открытой и прозрачной платформы для обмена мнениями, выработки рекомендаций и формирования коллективного решения по важным для территории вопросам.

Собрания граждан представляют собой коллективные мероприятия, на которых жители муниципального образования собираются для обсуждения вопросов местного значения и совместного принятия решений. Основным назначением таких собраний является выработка общей позиции по актуальным темам, затрагивающим интересы сообщества, а также контроль за деятельностью органов местного самоуправления. В отличие от публичных слушаний, которые преимущественно направлены на обсуждение конкретных проектов или инициатив, собрания имеют более широкий формат и могут касаться любых аспектов жизни территории.

Активность населения в вопросах местного самоуправления способствует формированию более точного и адекватного представления о потребностях и проблемах сообщества. Жители, вовлечённые в принятие решений, предоставляют органам власти своевременную и практически ценную информацию, которая помогает выявлять приоритетные направления развития территории [6]. Это снижает вероятность ошибочных или формальных решений, делая муниципальные программы более ориентированными на реальные вызовы и возможности. Вовлечённость граждан способствует повышению прозрачности

и подотчётности органов местного самоуправления. Регулярное обращение населения через различные формы участия создаёт естественный механизм контроля за действиями администрации, что стимулирует должностных лиц к более тщательному исполнению своих обязанностей и соблюдению правовых норм. Возникает эффект обмена ответственностью между властями и обществом, который усиливает доверие и способствует укреплению социального капитала. Практические результаты участия проявляются в улучшении качества предоставляемых услуг и муниципальных проектов. За счёт прямого взаимодействия с жителями органы власти получают возможность оперативно выявлять недостатки, вносить необходимые корректировки и эффективно распределять ресурсы.

Так, инициативы, выдвинутые населением, нередко становятся импульсом для реализации инновационных решений и улучшений, которые иначе могли бы остаться незамеченными. Большое значение имеет и социокультурный эффект активного включения граждан. Участие в общественных процессах способствует развитию чувства принадлежности и ответственности за место жительства, объединяет различные группы населения вокруг общих целей и задач. Это снижает уровень конфликтности, способствует развитию местных сообществ и поддерживает стабильность на территории муниципалитета. В конечном итоге вовлечение населения в принятие решений на местном уровне положительно отражается на качестве управления. Оно помогает формировать сбалансированные, взвешенные решения, основанные на широком спектре мнений и информации, и создает базу для долгосрочного устойчивого развития. Путём активного диалога и взаимодействия власти и общества формируется эффективная модель муниципального управления, адаптированная к реалиям и запросам конкретной территории.

Вместе с тем, хочется отметить, что без единообразного правового регулирования реализация местного самоуправления в разных регионах и муниципальных образованиях будет различной. Практика применения ФЗ №131 показала, что не все субъекты РФ и муниципальные образования в своих нормативных правовых актах регулируют формы вовлечения граждан в местное самоуправление, что может негативно повлиять на реализацию прав граждан в сфере местного самоуправления [2]. Нормативные правовые акты в субъектах обычно содержат отсылочные нормы к уставам муниципальных образований, а муниципальные уставы только называют форму, но сам порядок ее реализации не устанавливают. Это значительно снижает возможность ее осуществления. Это можно сказать об отзыве депутата представительного органа, члена выборного органа и выборного должностного лица местного самоуправления. В соответствии с п. 2. ст. 24 ФЗ № 131 основания для отзыва и процедура отзыва указанных лиц устанавливались уставом муниципального образования, который регламентировал лишь возможность отзыва либо устанавливал перечень оснований для него, а сам порядок реализации процедуры отзыва не регламентировались [2]. Это оказало существенное влияние на возможность и частоту использования такой формы. В этой связи, отзыв депутата

представительного органа, члена выборного органа и выборного должностного лица местного самоуправления был исключен из перечня, что может негативно сказаться на ответственности депутатского корпуса перед населением и осуществлением контроля за его деятельностью.

Законодательное закрепление форм осуществления местного самоуправления и участия в нем дает реальную возможность их реализации, устанавливает определенные правовые рамки, благодаря которым население определяет и понимает свои права и способы участия в местном самоуправлении. Это сделает процесс управления на муниципальном уровне более прозрачным и как следствие — поспособствует снижению случаев злоупотреблений со стороны органов власти[5].

Представляется, что закрепление широкого перечня форм вовлечения граждан в местное самоуправление должно осуществляться именно на федеральном уровне, поскольку это предоставит возможность гражданам выбрать наиболее приемлемую и удобную для них форму участия в местном самоуправлении, а органам местного самоуправления позволит максимально оперативно и эффективно взаимодействовать с населением, учитывать его мнения и предложения при принятии управленческих решений, в чем и выражается сущность местного самоуправления.

Как отмечают Л.А. Тхабисимова и С.М. Арзуманова на основе анализа материалов правоприменительной практики, необходимо расширение видов и форм реализации процедур консультативной демократии на муниципальном уровне [7].

В заключении, следует отметить, что задачей демократического государства является создание благоприятных условий для реализации прав и свобод его граждан, повышения качества их жизни путем расширения перечня форм вовлечения граждан в местное самоуправление, в том числе с применением современных цифровых технологий. Это укрепит доверие граждан к местным властям и сделает ее более открытой для населения. Для этого законодателю необходимо закрепить те востребованные и действенные формы в законе, которые уже положительно зарекомендовали себя на практике, а также определить порядок и условия их реализации.

Таким образом, местное самоуправление станет реальным важнейшим демократическим институтом, благодаря четкому правовому регулированию и информированию граждан о реальных формах участия в местном самоуправлении.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) / Российская газета. – № 237. – 25.12.93.
2. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 13.12.2024) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» / СЗ РФ. – 06.10.2003. – № 40. – ст. 3822.

3. Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» / Российская газета. – № 95. – 05.05.2006.

4. Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ (ред. от 20.03.2025) «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» / СЗ РФ. – 24.03.2025. – № 12. – ст. 1200.

5. Соловьев С.Г., Бычкова Е.И. Муниципальное право — М.: Норма, 2015. — 407 с.

6. Арзуманова, С. М. Территориальное общественное самоуправление как форма опосредованного участия граждан в осуществлении местного самоуправления / С. М. Арзуманова // Актуальные проблемы правового, социального и политического развития России : Материалы XIV Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов, соискателей, Саратов, 08 апреля 2021 года. – Саратов: Издательство "Саратовский источник", 2021. – С. 10-14.

7. Тхабисимова, Л. А. Современные тенденции развития консультативной демократии на муниципальном уровне / Л. А. Тхабисимова, С. М. Арзуманова // Образование и право. – 2022. – № 5. – С. 26-30.

Об авторе:

ЖУРАВЛЕВА Дзерасса Александровна – студентка 3 курса Института юриспруденции и инжиниринга направления подготовки 40.03.01 Юриспруденция.

Принято в редакцию 11.06.2026.

Подписано в печать 17.06.2026.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ И РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА ДЕТЕЙ-СИРОТ НА ЖИЛИЩЕ В МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ

И. В. Мотайлов, Д. С. Новиков

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Научный руководитель к.ю.н., доцент Е.А. Рязанова

В статье анализируется содержание конституционного права на жилище применительно к наиболее уязвимой категории граждан – детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей. Рассматриваются механизмы реализации жилищных прав на муниципальном уровне. В контексте общерегиональной статистики Тверской области выявляются основные проблемы правоприменения. Предлагаются пути совершенствования муниципальной политики в данной сфере.

Ключевые слова: конституционное право на жилище, дети-сироты, жилищный сертификат, Тверская область, муниципальное образование.

Право на жилище является фундаментальным элементом конституционно-правового статуса личности в Российской Федерации, что корреспондирует с общепризнанными принципами и нормами международного права, закрепленными во Всеобщей декларации прав человека и Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах.

Прежде всего стоит отметить, что основное нормативное закрепление данного права содержится в статье 40 Конституции Российской Федерации [1], содержание которой раскрывает три ключевых аспекта: гарантия неприкосновенности – право на жилище означает запрет произвольного лишения гражданина его жилья; поощрение государством – органы публичной власти обязаны поощрять жилищное строительство и создавать условия для осуществления права на жилище; социальная поддержка – малоимущим и иным указанным в законе гражданам, нуждающимся в жилье, оно предоставляется бесплатно или за доступную плату из государственных, муниципальных и других жилищных фондов в соответствии с установленными законом нормами.

На основании конституционных норм государственная политика по обеспечению конституционного права сирот и детей оставшихся без попечения родителей базируется на положениях Федерального закона от 21.12.1996 № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» [2]; Федерального закона № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества»; Гражданского кодекса РФ [3], Жилищного кодекса РФ [5]; Семейного кодекса РФ [4], Постановления Правительства РФ от 21.12.2023 № 2227 [6]; а на региональном уровне Региональными законами и постановлениями: например, Законом Тверской Области от 06.02.2013 №2-ЗО «Об обеспечении жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, выстраивается государственная политика по обеспечению конституционного права сирот и детей оставшихся без попечения родителей». Необходимо обратить внимание на

то, что забота о детях определена в качестве важнейшего приоритета государственной политики.

Каким образом реализуется право ребенка на жилище в случае утраты родительского попечения? При возникновении такого юридического факта органы опеки и попечительства обязаны предоставить благоустроенное жилое помещение из специализированного жилищного фонда, при этом по достижении 18 лет такое жилье подлежит переоформлению в полноценное (по договору найма специализированного жилого помещения с последующим предоставлением жилья по договору социального найма): именно с этим связано возникновение ряда проблем.

Чтобы выявить сущность таких проблем и, как следствие, определить количественную и качественную составляющую проблематики обеспечения конституционного права детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, необходимо обратиться к статистическим данным по реализации жилищных прав детей-сирот на муниципальном уровне и правоприменительной практики и в масштабах Тверской области, поскольку финансирование и распределение жилья осуществляется в рамках региональных программ.

Итак, по данным Отчета Счетной палаты Российской Федерации [7], опубликованным в октябре 2025 года, ситуация с обеспечением жильем детей-сирот в регионах страны неоднородна: с 1 января 2023 года по 1 июля 2025 года численность детей-сирот, своевременно не обеспеченных жилыми помещениями, в целом по стране снизилась на 5,6% - со 190,8 тыс. до 180,1 тыс. человек. 2023 ознаменовался обеспечением жильем 37,5 тыс. детей-сирот, а 2024 год - 38 тыс. Стоит обратить внимание на то, что сокращение задолженности характерно не для всех регионов: Тверская область попала в число субъектов РФ, где было выявлено сокращение числа фактически предоставленных жилых помещений при одновременном росте очереди нуждающихся. В настоящем отчете Счетной палаты Российской Федерации указано, что за период 2023–2024 годов количество детей-сирот, стоящих в очереди на получение жилья в Тверской области, выросло на 7% достигнув к середине 2025 года показателя в 1 762 человека, что соотносится с проблемами соседних регионов (например, Ярославской области, где очередь превышает 2,5 тыс. человек).

Важно, что статья 8 Федерального закона от 21.12.1996 года №159-ФЗ не содержит указания на сроки предоставления жилья сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей. Из этого следует, что жилые помещения специализированного жилищного фонда для детей-сирот предоставляются им по общему правилу немедленно по достижении ими 18 лет, а также в случае наступления иных обстоятельств, указанных в законе. При этом Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда Российской Федерации в определениях от 22.04.2014 года №7-КГ14-2 [9], от 13.10.2015 года №20-КГПР15-11 [10], от 14.11.2017 года №7-КГ17-8 [11], от 14.11.2017 года №7-КГ17 [12] указывает, что отсутствие надлежащего финансирования на цели обеспечения жильем детей-сирот не может служить основанием для отказа.

По данным Доклада о деятельности Уполномоченного по правам ребенка в Тверской области в 2024 году [8] большее количество обращений поступило именно в сфере реализации жилищных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из их числа (24). Общее количество детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей по состоянию на 2024 год составило 3100 человек, состоящих на учете по предоставлению жилья – 2394 человека, а лиц старше 23 лет – 540 человек. В свою очередь, количество лиц указанной категории, чье право на получение жилья реализовано в 2024 году составило лишь 138 человек. Важно пояснить, что дети-сироты порой отказываются от предоставленного жилого помещения. Причины таких отказов носят объективный характер: во-первых, предлагаемое жилье часто находится в другом населенном пункте или регионе, что приводит к весьма затруднительному сохранению социальных связей, трудоустройству и продолжению учебы; во-вторых, предоставляемые помещения нередко признаются непригодными для проживания (аварийные, без коммуникаций, с плесенью); в-третьих, процедура оформления жилья может затягиваться на годы, и к моменту предложения человек уже успевает создать семью, и норма площади (например, 18 кв. м на человека) становится недостаточной для совместного проживания с детьми. Речь идет не о добровольном отказе от права, а о невозможности его реализовать на предлагаемых государством условиях. В Тверской области далеко не много судебных дел, прямо связанных с отказом детей-сирот от предоставленного жилья. Вместе с тем фактические отказы имеют место, однако они трансформируются в споры о ненадлежащем исполнении обязанности по обеспечению жильём, что затрудняет их статистический учёт.

Необходимо отметить, что в Докладе о деятельности Уполномоченного по правам ребенка по Тверской области за 2023 год в адрес Министерства давалась рекомендация при выявлении жилья, нуждающегося в ремонте и закреплённого за сиротами, принимать меры по проведению его ремонта с целью обеспечения сохранности, но рекомендация не была исполнена, что отражается на состоянии жилья. Вопрос о том, кто оплачивает ремонт жилья детей-сирот, законодательно урегулирован следующим образом: если жилое помещение принадлежит сироте на праве собственности (например, получено в наследство или приватизировано до утраты попечения), то обязанность по поддержанию его в надлежащем состоянии лежит на опекуне (за счет средств ребенка, включая пенсию по потере кормильца) либо на самом сироте после 18 лет. Если же жилье является специализированным (предоставлено государством по договору найма), то капитальный ремонт оплачивает наймодатель (муниципалитет или субъект РФ), а текущий – наниматель (сирота). Однако на практике муниципалитеты часто уклоняются от этой обязанности, предоставляя жилье, требующее вложений, что и было отмечено Уполномоченным по правам ребенка по Тверской области.

Обращения лиц, из числа детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, за которыми закреплены жилые помещения, находящиеся в муниципальной собственности, свидетельствуют о том, что за сохранностью

таких помещениях не осуществляется контроль и со стороны органов местного самоуправления – собственников жилья. Возникает закономерный вопрос: если жилье закреплено за детьми-сиротами или детьми, оставшимся без попечения родителей не используется, то какова дальнейшая судьба этого жилья? Закрепленное жилье (то есть жилое помещение, которое сохраняется за ребенком на период его пребывания в детском доме или у опекуна) юридически никуда не исчезает – оно остается в реестре муниципальной или государственной собственности. Однако фактически, при отсутствии контроля, такие квартиры могут приходить в негодность (затопления, разрушение инженерных систем), либо в них незаконно вселяются посторонние лица (в том числе бывшие родственники), либо они становятся предметом мошеннических схем. В некоторых случаях администрация может попытаться реализовать такое помещение на торгах, если «забыла» о закреплении права ребенка, что впоследствии оспаривается в суде.

Существующие методики закрепления жилья за детьми-сиротами различаются в зависимости от региона, но общий подход таков: при выявлении ребенка, оставшегося без попечения родителей, орган опеки проводит проверку, имеется ли у него на праве собственности или по договору социального найма какое-либо жилое помещение. Если такое помещение есть (например, квартира родителей, которые не были ее лишены), орган опеки издает постановление о «закреплении» жилья – то есть о сохранении за ребенком права пользования им на весь период его нахождения в детском учреждении или у опекуна. Само жилье при этом может быть: передано в доверительное управление специализированной организации; оставлено в пользовании родителей, если они не лишены прав, но с ограничением права распоряжения; опечатано и законсервировано. Если собственного жилья нет, начинается процедура постановки на учет для получения специализированного жилья после 18 лет. Методики различаются по критериям: в одних регионах закрепление происходит автоматически при выявлении статуса, в других – требуется отдельное заявление законного представителя; в некоторых субъектах РФ ведется реестр закрепленных жилых помещений с ежегодным мониторингом их состояния, в других – такой контроль отсутствует, что ведет к их утрате

Как реализуется нарушенное конституционное право детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей на практике? Анализ судебной практики Тверской области за 2023–2025 годы показывает устойчивую тенденцию: суды системно удовлетворяют требования детей-сирот о предоставлении жилья, признавая незаконным бездействие органов власти и отклоняя ссылки на недостаток финансирования и очередность.

Например, Решение № 2-1880/2025 от 26 июня 2025 г. [13] по делу № 2-2823/2023~М-2388/2023: Московский районный суд г. Твери, рассмотрев в открытом судебном заседании гражданское дело по исковому заявлению лица из числа списка детей-сирот к Администрации города Твери, Администрации Вышневолоцкого муниципального округа Тверской области, Министерству социальной защиты населения Тверской области о возложении обязанности

обеспечить финансирование расходов на приобретение жилого помещения и предоставлении жилого помещения, решил: обязать Министерство социальной защиты населения Тверской области обеспечить финансирование расходов Администрации города Твери в 2026 году для обеспечения лица из числа списка детей-сирот жилым помещением специализированного жилищного фонда по договору найма специализированного жилого помещения не позднее шести месяцев со дня выделения финансирования в необходимом объеме. Стоит учесть, что истец (сирота) ждал свое жилье с 2017 года.

К тому же разрешение споров по поводу предоставления непригодного жилья детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, зачастую удается решить лишь путем обращения в вышестоящие правоохранительные органы: например, по официальным данным в «Информационный центр Следственного комитета России обратилась сирота из Тверской области по вопросу нарушения ее жилищных прав. Женщина сообщила, что ранее ей была предоставлена комната в квартире дома на улице Степана Разина в микрорайоне Шахта 6 города Нелидово. Жилье оказалось непригодным – в связи со значительным физическим износом конструкций в 2019 году здание 1956 года постройки было признано аварийным и впоследствии расселено. Однако благоустроенное жилье сироте до настоящего времени так и не предоставили. При этом пользоваться закрепленным за ней помещением в селе Кривцово Тверской области заявительница не имеет возможности, поскольку по результатам проведенного в 2007 году обследования оно также было признано непригодным для проживания. Кроме того, на протяжении продолжительного времени заявительница, вынужденная арендовать квартиру за свой счет, состоит на учете лиц, нуждающихся в предоставлении жилья по договору социального найма. Обращения в различные инстанции результатов не принесли. Председатель Следственного комитета Российской Федерации Александр Бастрыкин поручил руководителю Следственного управления Следственного комитета России по Тверской области Альберту Кизимову возбудить уголовное дело и представить доклад о ходе и результатах его расследования» [14].

Нарушенное конституционное право детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, как мы определили, может быть реализовано в судебном порядке, но порой возникают случаи игнорирования судебных решений – подтверждением тому является анализ прокурорских проверок в Тверской области: в период 2023–2025 гг. зафиксированы случаи возбуждения уголовных дел по фактам неисполнения судебных решений о предоставлении жилья детям-сиротам. Однако такие дела редко завершаются вынесением обвинительного приговора по ст. 315 Уголовного кодекса РФ, поскольку органы власти, как правило, исполняют судебные решения после вмешательства надзорных и следственных органов. По данным главного информационного видеопортала Твери и Тверской области TVTVER.ru от 15.08.2025 [15], в Следственный комитет России обратился сирота из Твери из-за длительного непредоставления жилья. Несмотря на то, что он более пяти лет состоит на учёте и имеется вступившее в силу судебное решение, жилое помещение ему до сих пор не

предоставлено. Многочисленные обращения результата не дали, в связи с чем следственными органами по Тверской области была организована процессуальная проверка.

Помимо договора найма специализированного жилого помещения, конституционное право детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей может обеспечиваться и путем особых сертификатов. Постановлением Правительства России от 21 декабря 2023 года №2227 в 2024 году дети-сироты, достигшие возраста 23 лет, начали получать сертификаты на покупку благоустроенного жилья в любом регионе или на полное погашение ипотечного кредита. Постановление подготовлено для реализации новых норм федерального закона «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», принятых в августе 2023 года. Эти нормы на федеральном уровне расширили формы обеспечения жильём сирот, которые раньше могли претендовать на получение квартиры только по договору найма специализированного жилого помещения.

Эффективность подобных сертификатов все же остается спорной: в Тверской области механизм жилищных сертификатов показал низкую эффективность. Из-за расчета выплаты по единой региональной, а не муниципальной среднерыночной цене квадратного метра, стоимость сертификата часто не соответствует реальным ценам на рынке недвижимости конкретного округа. В отчете Счетной палаты Российской Федерации по состоянию на апрель 2026 года прямо указано, что в Тверской области сертификаты помогли решить проблему лишь 14 человекам, а количество очередников старше 23 лет (чьи права уже нарушены) выросло на 36%. Стоит вновь коснуться и низкого качества предоставляемого жилья: нередки случаи приобретения муниципалитетами жилых помещений, не соответствующих санитарным нормам или требующих капитального ремонта, что нарушает право сирот на достойное жилище.

Рассмотренные проблемы реализации конституционного право детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей не остались без внимания и рекомендаций со стороны Министерства образования, Министерства строительства и ЖКХ РФ, а также профильных министерств Тверской области, неоднократно высказанных в докладах Уполномоченного по правам ребенка и актах прокурорского реагирования, которые включают следующие системные меры: обеспечить ежегодный мониторинг состояния закрепленных жилых помещений с составлением актов осмотра; разработать региональную программу проведения капитального ремонта такого жилья за счет бюджета субъекта РФ; обязать органы опеки в 3-месячный срок после выявления ребенка-сироты подавать заявление о его постановке на жилищный учет; создать механизм административной ответственности должностных лиц за неисполнение судебных решений о предоставлении жилья; перейти на дифференцированный расчет жилищных сертификатов по муниципальным образованиям. Однако, как показал анализ, большинство этих рекомендаций остаются неисполненными.

Проведенный анализ показывает, что в Тверской области существует значительный разрыв между конституционными гарантиями (ст. 40) и реальным

положением дел применительно к реализации этих норм в отношении детей-сирот.

В конечном счете возникает вопрос: как именно необходимо поступить во имя благоприятного обеспечения конституционного права детей на жилище? Стоит на региональном уровне пересмотреть методику расчета жилищных сертификатов, перейдя на дифференцированную стоимость квадратного метра в разрезе муниципальных образований (городские округа и районы), как того требует Счетная палата РФ; на муниципальном уровне активизировать работу по формированию маневренного и специализированного фонда, а также усилить контроль за исполнением судебных решений в части предоставления жилья, а на институциональном уровне усилить взаимодействие органов опеки и попечительства с прокуратурой для выявления фактов предоставления непригодного жилья и необоснованных отказов во включении в список очередников.

Из вышеизложенного следует сделать вывод о том, что лишь комплексный подход, сочетающий достаточное бюджетное финансирование (в 2025 году расходы РФ выросли на 12% до 110 млрд руб.) и эффективную муниципальную политику, способен обеспечить неотъемлемое конституционное право ребенка-сироты на жилище.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Федеральный закон «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» от 21.12.1996 № 159-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 52. Ст. 5880.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.03.2026) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
5. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // СЗ РФ. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 14.
6. Постановление Правительства РФ от 21.12.2023 N 2227 (ред. от 16.04.2026) // Правительство России [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru> (дата обращения: 02.04.2026).
7. Отчет о работе Счетной палаты Российской Федерации в 2025 году // Счетная палата Российской Федерации // официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://ach.gov.ru> (дата обращения: 02.04.2026).
8. Доклад о деятельности уполномоченного по правам ребенка в Тверской области в 2024 году // Уполномоченный при Президенте по правам ребенка // официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://deti.gov.ru> (дата обращения: 01.04.2026).
9. Определение Верховного Суда РФ № 7-КГ14-2 от 22.10.2014 // Верховный Суд Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsrif.ru> (дата обращения: 11.04.2026).

10. Определение Верховного Суда РФ № 20-КГПР15-11 от 13.10.2015 // Верховный Суд Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsrfr.ru> (дата обращения: 11.04.2026).

11. Определение Верховного Суда РФ № 7 КГ17-8 от 14.11.2017 // Верховный Суд Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsrfr.ru> (дата обращения: 11.04.2026).

12. Определение Верховного Суда РФ № 7-КГ17 от 14.11.2017 // Верховный Суд Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsrfr.ru> (дата обращения: 11.04.2026).

13. Решение № 2-1880/2025 от 26 июня 2025 г. по делу № 2-2823/2023~М-2388/2023 // Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 01.04.2026).

14. В Тверской области благодаря вмешательству прокуратуры сирота получила благоустроенную квартиру // ООО «Афанасий-бизнес» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.afanasy.biz/news/society> (дата обращения: 01.04.2026).

15. Глава СК России поручил разобраться с нарушением прав сироты в Твери // Сетевое издание «TVTVER.RU» [Электронный ресурс]. URL: <https://tvtver.ru/news/glava-sk-rossii-poruchil-razobratsja-s-narusheniem-prav-sirot-y-v-tveri> (дата обращения: 11.04.2026).

Об авторах:

МОТАЙЛОВ Иван Васильевич – студент 1 курса направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», gmail: motailov200577@gmail.com.

НОВИКОВ Даниил Сергеевич – студент 1 курса направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», gmail: novikovv200666@gmail.com.

Принято в редакцию 11.06.2026.

Подписано в печать 17.06.2026.

НЕИСПОЛНЕНИЕ РОДИТЕЛЯМИ ОБЯЗАННОСТЕЙ ПО СОДЕРЖАНИЮ И ВОСПИТАНИЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Т.В. Новикова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г.Тверь

Научный руководитель к.ю.н., доцент Жукова О.В.

В статье анализируется институт административной ответственности родителей за неисполнение обязанностей по отношению к детям по статье 5.35 КоАП РФ. Рассматривается структура данной нормы, ключевые проблемы правоприменения в различных категориях споров, а также тенденции смещения акцента с наказания на профилактику. Делается вывод о необходимости законодательной конкретизации и унификации судебной практики для повышения эффективности этой меры защиты прав несовершеннолетних.

***Ключевые слова:** административная ответственность, родительские обязанности, ст. 5.35 КоАП РФ, защита прав несовершеннолетних, судебная практика, комиссии по делам несовершеннолетних.*

Как установлено в статье 38 Конституции Российской Федерации, материнство и детство находятся под защитой государства, а забота о детях и их воспитание являются равным правом и обязанностью родителей[1]. Данное конституционное положение служит основополагающим принципом, который получает свою конкретизацию и развитие в отраслевом законодательстве, прежде всего в Семейном кодексе РФ (СК РФ).

Согласно статье 63 СК РФ, родители имеют право и обязаны воспитывать своих детей, неся ответственность за их воспитание и развитие [2]. Эта норма предписывает родителям заботиться о здоровье, а также о физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своих детей. Родители также обязаны обеспечить получение детьми общего образования, имея право выбора образовательной организации и формы обучения с учётом мнения ребёнка. Права и обязанности родителей по защите прав и интересов детей установлены статьёй 64 СК РФ, согласно которой защита прав и интересов детей возлагается на родителей, являющихся их законными представителями во всех отношениях, включая судебные

Институт административной ответственности родителей представляет собой комплекс мер государственного принуждения, применяемых к субъектам семейных правоотношений за виновное неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по отношению к детям. Правовая природа данной ответственности носит публично-правовой характер и направлена на защиту охраняемых законом интересов несовершеннолетнего, а также на профилактику более серьёзных семейно-правовых и уголовных деликтов [4].

Основополагающей нормой права, устанавливающей данный состав, является статья 5.35 КоАП РФ «Неисполнение родителями или иными

законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних»[3]. Диспозиция статьи сформулирована как бланкетная, отсылая правоприменителя к содержанию родительских обязанностей.

Статья 5.35 КоАП РФ структурирована в три части, что отражает дифференциацию ответственности:

Часть 1 охватывает общий состав правонарушения — неисполнение обязанностей по содержанию, воспитанию, обучению, защите прав и интересов. Санкция — предупреждение или штраф от 500 до 2 000 руб.

Часть 2 конкретизирует особые формы нарушения, связанные с воспрепятствованием общению ребенка с близкими, сокрытием его места жительства или неисполнением судебных решений по семейным спорам. Санкция ужесточена до штрафа в 2 000–3 000 руб.

Часть 3 предусматривает ответственность за повторное в течение года совершение деяний, описанных в ч.2, в виде штрафа 4 000–5 000 руб. или административного ареста до 5 суток.

Субъектом правонарушения являются родители, а также усыновители, опекуны и попечители. Объективная сторона может выражаться как в действии (например, сокрытие ребенка), так и в бездействии (непредоставление содержания, необеспечение посещения школы) [6].

Важным аспектом является взаимодействие административной ответственности с иными отраслями права. За злостное уклонение от уплаты алиментов или жестокое обращение с детьми может наступать уголовная ответственность (ст. 157, 156 УК РФ). В то же время, административное производство по ст. 5.35 КоАП РФ часто предшествует или сопровождает гражданские процессы о лишении или ограничении родительских прав, определении места жительства ребенка. Ключевой правовой позицией, сформированной в практике Верховного Суда РФ, является принцип равенства обязанностей обоих родителей по содержанию детей. Это означает, что обязанность лежит на обоих родителях в равной степени, независимо от их фактического дохода или семейного положения, и учитывается судами, в том числе при определении размера алиментов [12].

Анализ доступной практики и доктринальных источников позволяет выявить устойчивые тенденции и проблемы правоприменения статьи 5.35 КоАП РФ по устойчивым категориям споров, каждая из которых характеризуется собственной спецификой доказывания, квалификации и назначаемых мер.

Несмотря на отсутствие в открытом доступе полных текстов постановлений комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (далее – КДНиЗП), релевантные проблемы и типичные ситуации могут быть смоделированы на основе анализа правовых позиций из смежных споров и научной литературы.

Категория споров, связанных с неисполнением обязанностей по воспитанию и образованию ребенка объединяет дела, где правонарушение выражается в бездействии или попустительстве, а ключевой проблемой является установление виновного поведения родителя. Сюда относятся случаи

систематических пропусков занятий ребенком без уважительных причин, когда родитель формально отправляет его в школу, но не контролирует фактическое присутствие и не реагирует на уведомления от образовательного учреждения.

Суды и КДНиЗП сталкиваются с необходимостью отграничивать ситуацию, когда подросток самостоятельно уклоняется от учебы, от ситуации осознанного неисполнения родителем своей обязанности по обеспечению получения общего образования, что требует анализа всей совокупности действий родителя по пресечению нарушений. Обоснованность указанной позиции находит подтверждение в практике Фрунзенского районного суда Санкт-Петербурга: Комиссия по делам несовершеннолетних привлекла мать к ответственности по факту многочисленных пропусков школы её сыном. Однако, суд отменил это решение, установив, что сам по себе факт непосещения занятий подростком не является безусловным доказательством вины родителя. Ключевым основанием стала оценка всей совокупности предпринятых матерью мер: она неоднократно обращалась к педагогам и в органы опеки, получала консультации психиатра и психолога для выявления причин поведения ребенка и в итоге перевела его в другую школу, где пропуски прекратились. Суд определил, что её активные и целенаправленные действия по пресечению нарушений и обеспечению права на образование исключают состав административного правонарушения, свидетельствуя об отсутствии осознанного неисполнения своих обязанностей. Данный акт иллюстрирует правоприменительную тенденцию, требующую от органов власти анализировать не только результат (пропуски), но и объективно возможный для родителя объем усилий по контролю за подростком [10].

Аналогичная сложность возникает в делах о ненадлежащем нравственном воспитании, таких как допуск нахождения несовершеннолетнего в ночное время в развлекательных заведениях без присмотра. Основной правовой коллизией здесь становится доказывание причинно-следственной связи между бездействием родителей и конкретным вредом для развития ребенка, а также определение той границы, за которой обычная родительская опека перерастает в противоправное попустительство.

Категория споров, связанных с нарушением права ребенка на общение с близкими родственниками относится к нарушениям, предусмотренным частью 2 статьи 5.35 КоАП РФ, и характеризуется более формализуемым составом. Центральным конфликтом здесь является противопоставление судебного решения самостоятельной оценке родителя-воспитателя. Типичная ситуация — игнорирование одним из родителей (чаще всего тем, с кем проживает ребенок) установленного судом порядка общения с отдельно проживающим родителем или иными близкими родственниками под предлогом защиты интересов ребенка[9]. Устойчивая правовая позиция заключается в том, что такая самооценка недопустима: если у родителя есть опасения, он должен обратиться в суд за изменением порядка общения, а не действовать самовольно.

Однако на практике для квалификации требуется установление умысла и систематичности нарушений, что не всегда просто доказать, особенно если

препятствование носит скрытый или пассивный характер (например, несообщение о болезни ребенка в день встречи).

В рамках категория спора, связанного с неисполнением обязанностей по содержанию ребенка, необходимо четкое разграничение правовых режимов. Неуплата алиментов, назначенных судом, образует самостоятельный состав административного правонарушения (ст. 5.35.1 КоАП РФ). Дискуссионной зоной для применения части 1 статьи 5.35 является ситуация общего ненадлежащего материального обеспечения, не связанного с прямым уклонением от уплаты формально установленных алиментов.

Например, когда родитель, выплачивающий минимально возможные алименты, сознательно тратит значительные средства на личные нужды в ущерб уровню жизни ребенка. Правоприменительная практика сталкивается здесь с коллизией: с одной стороны, такая модель поведения может рассматриваться как нарушение обязанности по содержанию, с другой — формально родитель исполняет судебное решение.

Суды, как правило, занимают позицию, что разрешение данного вопроса лежит в плоскости гражданско-правового спора об увеличении размера алиментов, а не административного преследования, что сужает сферу действия статьи 5.35 [8].

Категория споров, связанных с повторными правонарушениями и выбором адекватной санкции затрагивает проблемы эффективности и соразмерности административного наказания. Часть 3 статьи 5.35 КоАП РФ предусматривает за повторное в течение года совершение правонарушения, описанного в части 2 (например, воспрепятствование общению), санкцию в виде штрафа в увеличенном размере или административного ареста на срок до пяти суток.

На практике назначение ареста встречается крайне редко даже при неоднократных нарушениях. Правоприменители предпочитают назначать максимальный штраф, что ставит вопрос о реальной сдерживающей роли данной крайней меры. Эта проблема перекликается с общей критикой низкой эффективности санкций по статье 5.35, размеры которых, особенно по части 1, зачастую несопоставимы современным экономическим реалиям и не выполняют ни карательной, ни воспитательной функции, будучи либо символическими, либо непосильными для социально неблагополучных семей.

Из анализа судебной практики вытекают следующие ключевые тенденции и правовые позиции:

Смещение акцента на профилактику и работу КДНиЗП. Производство по ст. 5.35 КоАП РФ все чаще рассматривается не как самоцель, а как элемент системы профилактики безнадзорности. Законодательные инициативы последних лет также направлены на усиление роли комиссий и воспитательных мер [5]. Ключевая тенденция — стремление к комплексному решению семейных проблем, а не только к наказанию родителей.

Учет принципа равенства обязанностей родителей. Как отмечалось, эта позиция, сформулированная в гражданских делах об алиментах, оказывает влияние и на административные дела. Например, при рассмотрении жалоб на

ненадлежащие условия содержания ребенка суд может учесть, что обязанность лежит на обоих родителях, даже если они не проживают вместе [7].

Сложности с квалификацией по ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ. Наибольшие трудности вызывает доказывание «ненадлежащего исполнения» обязанностей по воспитанию ввиду оценочного характера этого понятия. Отсутствие законодательно закрепленного минимального перечня действий, составляющих правонарушение, приводит к субъективизму в правоприменении и разрозненной практике в разных регионах [10].

На основании проведенного анализа можно заключить, что производство по делам о невыполнении родительских обязанностей по статье 5.35 КоАП РФ характеризуется двойственной правовой природой, сочетающей карательную функцию с превентивно-восстановительной. Ключевой тенденцией правоприменения является смещение акцента от наказания к комплексной профилактике, что проявляется в усилении роли КДНиЗП и ориентации судов на защиту интересов ребёнка. Однако эффективность института существенно снижается из-за оценочного характера диспозиции, несоразмерности санкций и разнородности судебной практики. Для преодоления этих системных проблем требуются законодательная детализация состава правонарушения, реформа санкций и выработка Верховным Судом РФ единых подходов к квалификации, что позволит обеспечить баланс между частными интересами семьи и публичной обязанностью государства по защите прав несовершеннолетних.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения 10.12.2025).
4. Банщикова С.Л. Административная ответственность за неисполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по их содержанию и воспитанию: дис. канд. юрид. наук. – М., 2016. – 219 с.
5. Лихачёва А.Е., Распутина К.М. Тенденции развития института административной ответственности несовершеннолетних в законопроектах // Вопросы российской юстиции. – 2024. – № 37. – С. 55–62.
6. Мельникова С.А. Неисполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних // Евразийский научный журнал. – 2017. – № 5. – С. 1–6.
7. Обзор практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20 июля 2011 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2011. – № 10.
8. [Обзор судебной практики по делам, связанным со взысканием алиментов на несовершеннолетних детей, а также на нетрудоспособных совершеннолетних детей \(утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13.05.2015\)](#) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 10.12.2025).
9. Решение Люберецкого городского суда Московской области № 2-1932/2020 от 7 июля 2020 г. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/nc9eY8wIVMNt/> (дата обращения 10.12.2025).

10. Решение Фрунзенского районного суда Санкт-Петербурга по делу № 12-482/2025 от 13 августа 2025г. URL: https://frn--spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&case_id=870098736&case_uid=4ad7679d-9c2c-4369-8451-b53976f01373&delo_id=1502001&case_type=0&new=0&srv_num=1 (дата обращения 10.01.2025).

11. Подборка судебных решений за 2023 год по ст. 80 СК РФ // СПС «КонсультантПлюс» СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 10.12.2025).

12. Подборка судебных решений за 2024 год по ст. 61 СК РФ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 10.12.2025).

Об авторе:

НОВИКОВА Татьяна Владимировна – студент 2 курса юридического факультета направления подготовки 40.04.01 Юриспруденция, магистерская программа «Судебная защита прав и законных интересов», ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33).

Принято в редакцию 11.06.2026.

Подписано в печать 17.06.2026.

ОПЫТ ОЦЕНКИ КОНСТИТУЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОЛИТИКИ СССР ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ПО ОКОНЧАНИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

И. А. Остиловский

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Научный руководитель- д.ю.н., профессор Крусс В.И.

В статье анализируется конституционное значение и практика послевоенного восстановления СССР по окончании Второй мировой войны. Автор обращает внимание на проблему соответствия проводимых в стране мероприятий духу и букве Конституции СССР 1936 года и современным стандартам прав и свобод человека и гражданина. Делается вывод об ограниченном значении советского исторического опыта для конституционных реалий Российской Федерации.

Ключевые слова: послевоенное восстановление, труд как обязанность, интересы общества и государства, конституционная состоятельность.

Текущие события в их конституционно-правовом значении невольно отсылают к опыту восстановления советской государственности в послевоенное время. После самой тяжелой и разрушительной войны в истории человечества советскому народу-победителю удалось совершить почти невозможное – не только восстановить разрушенное хозяйство, но и заложить государственно-экономическую и правовую базу дальнейшего развития Отечества на пути к статусу советской сверхдержавы. Причем решать такие задачи советскому государству и обществу, стремительно нарастить темпы промышленного производства приходилось в условиях разворачивающейся, таящей смертельные угрозы Холодной войны, готовой перерасти в войну ядерную [3]. Тем не менее, поставленный план [5] был выполнен, о чем свидетельствуют отчеты Советов депутатов трудящихся перед избирателями и документы Госплана СССР. Уже 29 августа 1949 года на Семипалатинском полигоне была успешно испытана первая советская атомная бомба – изделие РДС-1. Атомный проект стал своего рода символом реализации конституционной идеи построения общества трудящихся и обеспечения его обороноспособности и независимости в окружении идеологически враждебных государств.

Для правильного уяснения того, как такие свершения стали возможными, обратимся к тексту Конституции СССР 1936 года [1], называемой также «Сталинской Конституцией». «Труд в СССР является обязанностью и делом чести каждого способного к труду гражданина», – данные положения Основного закона стали лейтмотивом внутренней государственной политики, но воспринимать их следует не односторонне, а в контексте реализации всех основополагающих принципов и обеспечения общенародных базовых ценностей, включая социально-экономические права советских граждан.

Так, важной составляющей экономической жизни СССР, существенным фактором, влиявшим на возрождение страны, стала демографическая политика: эвакуация и реэвакуация населения, демобилизация военнослужащих Красной

Армии, организованный набор рабочей силы для обеспечения нужд промышленности, транспорта, репатриация советских граждан и т. д. Последствием комплексной реализации запланированных мер стало восстановление разрушенного войной сельского хозяйства, что может быть понято и как выполнение колхозниками своей конституционной обязанности по устранению возможности хозяйственных кризисов [1, 2, 11].

Юристу нельзя не признать определенное несоответствие некоторых проводимых ВКП (б) - КПСС мероприятий в социально-экономической сфере букве союзной Конституции. Например, в ходе денежной реформы 1947 года [9] очевидно нарушалось право трудящихся на их трудовые сбережения. Однако и с конституционно-правовой точки зрения важно учитывать исторический контекст: данные мероприятия проводились для увеличения общественного богатства, неуклонного подъема материального и культурного уровня трудящихся, укрепления независимости СССР и усиления его обороноспособности [11, с. 14–17 и др.].

Конституционализм предполагает решающее значение судебной власти для защиты прав и свобод человека. Война накладывает на это требование свой отпечаток. После войны, в местностях, где ранее действовало военное положение, введенное Указом Президиума ВС СССР от 22.06.1941 № 8/160 [6] восстанавливались обычная подсудность военных трибуналов и порядок их деятельности. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15 июля 1948 года [7] установил ответственность судей перед дисциплинарными коллегиями, образованных при областных, краевых, Верховных Судах СССР, союзных и автономных республик, военных трибуналах округов, флотов и приравненных к ним специальных судов. Одновременно были упразднены чрезвычайные и специальные органы, вызванные потребностями военного времени (к примеру, не предусмотренный Конституцией СССР, но не противоречащий по своей сути конституционному духу того времени Государственный Комитет Обороны [10]).

Правовой основой для отправления правосудия в отношении военных преступников – бывших военнослужащих вермахта в 1945 – 1947 годах являлся Указ Президиума Верховного совета СССР от 19 апреля 1943 года «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников» [8]. Наряду с этим применялись положения ст. 58 УК РСФСР и аналогичных уголовных кодексов союзных республик, поскольку в соответствии со ст. 14 и 15 Конституции СССР уголовное законодательство было отнесено к компетенции союзных республик, в то время как охрана государственной безопасности – к ведению союзного центра.

Вскоре после войны были законодательно изменены наименование, структура и компетенция ряда государственных органов [4], что побудило Верховный Совет СССР создать Редакционную комиссию для выработки предложений об изменении Конституции СССР. Итогом деятельности Комиссии

стал Закон СССР от 25 февраля 1947 года «Об изменении и дополнении текста Конституции (Основного Закона) СССР» [3].

Опыт поддержания конституционной идентичности СССР в послевоенный период по-своему уникален. Ни одно государство мира не смогло бы в столь короткие сроки решить столь масштабную задачу на таком высоком уровне и на большой территории. Модернизация и восстановление страны осуществлялись исключительно на основе Конституции СССР и конституций союзных республик. Первостепенное значение при этом имела конституционная обязанность трудиться, выполнение которой обуславливало возможность реализации социальных и экономических права советских граждан. Конституционно-правовая связь основополагающих интересов общества и государства с целью неуклонного повышения уровня жизни народа являлась тем право-идеологическим каркасом, на котором возрождался Советский Союз. Однако при осознании этого опыта в современных российских реалиях необходимо учитывать и фундаментальные конституционно-правовые различия. К примеру, если в соответствии с Конституцией СССР 1936 год земля и объекты недвижимости находились исключительно в публичной собственности, то действующая Конституция РФ провозглашает многообразие форм собственности, включая частную собственность. Не менее значимо и то принципиальное обстоятельство, что в условиях советской плановой экономики распределение ресурсов было строго централизованным и осуществлялось в соответствии с решениями Госплана СССР и профильных союзных министерств, тогда как в конституционных реалиях «свободного рынка» государственное регулирование ограничено. Знание опыта прошлого необходимо, но его применение должно быть осмысленным и взвешенным.

Список источников

1. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 05.12.1936) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (утверждена Постановлением Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21.01.1937) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Закон СССР от 25.02.1947 «Об изменении и дополнении текста Конституции (Основного Закона) СССР» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Закон СССР от 15.03.1946 «О преобразовании Совета Народных Комиссаров СССР в Совет Министров СССР и Советов Народных Комиссаров союзных и автономных республик - в Советы Министров союзных и автономных республик» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Закон СССР от 18.03.1946 «О пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22.06.1941 «О военном положении» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15.07.1948 «О дисциплинарной ответственности судей» // СПС «КонсультантПлюс».

8. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19.04.1943 № 39 «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников» // СПС «КонсультантПлюс».

9. Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП (б), 14.12.1947 «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары» // СПС «КонсультантПлюс».

10. Постановление Президиума ВС СССР, СНК СССР, ЦК ВКП (б) от 30.06.1941 «Об образовании Государственного Комитета Оборона» // СПС «КонсультантПлюс».

11. Хохлов А. В. Восстановительный процесс в освобожденных районах РСФСР в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (1941 – 1953 гг.): автореф. дис. ... док. ист. наук. Тамбов, 2009. 35 с.

Об авторе:

ОСТИЛОВСКИЙ Иван Александрович – студент 3 курса направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», e-mail: iostil@yandex.ru

Принято в редакцию 11.06.2026.

Подписано в печать 17.06.2026.

ВЛИЯНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО НОРМОКОНТРОЛЯ НА ИНСТИТУТ МЕР ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ В АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Э.В. Пермякова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Научный руководитель к.ю.н., доцент О.В. Жукова

В научной статье рассматриваются особенности влияния конституционного нормоконтроля на институт мер предварительной защиты, применимых в рамках административного судопроизводства. Анализируется актуальная судебная практика, в результате чего выявляются проблемы правоприменения. Рассматривается значение судебных актов Конституционного Суда РФ на изменение законодательства, регламентирующего применение мер предварительной защиты по административным делам. Отмечается, что одним из проблемных вопросов является корректное определение предмета, нарушающего конституционные права, неправильное установление которого влечет отказ в принятии жалобы к рассмотрению по существу.

***Ключевые слова:** конституционный нормоконтроль, меры предварительной защиты, административное судопроизводство.*

Высшим судебным органом конституционного контроля является Конституционный Суд РФ [1] (далее – КС РФ). Деятельность КС РФ с нормативно-правовой точки зрения основывается на положениях Конституции РФ и ФКЗ «О Конституционном Суде РФ».

Нормоконтроль в порядке конституционного судопроизводства осуществляется в форме рассмотрения запросов, ходатайств и жалоб, к числу оснований для подачи которых выделяются:

- неопределенность в вопросе о соответствии Конституции РФ закона, иного нормативного акта и т.д.;
- неопределенность в вопросе о возможности исполнения решения межгосударственного органа;
- неопределенность в вопросе о возможности исполнения решения иностранного, международного суда и иных аналогичных органов, возлагающего обязанности на РФ [2].

Рассмотрим материалы из практики КС РФ, затрагивающие нормы гл. 21 и 22 Кодекса административного судопроизводства РФ [3] (далее – КАС РФ).

Один из наиболее показательных прецедентов конституционного нормоконтроля в отношении мер предварительной защиты, регламентируемых КАС РФ, был отражен в постановлении КС РФ от 11.04.2024 г. № 17-П. Основанием для обращения в суд послужила жалоба административного истца на положения КАС РФ (ст. 85, ч. 4 ст. 87, ст. 211 КАС РФ), на основании которых заявителю было отказано в принятии мер предварительной защиты в отношении помещения, потенциально относимого к объектам культурного наследия. Из материалов дела усматривается, что отказ регионального органа в области культуры о включении данного помещения в перечень объектов культурного

наследия послужил основанием для сноса данного помещения до момента окончания всех разбирательств, возбужденных по обозначенному предмету [4].

Основанием для отказа в принятии мер предварительной защиты являлась утратившая силу редакция ст. 211 КАС РФ, которая ограничивала перечень мер предварительной защиты по делам об оспаривании нормативного правового акта запретом применения нормативно-правового акта либо отдельных его положений в отношении истца. Судом было отмечено, что подход к формированию действующего законодательства допускает возникновение ситуаций, при которых могут быть понесены неприемлемые издержки, чреватые необратимыми последствиями для объектов, обладающих признаками объектов культурного наследия, но во включении которых в соответствующий перечень было отказано. Иными словами, сложившаяся ситуация наглядно отразила законодательный пробел: ограниченный перечень мер предварительной защиты, применимый по делам об оспаривании нормативных актов, не обеспечивает соблюдение ст. 44 Конституции РФ, поскольку на законном основании потенциально относимый к объектам культурного наследия объект может быть снесен до момента завершения в его отношении судебных разбирательств.

По результатам рассмотрения данного дела в КАС РФ были внесены изменения, к числу которых относится изложение второго предложения ст. 211 в новой редакции: «... Принятие иных мер предварительной защиты допускается в случае, если оспариваемый нормативный правовой акт определяет правовой режим объекта и (или) условия его использования (эксплуатации) и (или) защиты».

Вопросы мер предварительной защиты, урегулированные КАС РФ, становятся предметом рассмотрения в рамках конституционного нормоконтроля на основании жалоб частных лиц, в которых излагается обоснование противоречия норм гл. 7, ст. 223 КАС РФ Конституции РФ, нарушения данными нормами прав и свобод граждан. Особенностью данных вопросов является то, что меры предварительной защиты направлены на недопущение нарушения прав и свобод граждан до момента приобретения административными действиями законного характера, т.е. до вступления в силу судебного акта по результатам их оспаривания.

Гражданин обратился в КС РФ с жалобой на нормы КАС РФ (ст. 85, ст. 86, ч. 4 ст. 87, ст. 223), поскольку счел их препятствующими реализации его права на предоставление ему надлежащего жилого помещения. Указанное право гражданина вытекало из требований, удовлетворенных судебными актами судом общей юрисдикции, вступившими в законную силу. Основываясь на поведении заявителя, можно предположить, что причиной обращения в КС РФ послужило ненадлежащее исполнение или неисполнение решения суда о внеочередном предоставлении гражданину жилого помещения [7].

В рассмотрении жалобы гражданина было отказано, поскольку в круг полномочий КС РФ не входит проверка обоснованности правоприменительных решений. Суд также дополнительно отметил, что право гражданина на судебную

защиту не ограничивается несмотря на то, что у гражданина отсутствует возможность выбора порядка судебной защиты по своему усмотрению.

Аналогичная позиция была продемонстрирована КС РФ в деле по заявлению гражданина, в котором оспаривалась конституционность комплекса норм российского законодательства, в том числе ст. 89 КАС РФ «Отмена мер предварительной защиты по административному иску». Суд прямо отметил, что «... нарушение своих конституционных прав он связывает не с содержанием положений тех или иных нормативных актов, а с их несоблюдением, нарушением либо неправильным, как он полагает, применением в ходе производства по его делу. Тем самым заявитель, по существу, предлагает КС РФ оценить не содержание отдельных нормативных положений, а прямо либо косвенно ставит вопрос о проверке правомерности конкретных правоприменительных действий и решений, документов посредством установления и исследования обстоятельств его дела» [6].

В другом деле гражданин, не имеющий возможности присутствия на территории РФ на законном основании из-за решения миграционного органа, запрещающего данному гражданину въезд на территорию страны, оспаривал конституционность ст. 85 КАС РФ, поскольку неприменение судами общей юрисдикции мер предварительной защиты ограничило его участие в производстве по административному делу. КС РФ в принятии жалобы к производству было отказано и приведено обоснование того, что положения КАС РФ допускают участие гражданина в производстве по административному делу без непосредственного участия, ввиду чего конституционное право гражданина на судебную защиту оспариваемой нормой КАС РФ не нарушается [5].

Из указанного следует, что в сознании граждан расхождение между ожидаемым, предпочтительным поведением должностных лиц органов государственной власти и фактически совершаемыми действиями расценивается как основание полагать, что норма, на основании которой совершаются фактические действия, противоречит Конституции РФ. Такое поведение граждан позволяет говорить о существовании проблемы квалификации предмета, нарушающего конституционные права (норма закона или действия административного характера).

Таким образом, можно сделать следующие выводы об особенностях конституционного нормоконтроля вопросов регулирования мер предварительной защиты в административном судопроизводстве. Во-первых, в нормативном регулировании мер предварительной защиты по административным делам встречаются пробелы, которые устраняются посредством конституционного нормоконтроля. Во-вторых, существует проблема установления предмета правовой неопределенности, на основании которой осуществляется обращение в КС РФ: граждане считают норму не соответствующей Конституции РФ ввиду совершения представителями органов публичной власти неправомерных действий (по мнению заявителя), в результате чего КС РФ отказывает в принятии жалобы к рассмотрению.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // РГ. 1993. № 237.

2. Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

3. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 апреля 2024 г. № 17-П // СЗ РФ. 2024. № 17. Ст. 2393.

5. Определение Конституционного Суда РФ от 28 марта 2017 г. № 496-О // <https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision267170.pdf> (дата обращения: 16.02.2026 г.).

6. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 февраля 2024 г. № 541-О // <https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision744256.pdf> (дата обращения: 16.02.2026 г.).

7. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2024 г. № 1771-О // <https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision781751.pdf> (дата обращения: 16.02.2026 г.).

Об авторе:

ПЕРМЯКОВА Эсмירה Владиславовна – студентка 2 курса юридического факультета Тверского государственного университета направления подготовки 40.04.01 Юриспруденция, магистерская программа «Судебная защита прав и законных интересов», e-mail: esmirapermiakova@yandex.ru.

Принято в редакцию 11.06.2026.

Подписано в печать 17.06.2026.

ПРИНЦИПЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ С ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

И.С. Пилипенко

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Научный руководитель к.ю.н., доцент Е. А. Рязанова

В статье рассматриваются принципы взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления, их нормативное закрепление и практическое значение.

Ключевые слова: принцип, принципы взаимодействия местное самоуправление, органы государственной власти, публичная власть, разграничение полномочий.

Эффективность деятельности органов публичной власти во многом зависит от системы принципов, которые обеспечивают последовательное и юридически определённое осуществление их полномочий. Решение задач на конкретной территории требует согласованной деятельности регионального и муниципального уровней. Поэтому такое взаимодействие должно строиться на совокупности принципов, определяющих направление и содержание такого взаимодействия. Кроме того, анализ принципов также будет способствовать развитию юридической техники, предотвращению правовых коллизий, совершенствованию отечественной системы права в целом. Не менее важным является и то, что в состав Российской Федерации вошли новые субъекты, в которых также необходимо обеспечить согласованное функционирование органов государственной власти и местного самоуправления. Эффективная организация такого взаимодействия возможна только при опоре на соответствующие принципы.

Согласно «Толковому словарю русского языка» принцип – «основное, исходное положение какой-либо теории, учения, мировоззрения, теоретической программы» [16]. В теории права принципы определяются как основополагающие положения и идеи, которые выступают в качестве базиса для регулирования отношений. Соответственно цель данной работы состоит в выявлении исходных положений, основ взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления.

Нормативное закрепление основных принципов взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления содержится в Конституции Российской Федерации. Как отмечает Е. В. Колесников, «ориентация на Конституцию Российской Федерации обеспечивает нормальное функционирование системы публичной власти» [14].

В соответствии с ч. 2 ст. 15 Конституции Российской Федерации в своем взаимодействии органы государственной власти и местного самоуправления подчиняются конституции. И. Т. Гизатуллин определяет это как принцип верховенства права [11].

В ст. 12 указано: «органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти». В ст. 133 закреплено: «Местное самоуправление в Российской Федерации гарантируется правом на судебную

защиту, на компенсацию дополнительных расходов, возникших в результате выполнения органами местного самоуправления во взаимодействии с органами государственной власти публичных функций, а также запретом на ограничение прав местного самоуправления, установленных Конституцией Российской Федерации и федеральными законами». Данное положение формирует принцип, определяемый Т. В. Юшко как «принцип закрепления определенного объема полномочий за каждым уровнем публичной власти в соответствии с законодательством [19]». Н. С. Буянов считает, что «теория конституционного права под разграничением предметов ведения понимает юридическое закрепление определённого ряда вопросов, решение которых относится к юрисдикции конкретного уровня публичной власти. Это означает, что разграничение органов государственной власти и органов местного самоуправления следует понимать как выражение функциональной дифференциации внутри единой системы, которая является системой постольку, поскольку ее элементы находятся в непрерывном взаимодействии. Каждый из этих элементов обладает собственными компетенциями, собственными формами правового воздействия, собственной сферой ответственности» [10].

Согласно ч. 3 ст. 132: «Органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории». Как отмечает С. А. Шилина, «соотношение власти и ее субъекта имеет место только потому, что эти два элемента неизбежно взаимодействуют» [18]. Несмотря на наличие различных элементов в лице федеральных органов государственной власти, органов местного самоуправления в целом они представляют собой единую систему. Данное положение заключает принцип единства системы публичной власти [11]. Н. В. Малявкина считает, что «каждый орган публичной власти действует в пределах собственной компетенции, а эффективность всей системы обеспечивается не подчинением одного уровня другому, а выстраиванием устойчивых форм их координации и взаимодействия». Существенное значение в позиции исследователя имеет идея «партнерского характера отношений между органами государственной власти и местного самоуправления», поскольку такой подход позволяет обеспечить согласование интересов и функций различных уровней публичной власти [15].

Важность принципа также подтверждается словами Н. С. Буянова: «существование и эффективное осуществление полномочий органами государственной власти и местного самоуправления возможно только во взаимной связи» [10].

Таким образом, в Конституции Российской Федерации можно выделить следующие принципы взаимодействия:

1. Принцип верховенства права при взаимодействии органов государственной власти и местного самоуправления

2. Принцип закрепления определенного объема полномочий за органами государственной власти и местного самоуправления в соответствии с законодательством.

3. Принцип единства системы публичной власти.

Помимо конституционных принципов взаимодействия в российском законодательстве можно выделить принципы, формируемые федеральным законодательством.

Так, И. А. Будкова разграничивает конституционные и специальные принципы взаимодействия. Принципы, содержащиеся в Конституции, являются конституционными, а принципы, выделенные в федеральном законодательстве, законодательстве субъектов и муниципалитетов, являются специальными [9].

Федеральный закон «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» в ч. 8 ст. 1 содержит следующее положение: «в соответствии с настоящим Федеральным законом и федеральным законом, устанавливающим общие принципы организации местного самоуправления, органы государственной власти субъекта Российской Федерации участвуют в решении задач местного самоуправления, вправе наделять органы местного самоуправления отдельными государственными полномочиями». То есть, список полномочий органов местного самоуправления может расширяться по решению органов государственной власти. Данный принцип может быть обозначен как принцип перераспределения полномочий между органами государственной власти и местного самоуправления. Ученые-юристы, в частности Н. Л. Пешин, рассматривают перераспределение полномочий как самостоятельный институт, требующий оценки с точки зрения влияния на самостоятельность местного самоуправления [17]. При этом, согласно мнению П. А. Астафичева, чрезмерное разграничение полномочий органов государственной власти Российской Федерации и ее субъектов способствует потере их эффективного взаимодействия [8]. В связи с этим видится разумным поиск баланса в сфере перераспределения полномочий.

Данное положение конкретизировано в Федеральном законе от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». В ст. 34 установлено, что наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями Российской Федерации осуществляется федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации, тогда как наделение их отдельными государственными полномочиями субъектов Российской Федерации производится законами субъектов Российской Федерации [3]. Одновременно закон предусматривает возможность дальнейшей передачи органам местного самоуправления отдельных государственных полномочий Российской Федерации, ранее переданных органам государственной власти субъекта Российской Федерации, при условии, что такое право предусмотрено федеральным законом и не исключено нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации либо Правительства Российской Федерации.

В ч. 9 ст. 1 ФЗ № 414 указано: «Конституция (устав), законы и иные нормативные правовые акты субъекта Российской Федерации, принятые в пределах его полномочий, обязательны для исполнения всеми находящимися на территории субъекта Российской Федерации органами государственной власти, другими государственными органами, органами местного самоуправления, организациями, общественными объединениями, должностными лицами и гражданами. Невыполнение или нарушение указанных актов влечет ответственность, предусмотренную федеральными законами и законами субъекта Российской Федерации. В случае, если административная ответственность за указанные действия не установлена федеральным законом, она может быть установлена законом субъекта Российской Федерации» [2]. То есть органы государственной власти и органы местного самоуправления, находящиеся на территории субъекта при своем взаимодействии обязаны соблюдать законы данного субъекта, опираться на них при взаимодействии. Исходя из этого, может быть обозначен принцип соблюдения органами государственной власти и органами местного самоуправления законов субъектов на территории субъекта.

Ю. С. Яичникова считает, что соответствие актов органов и должностных лиц местного самоуправления законодательству субъекта является «первоосновой эффективного взаимодействия», что подтверждает существенность и значимость вышеназванного принципа [20].

Согласно ч. 11 ст. 2: «гарантии финансового обеспечения исполнения полномочий, которыми наделяются органы публичной власти в результате разграничения полномочий». Разграничение и передача полномочий между уровнями публичной власти предполагают их обязательное финансовое обеспечение. Без этого исполнение соответствующих функций становится затруднительным или невозможным. Следовательно, гарантии финансового обеспечения выступают необходимым условием согласованного взаимодействия органов в единой системе публичной власти. Более того, сама необходимость получения финансового обеспечения порождает новое, дополнительное взаимодействие между субъектами публичной власти. В научной литературе данный принцип обозначается как принцип гарантий финансового обеспечения переданных местному самоуправлению полномочий. И. В. Глазунова, В. Б. Башуров, О. А. Кожевников предлагают назвать данный принцип «принципом соразмерности финансовых ресурсов местного самоуправления делегированным государственным полномочиям» [12].

Отметим, что ст. 6. ФЗ №414 дополняет вышесказанное: «органы, входящие в единую систему публичной власти в субъекте Российской Федерации, содействуют развитию местного самоуправления на территории соответствующего субъекта Российской Федерации», в ней также раскрываются основные формы такого содействия. Указанное положение позволяет говорить о принципе содействия развитию местного самоуправления со стороны органов публичной власти субъекта Российской Федерации.

В ч. 4 ст. 3 сказано: «органы, входящие в единую систему публичной власти в субъекте Российской Федерации, при осуществлении своих полномочий обеспечивают соблюдение Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных законов». То есть, при осуществлении своих полномочий и при взаимодействии органы государственной власти и местного самоуправления помимо того, что должны соблюдать Конституцию Российской Федерации, также должны обеспечивать ее соблюдение в рамках реализации своих полномочий. Данный принцип в юридической науке обозначается принципом обеспечения органами государственной власти и местного самоуправления соблюдения Конституции Российской Федерации и федерального законодательства.

Согласно ст. 41 ФЗ №33: «надзор за исполнением органами местного самоуправления и должностными лицами местного самоуправления Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных законов, конституций (уставов), законов субъектов Российской Федерации, уставов муниципальных образований, муниципальных правовых актов осуществляют органы прокуратуры Российской Федерации». Фактически, органы государственной власти осуществляют контроль, надзор за органами местного самоуправления. При этом, в данной статье также отмечено: «При осуществлении государственного контроля (надзора) не допускается дублирование контрольно-надзорных полномочий органов государственного контроля (надзора) различных уровней» [3]. Если деятельность органа МСУ уже проверяет уполномоченный орган по конкретному вопросу, то другой орган контроля не должен проводить фактически ту же самую проверку, дублируя ее предмет, основания и требования. Смысл нормы состоит в том, чтобы избежать избыточного давления, повторных проверок органов и должностных лиц местного самоуправления, а также смешения компетенций разных органов, во избежание «бюрократических кризисов». Данное положение позволяет выделить **принцип государственного надзора за законностью деятельности органов местного самоуправления** и принцип недопустимости дублирования контрольно-надзорных полномочий государственной власти.

Данный принцип также формулирует В. О. Ермолаев, отмечая, что «государственный контроль за деятельностью местного самоуправления является одной из важных форм взаимодействия уровней публичной власти и охватывает два ключевых аспекта: соблюдение законности органами муниципальной власти и исполнение ими отдельных переданных государственных полномочий» [13].

Исходя из всего вышесказанного, можно обозначить следующие специальные принципы:

1. Принцип обеспечения органами государственной власти и местного самоуправления соблюдения Конституции Российской Федерации и федерального законодательства.

2. Принцип соблюдения органами государственной власти и органами местного самоуправления законов субъектов на территории субъекта.

3. Принцип содействия развитию местного самоуправления со стороны органов публичной власти субъекта Российской Федерации.

4. Принцип перераспределения полномочий между органами государственной власти и местного самоуправления.

5. Принцип соразмерности финансовых ресурсов местного самоуправления делегированным государственным полномочиям.

6. Принцип государственного надзора за законностью деятельности органов местного самоуправления и принцип недопустимости дублирования контрольно-надзорных полномочий государственной власти.

Для того чтобы определить, как некоторые принципы взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления работают на практике, уместным представляется обращение к деятельности органов публичной власти конкретного субъекта Российской Федерации. В рамках настоящего исследования таким примером может выступать Тверская область.

Закон Тверской области от 28.12.2022 № 97-ЗО включил органы местного самоуправления: «с 1 октября 2023 года... 16 муниципальных округов — Сонковский, Максатихинский, **Старицкий**, Жарковский...» [4] Старицкого муниципального округа в перечень муниципальных образований, наделяемых полномочиями по предоставлению земельных участков, государственная собственность на которые не разграничена, срок такого наделения был установлен с 1 января 2023 г. по 30 сентября 2023 г. Одновременно Закон Тверской области от 28.12.2022 № 96-ЗО закрепил, что полномочия по предоставлению таких земельных участков перераспределяются между органами местного самоуправления муниципальных образований Тверской области и органами государственной власти Тверской области, причем их осуществление возлагается на Правительство Тверской области непосредственно, через уполномоченный исполнительный орган либо подведомственное государственное учреждение [5]. Этот пример демонстрирует принцип перераспределения полномочий.

В отчете о работе Ассоциации органов внешнего финансового контроля Тверской области написано: в 2011 году в рамках совместной контрольной деятельности были проведены **4 совместных контрольных мероприятия**, в которых участвовали **9 муниципальных контрольно-счетных органов**, в том числе **Контрольно-счетная палата города Твери**, а также органы внешнего финансового контроля Осташковского, Бежецкого, Калязинского, Торопецкого, Кимрского, Андреапольского, Нелидовского и Зубцовского районов [6]. По итогам этих совместных мероприятий были подготовлены отчеты и направлены предложения об устранении нарушений, что отражает **принцип координации деятельности органов государственной власти и местного самоуправления.**

Однако можно также привести пример **нарушения принципа гарантий финансового обеспечения переданных местному самоуправлению полномочий.** Так, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 17 июля 2025

г. № 29-П рассматривалась ситуация, при которой орган местного самоуправления осуществлял переданные государственные полномочия по обеспечению детей-сирот жилыми помещениями, однако выделенных субвенций оказалось недостаточно для их надлежащего исполнения [7]. Конституционный Суд Российской Федерации указал, что недостаточность субвенций может исключать административную ответственность органа местного самоуправления при наличии причинной связи между недостаточным финансированием и неисполнением переданного полномочия. При этом, прекращение производства по делу не прекращает обязанности муниципального органа исполнить судебный акт и не освобождает органы государственной власти от обязанности обеспечить переданное полномочие необходимыми финансовыми и материальными ресурсами, что нарушает принцип соразмерности финансовых ресурсов местного самоуправления делегированным государственным полномочиям.

Подводя итог, следует отметить, что приведенный перечень принципов взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления не является исчерпывающим, **российский** законодатель ответственно подошел к их разработке, однако в условиях постоянного развития общественных отношений данные принципы нуждаются в дальнейшем уточнении и совершенствовании. В противном случае возникает риск снижения их эффективности и отставания системы права от потребностей общества. Особое значение при развитии законодательства в сфере публичного права имеет факт того, что муниципалитеты являются наиболее уязвимым элементом публичной власти, в связи с чем особенно важно следить за тем, чтобы принципы взаимодействия оставались для них практически реализуемыми. Как пишет Н. С. Буянов: «после перехода к системе публичной власти наблюдается усиление контроля за региональными органами и их деятельностью. Федеральные министерства и ведомства не только могут осуществлять надзор за исполнением конкретным органом субъекта его полномочий, но также вправе выдавать собственные обязательные предписания и по большому счёту активно контролировать деятельность органов субъекта. Мало того, что данная проблема приводит к достаточно активному вмешательству в предметы ведения субъекта и соответственно в дальнейшем муниципалитета, здесь же не всегда учитывается текущая социально-экономическая ситуация в конкретном субъекте» [10]. С учетом этого, развитие системы принципов взаимодействия должно быть ориентировано на поддержание баланса между координирующей ролью центра и сохранением самостоятельности регионального и муниципального уровней публичной власти, а также на учет территориальной, социальной и экономической неоднородности Российской Федерации.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета.

1993. 25 дек.; Официальный интернет-портал правовой информации. 04.07.2020. № 0001202007040001.
2. Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 52 (ч. I). Ст. 8973.
3. Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 12. Ст. 1200.
4. Закон Тверской области от 28.12.2022 № 97-ЗО «О наделении органов местного самоуправления отдельных муниципальных образований Тверской области полномочиями по предоставлению земельных участков, государственная собственность на которые не разграничена» // Официальный интернет-портал правовой информации. 29.12.2022.
5. Закон Тверской области от 28.12.2022 № 96-ЗО «О перераспределении полномочий по предоставлению земельных участков, государственная собственность на которые не разграничена, между органами местного самоуправления муниципальных образований Тверской области и органами государственной власти Тверской области» // Официальный интернет-портал правовой информации. 29.12.2022.
6. Отчет о работе Ассоциации органов внешнего финансового контроля Тверской области в 2011 году. Тверь, 2012 // Контрольно-счетная палата Тверской области.
7. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17.07.2025 № 29-П «По делу о проверке конституционности части 5 статьи 24.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом Костромского областного суда» // Официальный интернет-портал правовой информации. 18.07.2025.
8. Астафичев П. А. Кадры судебных и правоохранительных органов как предмет совместного ведения федерации и ее субъектов // *Ex Jure*. 2023. № 1. С. 21–37. (Дата обращения: 24.04.2026.)
9. Будкова И. А. Ключевые принципы взаимодействия региональных органов власти и органов местного самоуправления в Российской Федерации // Научно-практический журнал «Аллея науки». 2020. № 6(45). 8 с. (Дата обращения: 24.04.2026.)
10. Буянов Н. С. Правовые механизмы разграничения полномочий федерации и регионов Российской Федерации // *Вестник науки*. 2026. № 1(94). Т. 2. (Дата обращения: 07.04.2026.)
11. Гизатуллин И. Т. Принципы взаимодействия органов государственной власти субъектов РФ и местного самоуправления // Научно-практический журнал «Аллея науки». 2022. № 6(69). 5 с. (Дата обращения: 07.04.2026.)
12. Глазунова И. В., Башуров В. Б., Кожевников О. А. Финансово-правовое обеспечение отдельных государственных полномочий, переданных органам местного самоуправления // *Академический юридический журнал*. 2025. Т. 26. № 2. С. 260–273. (Дата обращения: 24.04.2026.)
13. Ермолаев В. О. Взаимодействие государственной власти и местного самоуправления: характеристика, основы, особенности // *Право и государственность*. 2024. № 1(2). С. 33–37. (Дата обращения: 07.04.2026.)
14. Колесников Е. В. Конституция Российской Федерации и проблемы типологии законов // *Право и государственность*. 2023. № 1(1). С. 24–31. (Дата обращения: 24.04.2026.)
15. Малявкина Н. В. Взаимодействие и самостоятельность органов публичной власти // *Вестник государственного и муниципального управления*. 2013. № 1. С. 79–84. (Дата обращения: 24.04.2026.)
16. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997. 939 с. (Дата обращения: 07.04.2026.)

17. Пешин Н. Л. К вопросу о допустимости перераспределения полномочий между органами государственной власти и органами местного самоуправления // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 2. С. 44–48. (Дата обращения: 24.04.2026.)

18. Шилина С. А. Соотношение власти и ее субъекта: управление вербальным коммуникативным кодом // Среднерусский вестник общественных наук. 2009. № 1. С. 80–84. (Дата обращения: 07.04.2026.)

19. Юшко Т. В. Взаимодействие органов государственной власти субъекта Российской Федерации и органов местного самоуправления // Формирование эффективной системы менеджмента в условиях транзитивной экономики: сборник статей по материалам II Международной научно-практической конференции, Мелитополь, 27–28 мая 2025 г. Мелитополь: МелГУ, 2025. С. 116–121. (Дата обращения: 24.04.2026.)

20. Яичникова Ю. С. О законности муниципальных правовых актов: вопросы теории и практики // Вестник Марийского государственного университета. 2009. С. 49–50. (Дата обращения: 07.04.2026.)

Об авторе:

ПИЛИПЕНКО Иван Сергеевич – студент 1 курса юридического факультета направления подготовки 40.03.01 Юриспруденция.

Принято в редакцию 11.06.2026.

Подписано в печать 17.06.2026.

РЕГИСТРАЦИЯ (УЧЕТ) ИЗБИРАТЕЛЕЙ: АНАЛИЗ ФУНКЦИЙ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Г.И. Хлыщенко

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Научный руководитель д.ю.н., профессор Н.А. Антонова

В статье рассмотрены нормы действующего законодательства Российской Федерации о регистрации (учете) избирателей, участников референдума. Проведен анализ функций органов государственной власти и местного самоуправления при актуализации регистра избирателей. Сделан вывод о наличии излишних функций органов местного самоуправления, приведены аргументы и озвучены предложения по изменению законодательства.

Ключевые слова: учет избирателей, сбор и передача сведений, персональные данные.

Избирательное право Российской Федерации является подотраслью конституционного права, которая постоянно претерпевает изменения. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее также – Закон об основных гарантиях избирательных прав) [1], будучи базовым законом, со дня принятия (двадцать четыре года назад) был изменен ста тридцатью федеральными законами и тринадцатью Постановлениями Конституционного Суда РФ. Такой интенсивный (по сути один раз в два месяца) процесс внесения изменений в базовый закон о выборах говорит о постоянном реформировании избирательного права.

По мнению Е.И. Колюшина, которое он изложил в своей работе «Избирательная реформа 2020 года в свете принципов конституционного права», в Российской Федерации реализуется масштабная реформа избирательного права, касающаяся ряда ключевых вопросов, влияющих на практическую сторону выборов [6, с. 51-59].

Выборы являются сложным социально-политическим процессом, успешность которого определяется не только слаженной работой органов власти всех уровней, но и соблюдением закрепленных Конституцией и иными нормативно-правовыми актами прав и интересов главных участников электоральных мероприятий – избирателей.

Важной межвыборной процедурой является регистрация (учет) избирателей. Статья 16 Закона об основных гарантиях избирательных прав о порядке регистрации (учета) избирателей, участников референдума [1], сохраняются без изменений более 20 лет (в даты принятия Федерального закона от 21.07.2005 № 93-ФЗ). В этой связи мне представляется интересным провести анализ процедур, закрепленных в нормах указанной статьи, и дать им оценку с учетом достижений цифровизации, изменений законодательства о персональных данных и др.

В соответствии со статьей 16 Закона об основных гарантиях избирательных прав [1] деятельность по регистрации (учету) избирателей осуществляется руководителями администраций муниципальных образований (далее также -

главы местных администраций). Указанный Закон не содержит определений понятиям «регистрация» и «учет», которые в тексте закона приводятся как тождества.

Центральная избирательная комиссия Российской Федерации (далее также – ЦИК РФ) своим Постановлением от 25.02.2026 N 218/1683-8 [4] утвердила новую редакцию Положения о Государственной системе регистрации (учета) избирателей, участников референдума в Российской Федерации» (далее – Положение об учете избирателей), в соответствии с пунктом 1.6 которого у регистрации и учета избирателей имеются следующие определения:

- регистрация избирателей, участников референдума – формирование сведений, которое осуществляется в порядке, установленном Положением об учете избирателей;

- учет избирателей, участников референдума – включение граждан в число избирателей, участников референдума на соответствующей территории, исключение их из этого числа, а также внесение изменений в сведения о них.

Как видим, определения обоих действий содержат в себе термин «сведения». Ему в Положении об учете избирателей также дано определение, согласно которому сведениями являются персональные данные граждан, необходимые государству для того, чтобы зарегистрировать их в качестве избирателей и обладать актуальной информацией о них в течение всего периода жизни.

Это сведения о конкретных гражданах (с ФИО и данными паспорта) об их возрасте, об адресе проживания и регистрации - постоянной либо временной, датах и причинах изменения места жительства, уходе и возвращении со службы в армии, о нахождении в исправительно-трудовых учреждениях для отбывания наказания, информация из органов ЗАГС о регистрации/расторжении брака, рождении детей, информация из судов об ограничении/восстановлении дееспособности и иные достаточно важные для каждого человека данные о нем. Сведения вносятся в Регистр, который является базой данных, содержащей эти сведения в совокупности.

Из статьи 16 Закона об основных гарантиях избирательных прав (п.п.5, 6, 7, 8, 9) можно увидеть, что сведения, необходимые для ведения Регистра избирателей, направляются главам местных администраций органами исполнительной власти и судами, чтобы главы местных администраций ежемесячно передавали их в избирательные комиссии субъекта РФ (далее также – ИК субъектов РФ).

Обобщив нормы статьи 16, можно так сформулировать функции глав муниципальных образований:

- получить сведения от органы внутренних дел субъектов РФ о гражданах, проживающих на территории муниципального образования, и зарегистрировать (учесть) их в качестве избирателей (п.2), это действие выполняется однократно;
- получать сведения от органов, осуществляющих выдачу и замену документов, удостоверяющих личность граждан, об изменении паспортных данных (п.5) – ежемесячно;

- получать сведения из Единого государственного реестра записей актов гражданского состояния (ЗАГС) о смерти граждан (п.6) – ежемесячно;
- получать сведения из военкоматов о гражданах, призванных (поступивших по контракту) на военную службу (п.7) – ежемесячно;
- получать сведения от судов о состоявшихся решениях о признании граждан недееспособными/дееспособными (п.8) – ежемесячно;
- направить все полученные за календарный месяц сведения в ИК РФ субъекта (п.9).

Аналогичный порядок, состоящий из сбора и передачи главами местных администраций персональных данных избирателей, закреплен в Положении об учете избирателей [4].

ЦИК России своим Постановлением от 25.02.2026 № 218/1684-8 утвердила новый Регламент использования подсистемы «Регистр участников избирательного процесса» ГАС РФ «Выборы» [5] (далее – Регламент), в соответствии с которым доступ глав местных администраций к Регистру не предусмотрен.

В соответствии с пунктом 2.2.2 Регламента главы местных администраций закреплены в качестве источников сведений Регистра применительно к исследуемому вопросу в отношении сведений о гражданах Российской Федерации и о численности избирателей, участников референдума, зарегистрированных на территориях муниципальных образований.

Хочется отметить, что ни Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 20.03.2025) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [2], ни Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ (ред. от 09.04.2026) «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» [3] обязанностей глав муниципальных образований осуществлять сбор и передачу данных об избирателях не предусматривают.

Таким образом, несмотря на то, что персональные данные граждан, проживающих на территории муниципальных образований, не нужны главам администраций для выполнения последними своих функций по организации местного самоуправления, нормами избирательного законодательства за главами местных администраций их обязанности по сбору и передаче данных об избирателях закреплены и сохраняются законодателем даже с учетом того, что прав что-то откорректировать (например, при явной ошибке в сведениях) у них отсутствует.

Такое положение руководителей муниципальных образований, сохраняемое законодателем достаточно длительное время, возможно обусловлено желанием сохранения устоявшегося порядка, менять который нет необходимости. Но обозначить «слабые» места сохраняющейся процедуры сбора и передачи избирательным комиссиям данных об избирателях через районные администрации в условиях изменяющихся общественных и социально-политических отношений я считаю целесообразным.

В процессе выполнения указанных функций главы местных администраций, а также иные должностные лица и работники администраций, осуществляющие работу с получаемыми от государственных органов сведениями, становятся операторами персональных данных всех избирателей на своей территории. При этом муниципалитеты менее всех органов из задействованных в предоставлении сведений об избирателях оснащены техническими и программными средствами передачи информации (защищенные каналы связи, средства криптографической защиты и т.п.).

Пунктом 2.4. Регламента установлено, что получение информации от глав местных администраций осуществляется в бумажном виде и (или) на машиночитаемых носителях. Такие «нежесткие» требования к формату предоставления сведений (как электронный, так и бумажный носитель) могут создать условия для массового распространения персональных данных, передаваемых на бумаге или записанных на съемные незащищенные цифровые носители.

Интерес к персональным данным физических лиц в условиях массово применяемых мошеннических схем явно высок, что, как мне кажется, должно было быть учтено Центральной избирательной комиссией при издании в текущем году новой редакции Положения об учете избирателей [4] и Регламента [5].

Для снижения рисков, связанных с распространением персональных данных избирателей, представляется необходимым изменить существующий порядок передачи сведений, исключив обязанность глав муниципальных образований собирать и передавать сведения об избирателях в ИК субъектов РФ. Очевидно целесообразнее было бы закрепить обязанности за каждым из государственных органов, являющихся источниками данных о гражданах, (УМВД, ЗАГС, военкоматы, суды) направлять сведения непосредственно в избирательные комиссии субъекта РФ, что закрепить путем внесения соответствующих изменений в Закон об основных гарантиях избирательных прав [1] и постановления Центральной избирательной комиссии [4], [5].

Список литературы

1. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (последняя редакция)». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/?ysclid=mnhlj95gt152974609 (дата обращения: 27.05.2026).
2. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 20.03.2025) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». URL: <https://constitution.garant.ru/act/local-government/186367/> (дата обращения: 27.05.2026).
3. Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ (ред. от 09.04.2026) «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501319/ (дата обращения: 27.05.2026).
4. Постановление ЦИК России от 25.02.2026 № 218/1683-8 «О Положении о Государственной системе регистрации (учета) избирателей, участников референдума в Российской Федерации». URL:

<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=133944&ysclid=mnizecwugh664538398#xU5ljFVsnSj2JRwd2> (дата обращения: 27.05.2026).

5. Постановление ЦИК России от 25.02.2026 № 218/1684-8 «О Регламенте использования подсистемы "Регистр участников избирательного процесса" Государственной автоматизированной системы Российской Федерации "Выборы" для решения задач, связанных с регистрацией (учетом) избирателей, участников референдума в Российской Федерации».

URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_527423/e6da86904f0c96f764091e96475c211a4d7159f8 (дата обращения: 27.05.2026).

6. Е.И. Колюшин, Избирательная реформа 2020 года в свете принципов конституционного права. //Конституционное право. 2020. № 12. С. 55-59 [Электронный ресурс] URL:

https://old.lawinfo.ru/assets/files/Konst/2020/12/Konst_12_20-8.pdf

(дата обращения: 27.05.2026).

Об авторе:

ХЛЫЩЕНКО Георгий Иванович – студент 1 курса юридического факультета направления подготовки 40.03.01 Юриспруденция

Принято в редакцию 11.06.2026.

Подписано в печать 17.06.2026.

Подписано к использованию 24.06.2026.

Электронный образовательный ресурс. Заказ № 108.

Издательство Тверского государственного университета.

Адрес: 170100, г. Тверь, Студенческий пер. 12, корпус Б.

Тел. (4822) 35-60-63.